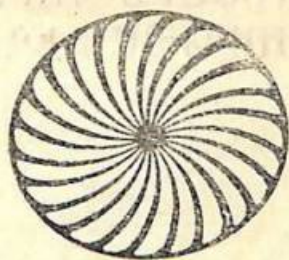

ПАРУЙР МУРАДЯН

ИСТОРИЯ-ПАМЯТЬ
ПОКОЛЕНИЙ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
НАГОРНОГО КАРАБАХА

ՊԱՐՈՒՅՐ ՄՈՒՐԱԴՅԱՆ

ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԸ
ՍԵՐՈՒՆԴՆԵՐԻ
ՀԻՇՈՂՈՒԹՅՈՒՆ Է

ԼԵՌԱՅԻՆ ՂԱՐԱԲԱՂԻ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐ

9(47925)
M-91

П А Р У Й Р М У Р А Д Я Н

И С Т О Р И Я -
П А М Я Т Ь
П О К О Л Е Н И Й

П Р О Б Л Е М Ы И С Т О Р И И
Н А Г О Р Н О Г О К А Р А Б А Х А

ԵՐԵՎԱՆ «ԱՐԿԱՍՏԱՆ» 1990

10621

ББК 63.3(2Ар)

М 910

*Ответственный редактор—академик
АН Армении Г. Х. САРКИСЯН*

Мурадян П. М.

М 910 История—память поколений: Проблемы истории Нагорного Карабаха. / [Отв. ред. Г. Х. Саркисян].—Ер.: Айастан, 1990. — 160 с.

В книге рассматриваются наиболее актуальные вопросы этнической, политической и культурной истории Кавказской Албании и Арцаха (Нагорного Карабаха). Исследование первоисточников выявляет ряд существенных искажений, преднамеренно допущенных азербайджанскими авторами в целях фальсификации истории Арцаха с древних времен до первой трети XIX века.

Книга предназначена для историков и филологов, а также широкого круга читателей.

М $\frac{0503020913}{701(01)-90}$ без объявл.

ББК 63.3(2Ар)

ISBN 5—540—01279—8

© Мурадян П. М., 1990.

УПРОЩЕННЫЙ ПОДХОД МЕШАЕТ ВЫЯСНЕНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В поисках причин возникших и возникающих сложностей в межнациональных отношениях у нас прежде всего и чаще всего делался упор на социально-экономическом состоянии охваченного конфликтом региона. Значение этого фактора общеизвестно и в теоретическом плане. Однако универсальность применения данного положения ко всем регионам страны и при всех конкретных ситуациях вызывает сомнения. Мало о чем говорят и имеющие порою хождение в официальных оценках политические формулировки типа «дело рук националистов», «действовали коррумпированные кланы», «выступили экстремистские элементы» и т. п. По моему глубокому убеждению, они так или иначе применимы лишь при характеристике форм выражения стычек или трений на межнациональной почве, но никак не выявляют и тем более не искореняют первопричину событий. Если мы хотим разобраться по существу в межнациональных конфликтных ситуациях, то следует, вовсе не игнорируя социально-экономическое состояние регионов, учитывать ряд обстоятельств исторического порядка, из которых наиболее значительными представляются особенности формирования этнического самосознания и конфессиональная принадлежность конфликтующих этнических общин. Быть может, такая постановка вопроса правомерна не для всех межнациональных проблем в рамках СССР, но она продиктована этнополитической и историко-

культурной обстановкой на Кавказе в древности и позднее.

В период раннего христианства народы Закавказья объединяло (говоря словами Н. Я. Марра) согласное понимание ими христианского учения, в литературе—тождественные редакции Священного писания, в искусстве—часто совпадавшие художественные формы. Но к началу VII в. это согласие и понимание нарушились вследствие византийской ориентации части христианского Кавказа, что постепенно привело к переоценке имевшихся культурных ценностей и достижений. Это происходило не только в границах основных этнических единиц—армян, грузин и албанов, но и внутри каждой из них, выдвигая на первый план конфессию, которой стали определять и этническую принадлежность: теперь приверженец халкедонитского толка отождествлялся в глазах монофизита с греком-ромеем или, несколько позже, с грузином, а монофизит, последователь «согласного понимания христианского учения»—с армянином. Иными словами, совпадение конфессии с этносом нарушило сложившиеся этноконфессиональные границы, приведя к арменизации части албанов и, возможно, грузин, к грузинизации части армян и тех же албанов.

Ощутимому лишению прежних национальных рамок подвергались на почве конфессиональной принадлежности албаны. Однако едва ли правомерно данный факт объяснять некоей экспансивностью армянской и грузинской церковей. Способствовал этому и уровень этнокультурной консолидации народов, выступавших под собирательным названием «албаны-арранцы». А затем произошла инфильтрация в Кавказскую Албанию новых этнических групп в период хазарских нашествий, арабского, затем сельджукского завоеваний. В течение нескольких столетий эти факторы действовали с такой силой, что былой этнокультурный мир подвергся существенным изменениям. Наряду с персидскими поселениями образовались в культурных центрах края арабские или персидско-арабские, объединенные такими могучими факторами, как ислам и политическая власть.

В период сельджукского владычества значение упомянутых поселений возросло, хотя нельзя сказать, что их сношения с сельджуками проходили без противоборства. Помимо армянских княжеств или царств и вставшего на путь централизации при Баграте IV и Давиде Строителе Грузинского государства, сельджукам противостояли и мусульманские государственные образования Закавказья: арабы-назидиды в Ширване и шаддадиды-курды в Арране, воспринявшие местные, персидские традиции управления государством и налаживания культурной жизни. В крае, давно вступившем в эпоху зрелого феодализма, с уже оформившимися государственными учреждениями и вековыми традициями письменной культуры, утвердилось государство прежних кочевников, еще сохранивших пережитки родового строя и говоривших на тюркском языке. Персидский язык стал языком государственного аппарата, а впоследствии—и придворной литературы. Затем и закавказский культурный мир вступил в новую эпоху, когда ислам превратился в постоянно действующий фактор. Это привело к новым общениям и этнокультурным изменениям, особенно после падения Константинополя в 1453 году. Соперничество Ирана и новообразованной Турции превратило Закавказье в зону постоянных столкновений, а проникновение туда тюркоязычных племен сопровождалось исламизацией не только отдельных княжеских родов грузинского или армянского происхождения, но и значительной части коренного населения.

В средневековом обществе перемена политической ориентации предопределяла нередко и перемену веры. Связь религии и политики в сознании средневекового человека не только традиционна, но и естественна; поэтому один и тот же деятель в первоисточниках мог фигурировать не только по этнической, но и по конфессиональной или политической принадлежности. Так, полководец Григорий Бакуринан в одних источниках называется армянином, в других—грузином. В донесениях послов европейских государств первой четверти XVIII в. сын нацвала Тбилиси Иосиф, католик по вероисповеданию, называется то грузином, то ар-

мянином, то франком, а то и «армянином-грузином из Тбилиси». Следовательно, упрощенный подход к проблемам этноконфессиональной и этнокультурной истории края может сегодня привести (и уже приводит) к искажению исторической действительности.

При описании сегодняшних событий в Нагорном Карабахе и вокруг него в печати указываются причины социально-экономического характера, но умалчивается об искажениях этнической, политической, конфессиональной и культурной истории края. В азербайджанской научной литературе последних лет армянское население Карабаха и прилегающих районов объявляется арменизированными албанцами. Но говорить об албанском происхождении армян Карабаха— это значит исходить из местнических, лжепатриотических концепций. Ведь албанцами объявляются средневековые историографы, законоведы, поэты и книжники, творившие на армянском языке и неоднократно подчеркивавшие свое армянское происхождение. Албанской признается масса памятников культовой архитектуры (одних таких только крупных культовых архитектурных сооружений—1600), не считая малых форм, снабженных огромным количеством строительных, поминальных и иных надписей на армянском языке. Та же тенденция сохраняется при издании первоисточников. Поскольку таких случаев довольно много, полагаю, что на ниве взаимопонимания и улаживания конфликтных ситуаций нам, служителям науки, следует проявлять компетентность, сдержанность и элементарную человеческую порядочность.

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ*

(О книге Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э.—VIII в. н. э.)»)

Сложность проблемы цивилизации Кавказской Албании обусловлена тем обстоятельством, что сведения первоисточников о населении Албании носят на первый взгляд противоречивый характер. Античные и ранние армянские источники под терминами «Албания» и «албанцы» обозначают страну и ее население к северу от нижнего течения реки Куры, а южный берег Куры политически и этнически безоговорочно включают в понятие «Армения». Несколько позже армянские авторы употребляют один и тот же термин для обозначения как собственно албанских областей левобережья Куры, так и двух северо-восточных провинций исторической Армении—Утика и Арцаха на правобережье, которые после упразднения Сасанидами царства Великой Армении были включены ими во вновь образованное Албанское марзпанство Сасанидской державы. Дифференцированный подход к семантике терминов «Албания» и «албанцы», определение их реального содержания для различных эпох в категориях и понятиях современной науки имеет первостепенное значение. Но представление отдельных исследователей о Кавказской Албании, к сожалению, далеко от адекватного отражения древней действительности. Это создает почву для возникновения умозрительных кон-

* Соавторы: Акопян А. А., Юзбашян К. Н.

цепций, отмеченных тенденцией модернизировать древнюю и средневековую историю Закавказья, представить Албанию в качестве цивилизации, во всех компонентах и во все эпохи по крайней мере равной двум другим цивилизациям региона—армянской и грузинской.

Монография Ф. Мамедовой являет собой именно попытку освещения албанской цивилизации. Согласно основной идее работы, Кавказская Албания являлась монолитной политико-географической единицей, расположенной не только на левобережье, но и на правобережье реки Куры, охватившей провинции Утик, Арцах, Пайтакаран и Сюник (включая гавары Нахчаван и Гохти), а ее население, сложившееся в этнос под этнонимом «албанцы» по крайней мере в III в. до н. э., жило единой политической и культурной жизнью, сохраняя свою этническую самобытность, частично подвергшись лишь культурно-идеологической ассимиляции, до позднего средневековья¹. Таким образом, все четыре восточные провинции исторической Армении объявляются областями Кавказской Албании, их население—албанцами, их культура—албанской.

Основное положение этой концепции—тезис о существовании единого албанского этноса. Ф. Мамедова предпочитает не рассматривать его в особом разделе, а провести как бы вскользь, в позитивных тонах, не акцентируя его проблематичность. Поэтому она настаивает на наличии албанского этноса в главе «Источники и историография» (с. 11, 18, 38—41, 61—72, 77—82)² и путем полемики с учеными, по мнению которых

¹ Если не до 1836 г., когда Гандзасарский («Албанский») католикосат был упразднен, а его епархии—непосредственно подчинены юрисдикции Эчмиадзинского («Армянского») католикосата. Специально отмечая это событие (с. 238—239), Ф. Мамедова все же воздерживается от конкретизации процесса арменизации «албанцев» правобережья Куры, происшедшего, по ее мнению, чуть ли не на наших глазах.

² Здесь и далее страницы книги Ф. Мамедовой указываются без упоминания автора и названия. Ссылки на античные источ-

такой этнос не сложился, а термин «албанцы» всегда оставался собирательным наименованием населения политико-административных единиц с названием «Албания»³. Такой способ позволяет автору обойти конкретные факты и основанные на них наиболее конкретные доводы своих научных оппонентов. Каковы же они?

а) До образования Албанского царства на левобережье Куры (в самом начале I в. до н. э.) его население, согласно сообщению Страбона (XI, 4, 6), состояло из 26 племен, каждое из которых имело своего царька и говорило на своем языке.

б) На востоке Албанское царство простиралось до Каспийского моря (от Куры до Дербентского прохода), и многочисленные античные источники упоминают на этом берегу «албанцев». Но в начале III в. н. э. из состава царства вышла вся восточная, приморская сторона, после чего, упоминая многочисленные племена отделившейся территории, источники уже никогда не называли их «албанцами». Из этого следует, что до III в. н. э. в пределах царства «Албания» не произошло консолидации многочисленных племен в этнос, и каждое племя сохранило свой отдельный эндоэтноним (самоназвание).

в) К концу V в., с административным укреплением сасанидского марзпанства «Албания», в состав ко-

---

ники даются по принятым сокращениям, а на тексты армянских источников—с указанием только года издания. Подчеркивания во всех цитатах только наши.—А. А., П. М., К. Ю.

³ См.: *Еремян С. Т.* Политическая история Албании III—VII вв.—В кн.: *Очерки истории СССР. III—IX вв.* М., 1958, с. 327; *Папуашвили Т. Г.* Вопросы истории Эрети... Автореф. дисс. докт. ист. наук. Тбилиси, 1971, с. 6—7; *Новосельцев А. П.* К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период—Кавказ и Византия, вып. 1. Ереван, 1979, с. 18; *Мовсэс Каланкатуаци.* История страны Алуанк. Пер. с древнеармянского, предисл. и комм. Ш. В. Смбацяна. Ереван, 1984, с. 6, 18, 176—177; *Акопян А. А.* Албания—Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987, с. 36—95.

торого были включены, кроме Албанского царства (упраздненного только в 462 г.) и небольших царств горских племен на территории восточной половины античной Албании (упраздненных тогда же), также и две северо-восточные провинции бывшего царства Великой Армении на правобережье Куры (Утик и Арцах), хороним «Албания» был перенесен и на правобережную территорию марзпанства и принят ее армянским населением в качестве названия своей страны. И уже автор конца века Мовсес Хоренаци трактует оба названия страны (армянское «Алуанк» и иранское «Аран») на основании правобережных, армянских реалий. Первое наименование он связывает с прозвищем легендарного прародителя сюнийских князей (внука легендарного прародителя армян Хайка) Сисака «Алу» (по-армянски—«кроткий», «мягкий» и т. д.), а второе—с именем первого, также легендарного наместника северо-восточного наместничества Армянского царства в междуречье Куры и Аракса («от реки Ерсак до крепости, которая называется Хнаракерт») Арана, также потомка Хайка⁴. А это показывает, что и к концу V в. на левобережье Куры не было единого этноса, термин же «албанцы» оставался собирательным названием населения «Албании», политонимом (то есть не стал этнонимом).

г) И, наконец, прямые потомки собственно албанских племен, современные лезгиноязычные народности юго-восточного Дагестана и северо-восточного

⁴ *История*, 1913, II, с. 112. В литературе получила определенное распространение гипотеза К. В. Тревер, согласно которой «Аран» Мовсеса Хоренаци является прародителем, эпонимом собственно албанцев (Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании... М.—Л., 1959, с. 46—47, 49; ср. у Ф. Мамедовой с. 101, 110—111, 171). Эта гипотеза противоречит тексту источника, где Аран называется первым наместником армянской области и возводится к прародителю армян Хайку. Заметим, что Хоренаци возводит к Хайку далеко не всех армянских князей своего времени, отказывая в этом таким могущественным родам, как Багратуни, Арцруни, Мамиконян, Амагуни, Мурацан и т. д.

Азербайджана (лезгины, удины, табасаранцы, цахуры, рутульцы, агульцы, крызы, будуги и хиналугцы) развивались именно под своими эндоэтнонимами, вне какой-либо связи с собирательным названием «албанцы».

Обойдя эти факты, Ф. Мамедова полемизирует с «концепцией армянских исследователей», делая упор на том, что в поздних заглавиях и в самом тексте «Истории Албании» (далее—ИА) Мовсеса Дасхуранци (Каланкатуаци) неоднократно отмечается, что этот памятник представляет собой историю «албанского народа» или «албанцев» (с. 11, 18, 78—79). Она добавляет, что и у Корюфа, Мовсеса Хоренаци, Павстоса Бузанда и Лазара Парпеци, а также у сирийского автора Захарии Ритора неоднократно говорится об «албанцах» как об отдельном, отличном от «армян» народе (с. 79—80). Ф. Мамедова, по-видимому, полагает, что этим дискуссия просто исчерпывается, и проблема существования албанского этноса решается сама собой.

В действительности такая аргументация обнаруживает либо незнание, либо нежелание автора считаться с особенностями отражения этнической принадлежности в сознании средневекового человека и попытку подменить современное научное понимание этноса древними представлениями и терминологией. Придется напомнить, что в средневековом мировоззрении сознание политико-административной и особенно конфессионально-епархиальной принадлежности, как правило, доминирует над сознанием собственно этнической принадлежности. Такое соотношение, с одной стороны, влияет на направленность этнических процессов и конфессиональную ориентацию, с другой стороны, обуславливает неоднозначность этнической терминологии. Акцентирование собственно этнической принадлежности⁵ встречается довольно редко, чаще

⁵ Наглядным примером могут служить слова Ухтанеса, который характеризует грузинского католикоса Кириона как «живерийца по стране и по племени» (*საქართველო და მისი ხალხი*) (Платонидзе, 1870, II, 1, 423).

всего она выражается в различных косвенных данных, поэтому современная наука только на основании комплексного анализа определяет, что скрывается под тем или иным термином—этническая, или всего лишь потестарная общность.

Действительно, древние писатели понимали под «албанцами» отдельный народ, во всяком случае, определенную общность. Действительно, автор конца X в. (по мнению Ф. Мамедовой, начала VIII в.) Мовсес Дасхуранци написал историю «страны Албании» и «албанцев», к которым несомненно причислял и себя. Но что же скрывается под этими терминами в современном научном понимании?

В 428 г. Сасаниды, как было отмечено выше, упразднили царство Великой Армении и создали в Закавказье три марзпанства под прежними названиями «Армения», «Иверия» и «Албания». В состав Албанского марзпанства они включили (до 50-х гг. V в.) бывшие армянские провинции Утик и Арцах в нижнем междуречье Куры и Аракса. Так, вся территория от нижнего течения Аракса до Кавказских гор и Дербентского прохода стала одной административной единицей Сасанидской державы—марзпанством, шахром, «страной». На всю эту территорию распространилась юрисдикция Албанской церкви (примерно до 462 г.— епископства с центром в столице царства Капалаке, после—архиепископства-католикосата с центром в столице марзпанства Чоре-Дербенте). К концу V в. под влиянием этой уже укрепившейся административной системы в армянских источниках сложилась новая территориальная семантика терминов «Алуанк», «Хайк» и «Вирк»: они стали обозначать соответствующие марзпанства⁶.

⁶ Отметим важный момент: согласно армянскому языковому мировосприятию, эти и подобные термины с указателем множественности к (Բ) не только одинаково, но и одновременно означают и определенную территориальную единицу, и ее население, именно как таковое.

В начале VI в. резиденция албанского марзпана была перемещена из Чора во вновь построенный город Партав, то есть с левобережья Куры была смещена на правобережье. В 552 г. из Чора в Партав была перемещена и резиденция албанского католикоса. В начале VII в. сформировались институты «князей» Армении, Иверии и Албании, воплотившие в себе относительную автономию христианского населения марзпанств в нехристианской державе Сасанидов (впоследствии и в Халифате). Резиденция «князя Албании» также находилась на правобережье Куры, в Партаве и Гардмане.

В результате отмеченных перемещений политический, духовный и культурный центр марзпанства оказался в среде правобережного, армянского населения «страны Албании», которое почувствовало себя полновластным хозяином этой страны. На базе всего этого складывается весьма характерная для этнодисперсных групп средневековья (отделенных от основной части этноса политико-административными границами) черта самосознания, которую мы называем «албанским мировоззрением» армянского населения Албании. Его характеризуют следующие воззрения армян правобережной Албании⁷: а) определенное пейоративное отношение к левобережному, собственно албанскому населению марзпанства как к неким «неалбанцам»; б) мнение, что их страна, правобережье Куры, называлась «Албанией» всегда (а не с 428 г.); в) определенное противопоставление своих князей и церкви (как «албанских») соответствующим институтам Армянского марзпанства (как «армянским»).

⁷ Эти воззрения нашли отражение в источниках Мовсеса Дасхурани и у самого историка. В числе его основных источников есть три относительно пространных исторических сочинения, которые созданы в правобережной Албании и дословно переписаны в ИА. Это—«Повесть (или Роман) о царе Вачагане» (II пол. VI в.), «История католикоса Вироя» (630—632 гг.) и «История 684 года». О них см.: Каграманян К. А. Источники «Истории страны Агванк». Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ереван, 1973, с. 15—22; Акопян А. А. Указ. соч., с. 177—211.

Последняя сторона так называемого «албанского мировоззрения» армянского населения Албании является результатом определенной стадии развития общественных отношений. В первоначальном виде она появилась только в «Истории 684 года», а своего апогея достигла в IX—X вв., в эпоху политической раздробленности и феодальных распрей. Одной из целей возникшего в конце IX в. армянского царства Багратидов было воссоединение всех собственно армянских областей, почему и было реставрировано старое (ар² ташесидских и аршакидских времен) название государства—«Великая Армения». Первоначально Багратидам удалось довести свои восточные границы до Партава. Однако вскоре их царство распалось на отдельные феодальные владения во главе как с Багратидами, так и с другими армянскими княжескими родами. Откликом на центробежные стремления влиятельных феодалов различных областей Армении являлись (программные исторические сочинения, восхвалявшие соответствующие феодальные роды и настаивавшие на их праве суверенного царствования⁸. В своей борьбе за «свободу» от Багратидов и поддерживавшего их объединительную политику армянского католикосата светские и духовные владыки правобережной Албании имели весьма мощное подспорье: их области входили в состав «страны Албании», и это было зафиксировано в пятiveковой традиции. Мовсес Дасхуранци именно в эту эпоху⁹ предпринял попытку создать всеобъемлющую историю «Алуанка», то есть «Албании» и «албанцев», представив ее как историю отдельной страны со своим народом, чтобы подтвердить право светских и духовных феодалов армянского правобережья Куры властвовать в «своей» стране в царском

⁸ Ср.: Ն. Աղսեց. *Սորենացիական հարցն ու չ. Վարդան Հաջուհի. — «Անահիտ», 1938, № 13, էջ 86—87.*

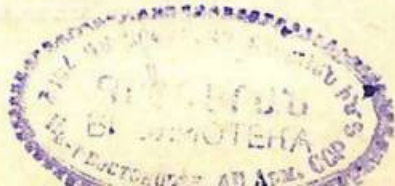
⁹ В настоящее время можно говорить об относительно точной дате написания ИА между 982—988 гг. (Ս. Հակոբյան. *Մովսես Կաղանկատվացու «Աղվանից պատմութիւն» ձեռագրերը. — «Բանբեր Մատենադարանի», 15, Երևան, 1986, էջ 142—143.*)

и патриаршем величин—так, как Багратиды и армянские католикосы властвуют в «Армении».

Для выявления этнической картины интересующего нас региона изучение ИА имеет первостепенное значение. Выходцу из армянского правобережья Куры Мовсесу Дасхуранци удалось собрать доступные ему отрывки из сочинений других армянских авторов, упоминающих «Алуанк» и его правобережные и левобережные области, добавить имевшиеся под рукой документальные материалы и различные легенды¹⁰, связанные исключительно с правобережными святынями, немного видоизменить их¹¹, расположить все это в хронологическом порядке и, явно подражая Мовсесу Хоренаци (написавшему историю «Хайка», то есть «Армении» и «армян», от Адама до V в.), изложить историю «Алуанка», начиная от легендарного первого человека до своего современника, царя «Албании» (Парисоса) Йовханнеса-Сенекерима. И все

¹⁰ Самой важной для историка была легенда об апостоле Елишае, возникшая в VII в. (впервые имя Елишай сообщает «История 684 года»). В ту эпоху Албанская церковь начала доказывать свое полное равноправие с Армянской церковью, уже объявившей себя патриаршеством. Подобно многим церквам, стремившимся к полной автокефалии, она стала возводить себя к Иерусалиму и вымышленному апостолу. Эта тенденция была осуждена при армянском католикосе Елии и албанском католикосе Симэоне Партавским собором 704 г., который подтвердил за армянским католикосатом традиционный статус «первого среди равных». В X в. Мовсес Дасхуранци снова всеми средствами настаивает на апостольском происхождении своей церкви и на ее полном равноправии с Армянской. Его вполне можно понять. Но невозможно понять Ф. Мамедову, которая в XX в. на основании такой легенды серьезно рассматривает вопрос об апостольском этапе христианизации Албании, настолько серьезно, что даже оспаривает пальму первенства обнаружения этого этапа у Р. Геюшева (с. 60—61, 65, 77, 91, 111, 217, 221—226, 242).

¹¹ Не всегда удачно, ибо нередко это становится фальсификацией документов, конечно, если относиться к данному явлению с современными (а не средневековыми) критериями подхода к источникам.

это вне какой-либо связи с собственно Албанией, ее племенами и языками, хотя историк считает левобережье Куры неотъемлемой частью «страны Албании». Являясь ярким носителем так называемого «албанского мировоззрения» армянского населения Албании, Мовсес Дасхуранци всей своей культурно-идеологической преемственностью, особенностями историкографической школы, источниковой базой и, конечно, языком остается в культуре армянского средневекового этноса. Этими же моментами, с другой стороны, определяется истинное этническое лицо Албании X в. в современном научном понимании.

Автор ИА представляет центром своей страны правобережные области и для обозначения левобережного, собственно албанского населения употребляет различные пейоративные эпитеты. Своих современников, князей Араншахиков (ставших к тому времени уже царями), по-видимому, в силу их неприкосновенных убеждений, Дасхуранци продолжает возводить к легендарному прародителю армян Хайку. Говоря о своем народе, применяя при этом притяжательное местоимение или артикль *и* (*мы, я, сей*), он (как и его источники) употребляет исключительно термин «восточные» («мы-восточные» и т. д.) и никогда—термин «алуанк» (албанцы)¹². В текст Пилона Тиракаци, восходящий к «Генеалогии» Ипполита Римского, в котором перечисляются народы, имевшие письменность, автор ИА добавляет от себя «албанцев» (I, 3, с. 6) и, вместе с тем, переписывая рассказ Мовсеса Хоренаци о создании Маштоцем и его соратниками албанского

¹² Этот факт чрезвычайно примечателен, ибо при всей законченности традиционной терминологии и приверженности историка к ней, его вполне могло и не быть. Термины «Восток» и «восточные», как правило, трактуются как «Восток Армении» и «восточные из армян». Ф. Мамедова, не разобравшись в сирийской номенклатуре, предлагает невероятную их трактовку как «Восток христианского мира» и «восточные из христиан» (с. 77, 224, 262). Впрочем, в заинтересовавшем нас аспекте семантика терминов не имеет никакого значения.

письма, он сохраняет характеризующие этот язык все пять пейоративных эпитетов источника¹³, таким образом, как бы отмежевываясь от собственно албанской письменности, о существовании которой он, возможно, и знал.

Итак, никаких данных, связывающих «албанцев», какими они выступают в ИА, с собственно албанцами, памятник не содержит. Под «албанцами», которых он в *сознаваемых и дозволяемых* в эту эпоху критериях противопоставляет «армянам», Мовсес Дасхуранци подразумевает основное население «страны Албании» от Аракса до Дербента, всю паству монофизитской Албанской церкви, то есть армян правобережья и собственно албанцев-христиан левобережья Куры, частично (но никак не полностью) уже арменизированных. Таким образом, в силу комплекса анализированных причин у историка ярко проявляется типично средневековая особенность самосознания, когда определяющим становится не собственно этническая, а церковно-юрисдикционная принадлежность, и конфессионально-епархиальный аспект доминирует над всеми остальными.

И конкретные, и косвенные данные, заставляющие считать население правобережной (отчасти и левобережной) Албании в эпоху Мовсеса Дасхуранци армянским, содержат как другие армянские, так и иноземные синхронные источники. Иоанн Драсханакертци, католикос Армении в 898—929 гг., рассказывая о своей поездке «в страну восточную Албанию, к великому князю Сахаку» (владыке Гардмана и Парисоса на правобережье Куры) и «к царю Атрнерсеху» (царство «Албания» армянских и византийских, «Эрети» грузинских и «Шакин» арабских авторов на левобережье), отмечает, что «они были *из народа нашего*, и паства

¹³ ИА, 1983, II, 3, с. 117. Сведение вкратце повторяется и в последней главе ИА (III, 23 (24), с. 342). Ср. также в главе I 27 (с. 95—96), где приводится легендарный рассказ дословно переписанной «Истории 684 года» о Маштоце, который обучал св. Писанию «дикие племена Кавказа... на их языке».

их—с паствы нашего» («*զի և նքի ի ժողովրդենէն մերմէ և խաշն արօտի մերոյ էին*»)¹⁴. Еще А. Мнацаканян справедливо заметил, что в данной информации население указанного края считается частью армянского народа и по признаку вероисповедальному («паства прихода нашего»), и по признаку национальному («из народа нашего»)¹⁵.

Свидетельства иноземных авторов по этому вопросу особенно примечательны, поскольку они были в общем свободны от влияния традиционной армянской терминологии и констатировали положение вещей на основании непосредственного знакомства со страной. Сирийский автор VI в. Пс. Захария Ритор рассказывал, что в стране гуннов проповедовали христианство «армянские епископы» Макар и другие, прибывшие из Албании¹⁶. Согласно императору Константину Багрянородному, официальные письма византийцев к князьям Хаченским и Севордийским (на правом берегу Куры), так же как и к другим армянским князьям X в., адресовывались «в Армению»¹⁷. Арабские авторы этой же эпохи называют армянских князей Албании (Арана) именно «армянскими батриками»¹⁸. В то же самое время, Пс. Захария Ритор, рассказывая о пяти закавказских странах, сообщает, что «Аран» населяет верующий народ со своим языком¹⁹, имея в виду, несомненно, собственно албанцев. Арабские географы X в. сообщают, что в «Арране» употреблялся арран-

¹⁴ *Գրիգորիանի հիերոնիմոսի, 1912, էջ 217*. Такую же информацию предоставляет и Тома Арируни (*Բովիմ, 1917, էջ 309—311*).

¹⁵ Мнацаканян А. Ш. О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969, с. 43.

¹⁶ См.: Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, с. 166—167.

¹⁷ *Constantini Porphyrogeniti De ceremoniis aulae Byzantinae*. Vol. II. Воннае, 1829, р. 687—688.

¹⁸ См.: Буниятов З. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, с. 311, 324, 325, 329. Ср. В. Ф. Минорский История Ширвана и Дербенда — XI вв. М., 1963, с. 214.

¹⁹ Пигулевская Н. В. Указ. соч., с. 165.

ский язык²⁰, имея в виду, конечно, язык собственно албанского населения.

Основываясь на проделанном выше анализе источников и на теоретических положениях, выработанных в советской этнографической науке²¹, представляется возможным конкретнее поставить вопрос об этнических процессах, протекавших в Восточном Закавказье.

²⁰ Написавший свое сочинение в 930 г. ал-Истахри, к которому восходят сведения ибн Хаукаля (977—978) и ал-Мукаддаси (985), сообщает, что, кроме персидского и арабского языков, употребляемых населением Азербайджана, Армении и Аррана, в стране Дабилы (Двина) говорили на армянском, а в стране Барда'а (Партава)—на арранском языках (см.: СМОМПК, вып. 29, ч. I, Тифлис, 1901, с. 29). У ибн Хаукаля в соответствующем месте говорится: «жители Дабилы ... [и] ...Барда'а», а у ал-Мукаддаси—«в Армении... [и]... в Арране» (см.: СМОМПК, вып. 38, ч. I, Тифлис, 1908, с. 12, 100). Не видя, как нам представляется, в текст ал-Истахри—первоисточника информации, исследователи, как правило, полагают, что по-аррански говорили в X в. преимущественно жители Партава и его окрестностей (*J. Marquart, Etänsahr nach der Geograph e Ps. Moses Chorenaci. Berlin, 1901, S. 117; Еремян С. Т. Указ. соч., с. 305; Тревер К. В. Указ. соч., с. 310; Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 29*). Конечно, под термином «страна Барда'а» следует понимать не район Партава (как неверно был понят текст ал-Истахри ибн Хаукалем), а весь Арран (как правильно понял свой источник ал-Мукаддаси), названный так по своему административному центру (подобная терминология свойственна и другим арабским авторам). Решить же вопрос, все ли население Аррана или только отдельных его районов говорило по-аррански, можно лишь путем анализа совокупности известных нам данных. То есть мы полагаем, что фраза арабских авторов «в Армении—по-армянски, в Арране—по-аррански» не может быть основанием для категоричных суждений. Нельзя же из фразы «в Англии говорят по-английски, а в Уэльсе—по-валлийски» заключить, что в Уэльсе нет англичан. Учитывая весь материал, носителей арранского языка следует идентифицировать с населением левобережья Куры.

²¹ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983, с. 233—243.

казье с античного периода до XI—XIII вв., до эпохи появления в регионе в широких масштабах тюркоязычного этнического массива.

Как было показано вначале (см. выше), в Албанском царстве не произошло консолидации 26 племен в единый этнос, и политоним «албанцы» оставался их собирательным названием (как современные политонимы «индийцы», «югославы», «дагестанцы» и т. д.). Но важно сознавать, что почти шестивековое функционирование царства на левобережье Куры должно было способствовать какой-то консолидации населявших его племен (большая часть которых, кстати, восходила к пралезгиноязычной этнолингвистической основе), установлению определенных общностей в политическом самосознании, в духовной культуре. То есть весьма вероятно существование на левобережье Куры некоей метаэтнической политической общности²², обладавшей определенной перспективой (правда, не осуществившейся) консолидироваться в этнос. Все это позволяет специалистам говорить о «/собственно/ албанцах», «/собственно/ албанской цивилизации» и подразумевать отмеченную метаэтническую общность под термином «албанцы» в античных и ранних армянских источниках.

Административное укрепление Албанского марзпанства Сасанидской державы способствовало сложению единой политической, экономической и культурной жизни в «стране Албании» от Аракса до Дербента и межэтнической интеграции ее армянского и собственно албанского населения. И в то же время выявились предпосылки к альтернативному противопоставлению культуры собственно албанских племен левобережья и весьма однородной культуры армянского правобережья Куры, причем будущее оказалось за правобережьем. Смещение политического и духовного центра Албании на юг, признание армянского языка единственным официальным языком албанского като-

²² О термине см.: Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности. — В кн.: Расы и народы, вып. 6, М., 1976, с. 15—41.

ликосата²³, этнокультурная и языковая разобщенность собственно албанских племен привели к сокращению сфер функционирования литературного албанского языка²⁴, к консервации и без того пассивного процесса консолидации собственно албанской этнической общности и к широкому восприятию левобережным христианским населением армянской культуры правобережья. Начавшаяся же в период арабского владычества мусульманизация части собственно албанских племен окончательно остановила процесс их консолидации. Впредь они развивались только под свои-

²³ Официальными языками албанского католикосата в капалакский и чорский периоды были албанский и армянский. Функционирование первого в этой роли доказывается как сведениями нарративных источников (Левонд сообщает о существовании албанского перевода евангелий, а в «Книге посланий» имеется сведение о наличии резолюции Двинского церковного собора 506 г. и на албанском языке), так и общими положениями (албанское письмо могло быть создано в первую очередь для удовлетворения церковных нужд). Функционирование в этом же амплуа армянского языка доказывается как конкретным материалом (наличие в Иерусалиме надписи албанского царя Есвалэна на армянском языке), так и фактом культурного влияния Армении на Албанию и статусом «первой среди равных» Армянской церкви по отношению к Иверской и Албанской (как следствие этого—рукоположение в Армении епископов Албании, культурное движение эпохи Маштоца и т. д.). Прекращение функционирования албанского в качестве *официального* языка Партавского католикосата видно из анализа программных документов Албанской церкви второй половины VI в.—«Повести о Вачагане» и «Алуэских канонов», в которых возвышается правобережный духовный центр «страны Албании», а капалакский и чорский периоды вовсе замалчиваются.

²⁴ После середины VI в. в течение ближайших веков литературный албанский язык продолжал еще функционировать в собственно албанских христианских общинах в качестве языка местной церковной службы. На левобережье Куры сохранились 8 надписей на этом языке. Говорить о других сферах его функционирования, кажется, не приходится.

ми племенными этнонимами-самоназваниями (эндо-этнонимами), подвергаясь влиянию христианских армянской и грузинской и мусульманских арабской и персидской культур. С этих пор можно говорить не о собственно албанской цивилизации, а лишь о культурах ее наследников.

С другой стороны, судя по данным ИА, эпоха усиления центробежных стремлений способствовала укреплению, во всяком случае в некоторых кругах правящих классов Утика и Арцаха, так называемого «албанского мировоззрения», превращению его в «самосознание» армянского населения Албании. Последнее характеризуют абсолютизация понятий «Албания» и «Армения» вплоть до антитезы «мы»—«они» и склонность к употреблению своеобразных самоназваний «восточные» и (в меньшей степени) «албанцы»²⁵. Одновременно следует учесть, что этот процесс происходил параллельно с межэтнической интеграцией (хотя и сегрегационной) правобережного армянского и левобережного собственно албанского христианского населения. Сам Мовсес Дасхуранци уже склонен представить это население в качестве единой общности. Исходя из сказанного, перспективу образования политико-конфессиональной метаэтнической общности «албанцы» или «восточные» (на армянской этнокультурной основе) и ее превращения в новый, производный от армянского этнос (этническая сепарация), возмож-

²⁵ В этом аспекте очень характерно, что Мовсес Дасхуранци, переписывая текст Пилона Тиракаци о восхождении народов к тем или иным потомкам Ноя, где армяне возводятся к внуку Иафета Торгому (Тогарме у Ипполита), считает необходимым добавить и «албанцев», причем—там, где говорится о *другом* внуке Иафета—Китии (в ИА—Китур: I, 2, с. 4—5). Правда, выбор кандидатуры предка оказывается не совсем удачным, ибо Китий—традиционный предок киприотов и каких-то островитян. И этот факт также характерен, так как он показывает, насколько была серьезно обдуманной (а в современном научном понимании—обоснованной) тенденция Мовсеса Дасхуранци представить «албанцев» в качестве отдельного народа.

но, следует считать реальной²⁶. Имеющиеся факты позволяют с уверенностью говорить только о том, что такой перспективе не суждено было осуществиться. Ослабление, распад и упразднение царства армянских Багратидов, сельджукское завоевание и ослабление политической власти армянских светских владык в Армении и Албании привели к утиханию феодальных распри и зжившихся на них этноразделительных моментов. И уже источники XII в. свидетельствуют о том, что при бытовании традиционных терминов «Армения» и «Албания», соответствующих епархиям двух католикоساتов, этнополитическая общность населения полностью осознавалась как в Армении, так и в Албании²⁷.

²⁶ Правда, эту возможность не следует абсолютизировать хотя бы потому, что в средневековом Закавказье в качестве важного этнодифференцирующего признака осознавалась и общность языка. К примеру, грузинский автор X в. Георгий Мерчул отождествляет свою родину с той территорией, где «церковную службу совершают и молитвы творят на грузинском языке» (*Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. Введение*, издание, перевод Н. Марра. СПб., 1911, с. 123). Учтем также, что в период своего апогея анализируемая тенденция не охватывала даже все слои правящего класса. Вспомним хотя бы сведение Константина Багрянородного о том, что имперские дипломатические послания в Хачен и Севордик в X же веке содержали формулу «в Армению».

²⁷ Выходец из западных районов расселения армян Маттеос Урхаеци называет Албанию примечательным термином—«Глубинная страна Армении» (*Այաշխարհն. Աղբաւնիս, որ ասի՝ Խորին աշխարհ չայոց»*) (*Մատթեոս, 1898, էջ 230*; ср. также с. 3—5, 17, 81, 220, 221). Выходец же из Гандзака (совр. Гянджа на правобережье Куры) Мхитар Гош причисляет владения арцахских армянских князей к низложенному «эламитянами» (мусульманским правителями) «Армянскому царству» (*Եթադաւորութիւնն չայոց»* см., *Չայոց նոր վիպանքս, աշխ. Ն. Մանանդյանի և Ն. Աճառյանի, Վաղարշապատ, 1903, էջ 23*; ст. также *Միլիթար Գոշ. Գիրք դատաստանի աշխ. Խ. Թարսյանի. Երևան, 1975, էջ 1, 25, 283*).

Таким образом, анализ этнических процессов в древней и средневековой Албании показывает, что ни во время существования Албанского царства, ни после его упразднения на левобережье Куры не произошло консолидации собственно албанского этноса. Процессе же сегрегационной межэтнической интеграции всего христианского монофизитского населения Албанского марзпанства привел в конечном счете только лишь к простой ассимиляции (арменизации) части собственно албанского населения.

* * *

Другой важнейшей задачей книги Ф. Мамедовой является доказательство того, что исконной и неотъемлемой частью Албании являлось нижнее правобережье Куры—провинции Утик, Арцах, Пайтакаран и Сюник исторической Армении. Проведем анализ аргументации в той же очередности.

Утик и Арцах. Многочисленные сообщения античных и ранних армянских источников, согласно которым граница Албанского царства с царством Великой Армении на всем своем протяжении проходила по Куре, общеизвестны²⁸. При однозначности этой информации источников, естественно, с недоумением была встречена попытка К. Алиева показать, что Албанское царство античного периода (во всяком случае в I—II вв. н. э.) простиралось южнее Куры, охватывая провинции Утик и Арцах²⁹. Эта попытка уже подверглась основательной критике А. П. Новосельцевым³⁰. Ф. Ма-

²⁸ Это хорошо знакомые сведения Страбона, Плиния Старшего, Птолемея, Плутарха, Диона Кассия, Квадрата, Алпиана, Стефана Византийского, Корюна, Агатангелоса, Павстоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци, «Ашхарацойца», «Гахнамака», «Зорнамака», «Списка армянских епископств, учрежденных Григорием Просветителем» и т. д.

²⁹ Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э.—I в. н. э.) Баку, 1974, особенно см. с. 83—123.

³⁰ Новосельцев А. П. Указ. соч., с. 10—18.

медова знакома с этой критикой, однако воздержаться от объявления правобережья Куры составной частью античной Албании никак не намерена. Как же она поступает с однозначной информацией источников?

Свидетельства античных писателей об албано-армянской границе по Куре в книге объявлены просто «неточными» на том лишь основании, что они восходят к информации «участников римских походов в Закавказье, чьей целью (?) было преследование понтийского царя Митридата, а вовсе не изучение Албании» (с. 120, 146). Для Ф. Мамедовой не помеха, что современная наука об истории немалой части древней ойкумены основывается главным образом именно на сообщениях участников различных походов греков и римлян. Да и можно ли заподозрить столь последовательную «неточность» свидетельств именно об албано-армянской границе у тех легионеров Помпея, которые зимовали у этой границы, отражали нападение албанцев с той стороны Куры и, наконец, переходили ее.

В качестве дополнительного аргумента в пользу «неточности» сообщений о Куре как о границе Албании с Арменией Ф. Мамедова указывает на те сведения Страбона, в которых говорится, что Кура течет «по Албании» (географ употребляет при этом предлог или префикс *δια*—первое значение «через», «по») ³¹. Но ей следовало бы серьезнее отнестись к другим пассажам «Географии», где река буквально называется границей, затем внимательнее изучить значения *δια* и узнать, что оно означает также и «вдоль» ³². Далее Ф. Мамедова приводит слова Страбона о том, что албанские племена «владеют плодородной землей и могут развивать хорошее хозяйство» (XI, 4, 3), и

³¹ Страб., XI, 1,5; 3,2; 4,2. Эти сведения «обнаружил» еще К. Алиев (указ. соч., с. 86, 87, 89, 113—114), однако Ф. Мамедова предпочитает обойтись без ссылок на него (с. 119, 145—146).

³² См.: Greek-English Lexicon. Completed by H. G. Liddel and P. Scott (пункт 3). Ср.: Говосельев, А. П. Указ. соч., с. 15.

добавляет: «Если бы правобережье Куры было армянским, то слова Страбона в равной степени относились бы и к армянам, ибо правый берег Куры также плодороден, как и левый» (с. 145). Но ведь географ действительно буквально отмечает не только принадлежность правобережных областей Сакасны и Араксны Армении, но и их удивительную плодородность (II, 1, 14; XI, 7, 2; 8, 4; 14, 3—4; 6). Самое странное то, что в конце той же страницы Ф. Мамедова сама вспоминает «о данных Страбона об областях Араксене (XI, 14, 4), Сакасене (XI, 8, 4) как армянских». По-видимому, вся ее надежда—на невнимательность читателя. Но на что она надеется, когда приводит слова Плиния Старшего: «всю равнину, начиная от реки Кир заселяет племя албанцев...» и сразу же добавляет: «Следовательно, албаны заселяют равнину двух берегов Куры—левогобережья и правобережья»?! (с. 154)³³.

Далее наступает черед древнеармянских писателей. Оказывается, что Павстос Бузанд, изложивший примерно в 70-х гг. V в. историю своей страны в IV в., благодаря которой до нас дошли ценнейшие сведения, в том числе и об армяно-албанской границе по Куре, был искусным фальсификатором и тенденциозно расширял пределы Армянского царства IV века (с. 124—126). Зачем? «Чтобы идеологически подготвить население к антиперсидскому восстанию (450—451 гг.), необходимо было создать труд, гиперболизированно изображающий мощь Армении, ее территориальную целостность... С этой целью Фавстос Бузанди (!) включает в состав Армении... наряду с другими землями и албанские области правобережья Куры—Ути, Арцах и Пайтакаран» (с. 125). Но как может

³³ Ср.: *Plin. Nat. Hist.* VI, 29 (у Ф. Мамедовой почему-то—26). На это сведение указывал и К. Алиев (указ. соч., с. 85, 125). Но он хоть переводил фразу «a Syro usque» не «начиная от реки Кир», а «вплоть до всей равнины реки Кюр». Неужели Ф. Мамедова поняла несуразность перевода латинского предлога a, ab («с, от, из») как «вплоть до»?

труд, созданный в 70-х гг. V в. (у Ф. Мамедовой — в конце V в.), подготовить население к восстанию 450—451 гг.? Остается также загадкой, как могли готовившиеся к восстанию армяне претендовать на области, никогда (по мнению Ф. Мамедовой) не входившие в состав Армении.

Умозрительность и дилетантизм рассуждений автора безграничны. Как охарактеризовать иначе ее утверждение о том, что «Армянская география VII в.» («Ашхарацойд»), в которой подчеркивается неидентичность «собственно Албании» к северу от Куры с армянскими областями правобережья, восходит «к данным Фавстоса Бузандаци» (с. 126)? Можно ли считать объективным современного ученого, если он пишет: «Фактически только на данных Фавстоса Бузандаци и «Армянской географии VII в.» основывается мнение исследователей о том, что области правобережья Куры... только в 387 г. стали албанскими, а до этого входили в состав Армении» (с. 126), и этим благополучно обходит сведения Корюна, Агатангелоса, Хоренаци, документальных источников «Гахнамака», «Зоранамака», и «Списка армянских епископств», также конкретно относящих Утик и Арцах к Армянскому царству? Можно ли считать серьезным исследователя, который обвиняет своих оппонентов в неверном представлении точек зрения предшественников и для этого приводит неполную фразу С. В. Юшкова: «Нельзя думать, что Албания при Страбоне занимала только долину по левому течению реки Куры»³⁴, пытаясь создать у читателя впечатление, будто ученый настаивал на вхождении в Албанию и правобережья (с. 73). В действительности, С. В. Юшков полемизировал с А. Яновским, помещавшим Албанию лишь на левобережной равнине вплоть до Кавказских гор, и доказывал вхождение в эту страну также и большей части Дагестана³⁵.

³⁴ Ср.: Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании. — Исторические записки, № 1, М., 1937, с. 132.

³⁵ Заметим, что Ф. Мамедова не отличается учтивостью по отношению к своим оппонентам. Складывается впечатление, что

Покончив с информацией греко-римских и ранних армянских источников об албано-армянской границе, проходившей в период существования обоих царств по Куре, Ф. Мамедова заявляет, что автор ИА, изображавший правобережье изначально в составе «страны Албании», «знал и изучал историю и географию своей страны несомненно лучше, чем римляне во время своего кратковременного похода против понтийского царя» (с. 120—121, с. 119, 126, 145). В дальнейшем сообщения Мовсеса Дасхуранци превращаются в обладающие магической силой «албанские реалии», которыми Ф. Мамедова «опровергает» все остальные, не совпадающие с ее идеями сведения источников³⁶. Уже подобное допущение—предпочтение мнения автора X в. свидетельствам в основном современников со- она предполагает сознательно взвинченной остротой формулировок «перетянуть» на свою сторону читателя, который не будет проверять аргументацию. А как же специалисты? Здесь отметим только голословность обвинения в плагиате Г. Свазяна и Ш. Смбадяна, чьи работы, касающиеся армянской социально-экономической терминологии, напомнили Ф. Мамедовой ее собственную работу (с. 84, 260). Ей не следует забывать, что как их, так и ее разработки полностью основываются на фундаментальных исследованиях Н. Адонца, Я. Манандяна, С. Акопяна, Т. Авдалбегяна и С. Еремяна.

³⁶ Конкретизации «албанских реалий» Ф. Мамедова достигает «сравнительным анализом реалий закавказских стран», который на деле оказывается утверждением, что Албания всегда представляла собой сильную независимую государственность в то время как Армения после Тиграна II фактически перестала существовать как государство (с. 56—57, 59—60, 121—124). Этому неожиданному утверждению нелегко возразить (во всяком случае кратко), ибо оно—результат не фальсификации тех или иных данных источников и научной логики, а вообще—отвлечения от того и от другого. Отметим лишь, что такое утверждение находит параллель только в трудах турецких буржуазно-националистических историков-политологов, побуждения которых не имеют ничего общего с наукой (см.: E. Uras. *Tarihçe Ermentler ve Erment Meselesi*. Ankara, 1950, sel. 97—98; S. Koças. *Tarih boyunca Ermentler ve Türk-Erment İlişkileri*. Ankara, 1967. sel. 26).

бытий, греко-римских и ранних армянских историков—является признаком того, что Ф. Мамедова сознательно отступилась от элементарных принципов источниковедения. Только теперь, в свете ее утверждения, будто автор ИА изучал древнюю историю своей страны, становится окончательно понятным, почему она так последовательно пренебрегает серьезными исследованиями об источниках и манере пользования ими Мовсеса Дасхурани (ср. с. 12). Все очень просто: в них показано, что, komponуя древнюю историю «Алуанка», армянский автор X в. не имел под рукой ничего, кроме легендарных сведений Мовсеса Хоренаци и Пилона Тиракаци, а также легенды о Елишае, которые перерабатывал исходя из нужд своей эпохи. В них же выяснены и причины воззрения Дасхурани об изначальном вхождении Утика и Арцаха в «Алуанк» (см. выше).

Говоря об Утике и Арцахе, обратимся к проблеме этнического состава этих областей. По мнению ряда серьезных исследователей, их население было родственно собственно албанским племенам левобережья Куры и арменизировалось благодаря долгому нахождению в составе царства Великой Армении³⁷. Но в исследованиях последних десятилетий все более настойчиво выступает точка зрения, согласно которой население правобережья Куры было армянским уже с эпохи образования древнего армянского этноса, следовательно, говорить о его арменизации нельзя³⁸. Эта точка зрения основывается на армянской тради-

³⁷ *Март Н. Я.* К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. — Изв. императорской Академии наук, 1916, № 15, с. 1379—1408; *Адонц Н.* Указ. соч., с. 230; *Орбели Н. А.* Избранные труды. Т. 1, М., 1968, с. 214; *Еремян С. Т.* Указ. соч., с. 304; *Тревер К. В.* Указ. соч., с. 46 сл.; *Новосельцев А. П.* Указ. соч., с. 11, 18.

³⁸ *Мнацаканян А. Ш.* Указ. соч., с. 15—64. *Մուրադյան Բ. Գրվազնիք Հայոց Արևելից Կողմանց ստանության (V—VI դդ.), Երևան, 1981, էջ 63—80.* Мовсес Кланк туаци. История страны Алуанк, с. 5—5; *Акопян А. А.* Термины *Албания* и „албаны“, с. 3—6.

ции V в., в частности, на сведениях Мовсеса Хоренаци и Агатангелоса, согласно которым население Утика и Арцаха восходило к легендарному прапродителю армян Хайку. Указывается и сообщение Страбона о том, что во времена царствования во II в. до н. э. царей Арташеса и Зареха население Армении было одноязычным. Указывается также, что правобережье Куры не было завоевано Арменией во II или I вв. до н. э. (как полагал ряд ученых), а входило в ее состав уже в эпоху царства Ервандидов (VI—II вв. до н. э.) как наследство, полученное от Урартского царства. Эти факты сами по себе весьма конкретны, хотя в силу недостаточной информативности по данной проблеме *нарративных* источников фигурировать в качестве абсолютного доказательства не могут.

Но вместе с тем и традиционная точка зрения основывается скорее на академической традиции, чем на конкретных фактах, выявленных автогенно, а не под воздействием и для поддержания господствовавшего воззрения. Последнее сложилось на основе первоначальной трактовки еще только что обнаруженной ИА как истории того албанского (собственно албанского) народа, о котором наука XVIII—XIX вв. хорошо знала из античных и ранних армянских источников. На этой основе в яфетической концепции Н. Марра сложилось представление о том, что первоначально вся северо-восточная половина Армянского нагорья была населена иберийско-кавказскими племенами, которые со временем передвигались на север. В современной науке сама концепция отвергается, но представление о первоначальном населении Утика и Арцаха осталось благодаря традиционной локализации на правобережье албанских племен гаргареев и утиев, первых—на реке Каркар, вторых—в провинции Утик.

На основании сводного анализа античных и средневековых источников уже показано, что албанского племени гаргареев в действительности не существовало, а термин «гаргараци» употреблялся в армянских источниках (Хоренаци, «История 684 года») в качестве пейоративного эпитета для обозначения населе-

ния собственно Албании³⁹. Что касается «Утика», то на сегодняшний день соответствие этого топонима этнониму «утии» вряд ли может вызывать сомнения. Однако также немаловажен и другой факт. Античные источники упоминают на восточном Кавказе несколько названий племен с компонентом «ути». Это «утии» Страбона и его последователей, «удины» Плиния Старшего и «уды» Птолемея на каспийском побережье к северу от Дербентского прохода, «ути/дорсы» Плиния к западу от них⁴⁰. На основании их локализации и археологического материала эти племена могут быть отнесены к кругу собственно албанских (лезгиноязычных). С другой стороны, те же античные источники упоминают провинцию Великой Армении Утик, но в форме «Отена»⁴¹. Различные компоненты «ти» и «оте» очевидно. А это показывает, что, хотя провинция, возможно, и получила свое название от какого-то лезгиноязычного племени «ути», уже в античный период это не осознавалось. То же самое показывает и анализ армянской традиции. Ранние авторы, неоднократно употреблявшие термин «Утик» (*Утия, утийцы*) или его варианты («Ути», «Утэацик», «Утиакан»), указывают, что он относится именно и только к правобережью Куры. Современные же удины упоминаются в источниках (тоже армянских) с XVII в. и только к северу от этой реки. Мовсес Хоренаци возводит «утийцев» (население и князей провинции) к легендарному праро-

³⁹ Հախրոյան Ա. Հ., Գարգարացիները ըստ անտիկ և հայկական սկզբնաղբյուրների. — «Պատմա-րանասիրական հանդես», 1982, № 4, էջ 116—130.

⁴⁰ Strab. XI, 8, 8; Plin. Nat. Hist. VI, 38—39; Ptol. Geogr. V, 8, 23. В районе проживания современных удины на левобережье Куры античные авторы не упоминают племени ути, но его можно ретроспективно восстановить на основании современного состояния и факта распространности у лезгиноязычных племен анализируемого этнонима.

⁴¹ Plin. Nat. Hist. VI, 42; XII, 28; Ptol. Geogr. V, 12, 9; Steph Byz. s. v. Ὀτινή; Ὀβάρηνη
3—559

дителю армян. Таким образом, начиная с античного периода связь населения провинции с собственно албанскими племенами не осознавалась. Поэтому следует думать, что на южном берегу Куры проживало какое-то родственное собственно албанским племя с названием «ути» (третье или четвертое лезгиноязычное племя с таким названием), которое участвовало в этногенезе армянского народа и оставило свой этноним на территории своего расселения (гавар Ути-Арандзак).

Конечно, сказанное показывает весьма недостаточную аргументированность традиционной точки зрения о заселенности правобережья Куры родственным собственно албанскому населением и после консолидации армянского этноса. Однако говорить о ее несостоятельности на сегодняшний день не приходится, причем главным образом потому, что в большей аргументированности нуждается противоположная точка зрения. Представляется, что к окончательному решению проблемы должны привести последующие исследования археологического, лингвистического, топонимического материалов, восходящих к первому тысячелетию до н. э. В заключение заметим, что нерешенность анализируемой проблемы, конечно, не оправдывает позиции Ф. Мамедовой, взявшей путем подмены научных принципов доказать вхождение Утика и Арцаха в Албанию до 428 г.

Пайтакаран. Точка зрения о вхождении этой провинции в отдельные периоды в состав Албании не нова, ее скорее можно считать традиционной (И. Маркварт, Г. Гюбшманн, Н. Адонц, С. Еремян, К. В. Тревер, И. М. Дьяконов, В. Минорский и т. д.). Она основывается на трех исходных пунктах: а) по сообщению Страбона, «областью албанцев была и Каспiana» (XI, 4, 5); б) центр провинции город Пайтакаран отождествлялся с известным из средневековых источников городом Байлаканом и локализовался поэтому к северу от Аракса; в) родственник армянского царя Трдата III Санатрук, воцарившийся, по свидетельству Мовсеса Хоренаци, в городе Пайтакаране, на ос-

новании сведений Мовсеса Дасхуранци и Киракоса Гандзакеци считался албанским царем и отождествлялся с маскутским царем Санесаном.

Ф. Мамедова только абсолютизирует эту точку зрения, базируя на ней новые построения (с. 97—100). Но именно она, издавшая обобщающую монографию в 1986 г., должна была воздержаться от ее принятия. Дело в том, что в исследованиях последних лет выявлена ошибочность всех отмеченных выше исходных пунктов традиционной точки зрения⁴². Однако Ф. Мамедова просто замалчивает эти исследования. Точнее, она упоминает только статью Б. Аругюняна, по поводу которой «лаконично» пишет: «Попытки аргументации его представляются нам малоубедительными» (с. 260).

Все это позволяет Ф. Мамедовой заявить, что провинция Каспик-Пайтакаран, которую, согласно сообщению Страбона (XI, 14, 5), отвоевал у Мидии-Атропатены армянский царь Арташес (начало II в. до н. э.), оставалась в составе Армении до 55 г. до н. э., после чего стала частью Атропатены или Албании (с. 98)⁴³. Так она игнорирует сообщения античных источников, конкретно и независимо друг от друга доводивших пределы Армянского царства до Каспийского моря к югу от Куры⁴⁴. Не существует для нее и сведений армян-

⁴² ՌԳԻՐՏՐՅԱՆ Բ. Ա., Փատմա-աշխարհագրական հշգրտումներ.— «Բանբեր Երևանի համալսարանի», 1791, № 1, էջ 177—182, Հարությունյան Բ., Մագրիտաց Եանեսանի իտգավորի արշավանքը Հայաստան.— ՀեՍՀ ԳԱ «Լրաբեր հաս. գիտ.», 1981, № 6, էջ 65—77: Օն յե. Փատաղարան քաղաքը և նրա տեղադրությունը.— ՀեՍՀ ԳԱ «Լրաբեր հաս. գիտ.», 1981, № 12, էջ 61—76, Հակոբյան Ա., Կասպիերի և Կասպիանա (Կասպը) մարզի տեղադրության մասին.— ՀեՍՀ ԳԱ «Լրաբեր հաս. գիտ.», 1983, № 1, էջ 87—99:

⁴³ На картах III в. до н. э., I—II, III—IV, V и VI—VII вв. н. э., приложенных к монографии Ф. Мамедовой, Пайтакаран-Каспиана неизменно показывается в составе только Албании.

⁴⁴ Strab., II, 1, 17; XI, 3, 2; 7, 1; 14, 5; Plin. Nat. Hist. VI, 27; 37; Just. XLII, 2, 9; Ptole. Geogr. V, 12, 1; VI, 2, 1. Следует отметить, что вопрос о степени арменизации населения Каспика-Пайтакарана является особой научной проблемой.

ских источников (Агатангелос, Павстос Бузанд, Мовсес Хоренаци, «Гахнамак», «Зоранамак», «Ашхарацойц» и т. д.) о том, что провинция Каспк или Пайтакаран оставалась в составе царства Великая Армения с незначительными перерывами вплоть до 428 г., когда была включена Сасанидами в шахр Атрпатакан (а не в Албанию).

Сюник. Следующей исконной провинцией Албании автор считает девятую («срединную») провинцию Армении по «Ашхарацойцу» Сисакан-Сюник (с. 105—108), которая на всех шести картах монографии фигурирует в пределах этой страны. Если учесть, что и в этом вопросе Ф. Мамедова выступает в роли первооткрывателя, то необходима по возможности полная проверка ее аргументов.

Ф. Мамедова пишет: «Этнически, культурно и политически он (Сюник) больше был связан с Албанией и Атропатеной, чем с Арменией» (с. 106). Никаких ссылок на источники не дается. По-видимому, всем должно быть ясно и так. Правда, источники до второй половины VI в. и от середины VII в. неизменно упоминают Сюник в качестве неотъемлемой составной части «Армении», до 428 г.—царства, после—марзпанства Сасанидского Ирана. Сюнийские светские и духовные владыки являются участниками важнейших событий, связанных с функционированием царства, марзпанства и церкви Армении, причем во всех перечнях участников занимают важнейшие места. К середине V в. князь Васак Сюни становится марзпаном Армении и т. д. То есть очевидна политическая связь (точнее—неразрывность) с Арменией (точнее—с провинциями страны). В Сюнике открываются первые армянские школы, в которых учатся и выходцы из других армянских провинций, а выходцы из Сюника учащаются в школах Айрарата и других провинций, становятся величайшими деятелями армянской культуры и т. д. То есть очевидна и культурная неразрывность провинции с остальной Арменией. Наконец, по Мовсесу Хоренаци, сюнийцы восходят к легендарному прародителю армян Хайку, что говорит и об этнической не-

разрывности. На каком же основании Ф. Мамедова считает возможным утверждать, будто по анализированным компонентам провинция была больше связана с Албанией и Атропатеной?

Далее читаем: «Сюник политически в определенные периоды (после раздела Армении в 387 г.) зависел то от Албании, то от Атропаты, а временами был самостоятельным» (с. 106). Дается ссылка на издание Ухтанеса (без указания раздела и страницы) и на русский перевод «Истории» Себеоса (Ереван, 1939, у Ф. Мамедовой почему-то—1938). У Себеоса в этом разделе содержится ценное сообщение о том, что накануне восстания армян (и грузин) против персидского марзпана Армении Сурена в 571 г. князь Сюника Вахан восстал и «вышел из Армении», попросил шаханшаха Хосрова отделить его владения от «Армении» (то есть от Армянского марзпанства) и включить в состав Атрпатакана (то есть Адурбадаганского, Северо-западного спახбедства: Сюник стал 14-м шахром последнего)⁴⁵. Причина поступка Вахана в литературе трактовалась двояко. М. Орманиян считал, что она была связана с гонениями марзпана Сурена; отделившись «от Армении», провинция спасалась от произвола ее персидского марзпана, приведшего вскоре к убийству Сурена Варданом Мамиконяном, восстанию и началу 20-летней войны между Ираном и Византией⁴⁶. Эту трактовку Ф. Мамедова замалчивает, хотя с работой М. Орманияна знакома. Н. Адонц же склонен был объяснять выход Сюника из Армянского марзпанства этническим составом (не совсем еще армянским) провинции⁴⁷. Принимая его точку зрения, Ф. Мамедова идет дальше: поскольку Пайтакаран, куда

⁴⁵ Սիրիան, 1929, գլ. 8, էջ 67-68. Кстати, это сообщение не заимствовано автором X в. Ухтанесом, и остается непонятным, что имеет в виду Ф. Мамедова, ссылаясь на его сочинение.

⁴⁶ Օրմանյան Մ., Ազգայնագիտ. հ. Ե., մաս Բ, Պեղումք, 1959, էջ 358

⁴⁷ Адонц Н. Указ. соч., с. 220—221.

были доставлены архивы Сюника, для нее не Атропатена, а Албания, то в этом она находит основание утверждать, будто Сюник «политически зависел от Албании» (с. 106, ср. с. 99, 107—108). Ошибочность исходного пункта такого утверждения выше была уже отмечена. Но пойдём дальше: если факт отделения Сюника связать с Албанией, то с чем же связана его зависимость от Атропатены, о чем Ф. Мамедова пишет, по-видимому, под влиянием Н. Адонца? Интересный получается казус с раздвоением одного и того же факта. А может, и с утроением? Ведь в той же фразе Ф. Мамедова говорит и о самостоятельности Сюника (под влиянием М. Орманяна?). Ясно одно—Ф. Мамедова не пожелала уточнить новый административный статус провинции.

Далее она пишет: «Сюнийский автор VIII в. Стефан Сюнийский отмечал, что в его время в Сюнике и Арцахе говорили на сюнийском и арцахском языках» (с. 106, ср. с. 108). Дается ссылка на издание «Толкования» Степаноса Сюнеци⁴⁸. Если допустить, что Ф. Мамедова прочитала текст на армянском языке и постигла его смысл, то это ее утверждение трудно охарактеризовать иначе, как ложное. В соответствующем разделе армянский ученый VIII в.⁴⁹ в шести пунктах и на шести страницах (по изданию) перечисляет то, что необходимо знать для занятий грамматикой. Во втором абзаце четвертого пункта, посвященного знанию языков, он говорит: «И также /следует/ знать все окраинные диалекты (*գրաբանի Կղերաղանի*) своего языка (*գրք լԿուրիդ*), кои суть корчайский и хутский и Четвертой Армении и персский и сюнийский и арцахский (*գՍրիԿիԿ, Կ գՍրքաղանի, իրն*), а не только средний и центральный, ибо /и диалекты/ эти пригодны для стихосложения, а также для истории полезны, дабы не упустить /что-то/ из-за незнания языков». Мож-

⁴⁸ См.: Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915, с. 181—219. Ср. с. 187.

⁴⁹ Кстати, ставший за год до смерти епископом Сюника Степанос был сыном архиерея Двина, то есть выходцем из Айрата, а не Сюника (см.: *Օրհիմնք, 1910, գլ. 31, էջ 112*).

но ли буквально названные Степаносом «окраинные диалекты своего языка» понимать как-нибудь иначе? О других, неармянских языках не может быть речи еще и потому, что о них Степанос специально упоминает в предыдущем абзаце: «/следует знать/ языки (*լիզու*), которые распространены в окружающих тебя странах, науку об этих языках, ибо очень полезны они для семантики». Чтобы подкрепить свою точку зрения, Ф. Мамедова ссылается на Р. Ачаряна, по мнению которого, под перечисленными у Степаноса Сюнеци диалектами армянского языка можно понимать уцелевшие после образования армянского народа исконные языки племён Армянского нагорья⁵⁰. Однако ей следовало знать, что точка зрения Р. Ачаряна специально рассмотрена и опровергнута в новых исследованиях по армянской диалектологии, основанных на более актуальном, статистическом методе⁵¹.

Далее в книге читаем: «Х. Хюбшманн и Й. Маркварт вообще считали Сюник албанской областью» (с. 106). Дается ссылка только на с. 216 «Die altarmenischen Ortsnamen» Г. Гюбшманна. Конечно, несерьезна уверенность Ф. Мамедовой в том, что вхождение Сюника в Албанию можно доказать ссылками на авторитеты, минуя материал источников. Но самое интересное то, что ни Г. Гюбшманн, ни Й. Маркварт не относили Сюник к Албании. На с. 216 сочинения Г.

⁵⁰ Հր. Մեմուշան. Հայոց լիզվի պատմություն. II մաս. Երևան, 1971, էջ 128—129. Ф. Мамедова отсылает читателя и к с. 519 работы Г. Гюбшманна об армянской топонимике, хотя это сочинение завершается на с. 490 (H. Hübschmann. Die altarmenischen Ortsnamen. Mit Beiträgen zur historischen Topographie Armeniens und einer Karte.—In: Indogermantischen Forschungen von K. Brugmann und W. Streltberg. B. 16. Strassburg, 1904, S. 167—490). Это неудивительно, если учесть что в библиографии Ф. Мамедовой не указаны даже место и год этого издания (с. 280). Вероятно, она ссылается на Г. Гюбшманна по монографии З. Бунятова «Азербайджан в VII—IX вв.». Но интересно, что и там библиографические данные о работе Г. Гюбшманна неполны (см. с. 358).

⁵¹ См.: Գ. Բ. Զահովյան. Հայ բարբառագիտության ներածություն (Վիճակագրական բարբառագիտություն). Երևան, 1972, էջ 17, 25;

Гюбшманна нет даже слова «Сюник»⁵². Приписанного ему утверждения нет и на других страницах работы немецкого филолога, так же как и в фундаментальном историко-географическом исследовании Й. Маркварта! Как же понимать такого рода «аргументацию»?

Ф. Мамедова продолжает: «Н. Адонц и Ст. Малхасянц *вынуждены* [??] были отметить, что Сюник занимал вообще «обособленное и более независимое от центральной Армении положение как в гражданской, так и в церковной жизни», и что это обстоятельство объяснялось этнической обособленностью страны. «Неосомненно лишь одно, что албанская окраина Армении Сюния по населению отличалась несколько от центральных частей Армении. Племенная исключительность ее поддерживалась и обновлялась переселенческими течениями из прилегающих горских стран» (с. 106). Дается ссылка на монографию Н. Адонца (с. 421, 423) и на русский перевод Себеоса, осуществленный Ст. Малхасянцем (с. 150—151). Ф. Мамедова снова прибегает к авторитетам, и снова не обходится без казусов: в приведенном отрывке Ст. Малхасянц объясняет поступок сюнийского князя Вахана не этническими моментами, а традиционной феодальной обособленностью Сюника в составе Армении!

Что же касается мнения Н. Адонца, то, как было отмечено выше, он действительно склонен был считать Сюник частично албанской (в этническом смысле) окраиной Армении. Но для современной науки немаловажно, что ученый исходил из общих соображений (см. выше, с. 177—179) и не указывал ни одного источника, на котором может основываться гипотеза о проживании в Сюнике племен, родственных собственно албанским. При этом, ссылаясь на Евсевия и Прокопия, у которых сюнийцы упоминаются якобы как соседи (не более) албанцев, исследователь в обоих случаях корректирует тексты. В первом случае он корректирует «савниев» (то есть сванов) на «сивниев» — «сюнниев», а во втором — «аланов», соседей «сунитов»

⁵² С той же целью ту же страницу указывал З. Буниятов (указ. соч., с. 100).

(то есть в данном случае тех же сванов), на «албанов»⁵³. Таким образом, принять данную точку зрения Н. Адонца можно, лишь предварительно доказав ее. Но для нас не менее важно и другое: считая Сюник этнически частично албанским, Н. Адонц вместе с тем настаивал на его политической принадлежности Армении (исключая известный период VI—VII вв.). Читатель, конечно, заметил, что, обильно цитируя его, Ф. Мамедова не сочла нужным доказать свою противоположную точку зрения.

Далее: «В источниках и эпиграфике при перечне Закавказских стран, Сюник фигурирует официально самостоятельно. Так, он зафиксирован в надписи III в.—Каабе-Зардушт, в надписи персидского царя Шапура I («Атропатена, Армения, Иберия, Сюник, Албания...»)» (с. 106—107). Никакой ссылки не дается. Мы же отметим, что в греческом варианте этой надписи в числе закавказских стран упоминается «Махелония», которая в парфянском варианте названа «Сикан». В свое время В. Хеннинг предположил, что под Сиканом-Махелонией может подразумеваться Сисакан-Сюник⁵⁴. Но уже А. Марик отклонил эту идентификацию и показал, что под Махелонией-Сиканом выступает «царство махелонов и генихов» позднеантичных источников, расположенное в юго-восточном углу черноморского побережья⁵⁵. Так и было принято

⁵³ Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, с. 423, прим. 4; с. 221, прим. 1. Почти дословно повторяя мысль Н. Адонца (правда, без ссылки) о том, что «Форма Сюник древнее Сисакан. Она упоминается у Евсевия, у Прокопия Кесарийского, как соседняя с албанами» (с. 105), Ф. Мамедова вдвойне неудачно ссылается на русский перевод трудов Прокопия С. Дестунисом (СПб., 1876—1880), ибо там соответствующая фраза, естественно, переведена без корректуры: «Сунитов, смежных с аланами» (см. с. 180).

⁵⁴ W. B. Henning. Two Manticem magical texts.—BOAS, vol. XII, pt. 1. London 1947, p. 54.

⁵⁵ См.: E. Honigsmann et A. Maricq. Recherches sur les *Rés Gestae divi Saporis*.—Mémoires de l'Académie Royale de Belgique. Classe des lettres et des sciences morales et politiques. t. XLVII, Bruxelles, 1953, fasc. 4, p. 64, 178.

в специальной литературе⁵⁶. Судя по библиографии Ф. Мамедовой, она знакома с отмеченными трудами Г. А. Меликишвили, К. В. Тревер, С. Т. Еремяна и С. Касумовой, но не с работой В. Хеннинга. А ведь они, упоминая о гипотезе В. Хеннинга, в то же самое время отмечают ее гипотетичность. Чем же объяснить безоговорочное возрождение гипотезы в книге Ф. Мамедовой?

Еще один аргумент: «В источниках VI в. наблюдается политическая и конфессиональная изолированность Сюника от Армении, который в это время придерживается несторианства... В церковно-иерархическом отношении албанские католики обладали правом рукоположения сюнийских епископов. Армянские католики оспаривали это право. Когда армянский патриарший престол разделился в 571 г., духовенство Сюника отказалось от армян и стало получать рукоположение от Албании. Сюник от Армении был отделен конфессионально до 660 г.» (с. 107—108). Дается ссылка на гл. II, 48 ИА и на монографию Н. Адонца (с. 423). Эти рассуждения, призванные создать впечатление о тяготении епископства Сюника к Албанской церкви, в действительности обнаруживают, что знания Ф. Мамедовой об иерархическом статусе сюнийской епархии Армянской церкви, основанные только на сведениях ИА, исключительно поверхностны. В гл. II, 48 ИА действительно говорится о том, что после раздела армянского католикосата (в 594 г.), якобы по завещанию епископа Сюника Петроса, два сюнийских епископа приняли рукоположение в Албании и брали миро (приготавливаемое только католикосами) у албанского католикоса, пока при Абрахаме Албатанеци

⁵⁶ См. у отечественных исследователей: *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 353—354; *Тревер К. В.* Указ. соч., с. 135. *С. Еремян* (Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт. — Вестник древней истории, 1967, № 4, с. 48) предлагает иную, третью локализацию, а *С. Касумова* (Южный Азербайджан в III—VII вв. Баку, 1983, с. 133—134) воздерживается от категоричных выводов.

(607—615) армянский католикосат снова не объединился. Но Ф. Мамедова, конечно, понятия не имеет об источнике данной главы ИА и об аутентичности указанного сведения.

Текст главы восходит к грамоте армянского католикоса Маштоца Еливардеци (897—898)⁵⁷, восходящей к утерянной грамоте Соломона Макенаци (VIII в.), который, в свою очередь, полагался на сведения армяно-халкидонитской исторической традиции⁵⁸. В ИА к тексту источника добавлено только утверждение о том, что сюнийский епископ Вртанес был рукоположен албанским католикосом Закарией. Сопоставление сведений армяно-халкидонитской исторической традиции и восходящих к ней других представлений с сообщениями современных событиям армянских и иноземных источников показывает, что многие из первых выдуманы из чисто концептуальных соображений на основании различных неверно осмысленных фактов. К таким относится и воззрение армян-халкидонитов о том, что при армянском католикосе Йовханнесе Габеленаци (557—574) Сюник и Албания придерживались диофизитства, и исходящее из него допущение, что до католикоса Абрахама сюнийские епископы рукополагались и получали миро в Албании. Епископы Сюника Петрос (548—558) и Вртанес (561—584), так же как и католикос Албании Абас (552—596), были убежденными монофизитами, о чем свидетельствуют документы «Книги посланий», грамота Иоанна Иерусалимского, ИА, Степанос Орбелян и другие поздние источники⁵⁹. Петрос скончался в 558 г. и не был

⁵⁷ Издана в 1902 г. в журнале «Արարատ» О. Гюлханданяном (с. 748—753).

⁵⁸ Эта традиция представлена в дошедшей до нас только в греческом переводе «Narratio de rebus Armeniacis». См.: La Narratio de rebus Armeniacis. Edition critique et commentaire par G. Garitte. Louvain, 1952, p. 26—47. Незнание Ф. Мамедовой этого издания тем более огорчительно, что Ж. Гаритт подробно анализирует аутентичность всех представлений армяно-халкидонитской исторической традиции.

⁵⁹ Քրքր Քղիսց, 1901, էջ ՊՊ, 73, 76, 79, 81—84, «Արարատ», 1896, էջ 255 ИА. II, 7—8, Օրբիլյան, 1910, գլ. 22—23. La Narratio, p. 209.

современником раздела армянского католикосата в 594 г., чтобы под его впечатлением завещать братья миру в Албании. Закарна был католикосом Албании в 629—644 гг., следовательно не мог рукоположить сюннийского епископа Вртанеса, скончавшегося в 584 г. Наконец, в «Книге посланий» после известных грамот Иовханнеса Габеленаци представлена большая группа документов, отражающих события начала VII в., и в трех первых из них, содержащих подписи армянских епископов, фигурирует имя епископа Сюника Христофора⁶⁰. В послании Абрахама Албатанеци двум епископам правобережной Албании, датируемом уже 607 г., имеется подпись следующего сюннийского епископа—Давида⁶¹. Таким образом, несмотря на то, что во второй половине VI в. Сюник стал отдельным от Армянского марзпанства шахром, его епархия осталась под юрисдикцией армянского католикосата. Понятно, что не может быть речи и о каком-то периоде с 571 по 660 гг., когда «Сюник от Армении был отделен профессионально». Сами эти даты взяты Ф. Мамедовой со страницы 423 монографии Н. Адонца, хотя там говорится о периоде, когда Сюник был отделен от «Армении» политически, а не нерархически.

И последний аргумент автора: «Будучи непосредственным вассалом Сасанидов, Сюник политически подчинялся, видимо, и албанским Михранидам (Каланкатуйский, II, 19, 28). ...Албанский великий князь Джеваншир породнился с сюнникским домом, женившись на дочери сюнникского князя (Каланкатуйский, II, 19). Халиф отдал в подчинение Джеванширу Сюник (Каланкатуйский, II, 28)» (с. 108, ср. с. 113, 209). Логика Ф. Мамедовой не может не удивить. В гл. II. 19 ИА автор «Истории 684 года»⁶² пишет, что, увидев

⁶⁰ Քրիստոս Բրդուկ, էջ 146, 149, 151. Это три документа Двинского церковного собора 604 г.

⁶¹ Քրիստոս Բրդուկ, էջ 193. Ср.: ИА, II, 49, с. 276.

⁶² Указывая на обилие в этом источнике преувеличений, противоречий и вымыслов, Н. Адонц полагал, что это позднее и неаутентичное сочинение (Ն. Ադոնց. Քննութիւնքն Մովսէս Կաղանկատուի «Իմաստ»-ը. — «Արշակունի», 1939, № 6, էջ 4—5). Но К. Каграманян (указ.

доблесть Джеваншира, князя Армении и Иверии задумали отдать ему в жены своих дочерей (в гл. II, 18 то же самое говорится о правителе Атрпатакана), однако князь Албании предпочел жениться на дочери князя страны Сисакан. Вот то сообщение, на основании которого Ф. Мамедова предполагает политическое подчинение Сюника Михранидам. По той же логике выходит, что зависимости от Михранидов добивались князья Армении, Иверии и Атрпатакана, поэтому Джеваншир допустил серьезную политическую ошибку, отказав их дочерям. В главе же II, 28 ИА сообщается, что «властелин юга» (арабский халиф) потребовал от Джеваншира править и над «Сюнестаном» и Атрпатаканом, однако князь Албании отказался самовластно править над вселенной и, решив заботиться только о «родной стране» («*զրնիտիւն*»), добился снижения подати. Ф. Мамедова понимает текст источника так, будто отказ Джеваншира касался только Атрпатакана, не заметив, что если под «родной страной» понимать и Сюник, то халифу нечего было бы требовать от князя править над ним. Вспомним также, что именно к этому времени относится сообщение Себеоса о возвращении Сюнийского шахра к Армянскому «шахрхамару», а по данным Орбелияна во второй половине VI в. в Сюнике правили местные князья Храхат и Йовхан, а не Михраниды⁶³.

Таким образом, анализ показывает несостоятельность всех аргументов, на основании которых Ф. Мамедова относит Сюник к Албании. Но проделанный разбор еще и убеждает в том, что она сознательно пошла на подмену двух никак не однозначных понятий, представив отделение провинции Сюник от Армянского марзпанства как ее вхождение в Албанию. Вряд ли такая подмена могла преследовать научные цели.

Нахчаван и Гохтн. В книге особо рассматривается вопрос о вхождении в Албанию этих двух гаваров (соч., с. 19) показал, что преувеличения и вымыслы связаны с чрезмерным желанием автора возвысить своего героя.

⁶³ *История*, 1979, т. 52, кн. 175; *Орбелияна*, 1910, т. 14, кн. 52.

исторической Армении (ныне на территории Нахчеванской АССР) (с. 108—115)⁶⁴. Специалисту нетрудно понять, сколь неблагоприятную задачу поставила этим перед собой Ф. Мамедова. Ведь о Нахчаване и Гохтне, входивших, по «Ашхарацойцу», в состав провинции Васпуракан, так же как и о других «средних» областях Армении, есть обширные сведения как почти во всех армянских нарративных и документальных источниках (от «Гахнамака» до «Книги посланий»), так и в сочинениях иноземных авторов, содержащих хоть какие-нибудь сведения о царствах или марзпанствах «Армения» и «Албания».

На основании сопоставления данных «Ашхарацойца» и Товмы Арцруни Ф. Мамедова утверждает, что вхождение Нахчавана и Гохтна в Васпуракан имело место в кратковременный период VI—VII вв. (с. 109—110). Допустим⁶⁵. Но почему же на карте 6 (VI—VII вв.) эти гавары показаны в составе Албании, а не Васпуракана, который автор оставляет за Арменией?

Затем на основании сведений Мовсеса Хоренаци Ф. Мамедова пытается представить, будто Нахчаван и Гохтн населяли не армяне, а только *мары* (с. 110—111)⁶⁶. Естественно, игнорируется факт, что сообщения Хоренаци предполагают расселение маров на Араксе при Тигране Ервандиде, в то время как заселение всей Армении потомками Хайка историк относит к эпохе, непосредственно следовавшей за эпохой распространения языков после «вавилонского столпотворения». Ф. Мамедова приводит легендарное сообщение Мовсеса Хоренаци о том, что армянский царь

⁶⁴ На всех шести картах книги они фигурируют в пределах Албании.

⁶⁵ В действительности эти гавары относились к Васпуракану в V—IX вв. (см.: Հարությունյան, Բ. Հ. Մեծ Հայքի վասպուրական աշխարհը և «Աշխարհացոյցը». — Բանբեր, Երևանի համալսարանի, 1987, № 3, էջ 110—119).

⁶⁶ Понятно, что даже если это было бы так, подобный факт никак не связал бы территорию гаваров Нахчаван и Гохтн с Албанией.

Артавазд отнял от Аждахакидов-маров «Нахчаван и все деревни, лежащие на севере от Ерасха, ... истребил всех чад Аргамы» (II, 51), не замечая основной аутентичной информации сообщения, а именно, что ко времени историка в Нахчаване не было маров, а были только одни легенды о них. Она приводит сообщение Хоренаци о том, что «гохтанцы суть выходцы, происшедшие от Сисака» (II, 8), не поняв аутентичной информации сообщения, а именно, что в V в. насельники Гохтна считались потомками Хайка, прародителя армян.

Далее «анализируется» сообщение Павстоса Бузанда о том, что в числе многих городов Армении войска Шапура II Сасанида опустошили и Нахчаван, уведя оттуда в Персию 2 тыс. семейств армян и 16 тыс. семейств евреев (IV, 5). «Как видно из текста,—неожиданно заключает Ф. Мамедова,—армянское население в Нахичеване было незначительным, да к тому же *нет никаких намеков* на то, что город Нахичеван в это время был армянским» (с. 112). Оказывается, что упоминание Нахчавана в числе городов Армении и его 10-тысячного (2 тыс. семейств) армянского населения еще не свидетельствует о том, что у Павстоса это армянский город, и исторнику следовало сделать еще и какие-то *намекы*.

И, наконец, Ф. Мамедова рассматривает сообщение Корюна о двух этапах проповеднической деятельности Маштоца в Гохтне. Заключение поразительно: «Но из этих фрагментарных данных о проповеди Маштоца в Гохтне *все же* нельзя сделать никакого вывода о том, что Гохтан—это армянская область, ибо проповедью христианства Маштоц занимался как в Армении, так и в Грузии и Албании» (с. 113). Насколько же нужно отвлечься от данных источников (в том числе и Корюна) о пределах Армянского царства в начале V в., чтобы стала возможной такая логика?! Естественно, Ф. Мамедова не заметила и сведения Корюна о том, что именно в Гохтне Маштоц понял, что для укрепления христианства в Армении необходимо создать армянское письмо, что после его создания (406 г.) именно в Гохтн отправился Маштоц, чтобы

открыть там первые армянские школы. Конечно, она не собиралась считаться и с тем, что «проповедью христианства в Албании Маштоц занимался» лишь в 20-х гг. V в., в правление армянского царя Арташе-са V.

После подобного «анализа» армянских источников Ф. Мамедова считает необходимым указать на ряд сведений *поздних арабских* и персидских источников, в которых Нахчаван причисляется к «*Азербайджану*» (=Атропатене, не к Албании), одновременно замалчивая другие сведения мусульманской же историко-географической традиции, по которым город относится к «Армении» (с. 113). Далее она специально отмечает вхождение территории Нахчавана и Гохтна, начиная с IX в., во владения Саджидов, Саларидов, Абу-Дулафидов, сельджуков, Ильдегизидов и монголов (с. 114), то есть напоминает о тех исторических моментах, которые способствовали сосредоточению в этих областях мусульманского, в том числе тюркского этнического элемента и мусульманизации части местного армянского населения. Нетрудно догадаться, что автор счел вполне уместным посвятить читателя в истинные мотивы своего стремления—вопреки информации первоисточников отделить Нахчаван и Гохтн от древней Армении, выдавая, таким образом, факт вхождения ныне территорий этих областей в Азербайджанскую ССР за аргумент в пользу принадлежности их в древности Албании. Но такая модернизаторская аргументация противоречит принципу историзма и, естественно, не может считаться научной.

Подведем итоги⁶⁷. Из проведенного анализа ста-

⁶⁷ В настоящей статье были проанализированы только наиболее важные тезисы книги Ф. Мамедовой. Остались незатронутыми даже некоторые принципиальные проблемы, освещенные автором на концептуальном уровне и не менее произвольно, в первую очередь, утверждения об этническом континуитете политической власти в Албании и о полной автокефальности Албанской церкви. От повторения ошибочных построений Ф. Мамедовой мог бы предостеречь подробный анализ ее аргументации по

новится очевидным, что исходные данные монографии взяты выборочно, а трактовка фактов противоречит общенаучным принципам. Основные идеи Ф. Мамедовой поражают своей надуманностью. Они не являются ответами на поставленные в работе вопросы, часть которых представляет собой актуальные научные проблемы.

Представляется необходимым отметить и другое. Обилие всевозможных искажений, оперирование явно ложными фактами и несостоятельная логика многих рассуждений заставляет думать, что автор сознательно пошла на подмену научных принципов, то есть задалась целью навязать читателю заведомо ошибочную концепцию.

Монография задумана как попытка любыми средствами показать территориальную и в определенном смысле этническую идентичность древней Кавказской Албании с современной Азербайджанской ССР (с добавлением ряда районов Армянской ССР). Автор игнорирует очевидную разницу между собственно Албанией (на левобережье Куры) и Албанским марзпанством (на левобережье и правобережье), которое в этнокультурном отношении было уже больше армянским, чем собственно албанским. Ф. Мамедова объявляет албанской областью Сюник (который даже по терминологии средневековых источников был провинцией «Армении»), чтобы включить в Албанию и территорию Нахичеванской АССР. Она пренебрегает современными понятиями этнографической науки и на

вопросам об этнической принадлежности деятелей армянской культуры из правобережной Албании, об армянской государственности аршакидского периода, о текстологической и филологической оценке сочинений Мовсеса Хоренаци и Мовсеса Дагхурани (по двум последним вопросам отсылаем читателя к недавно вышедшим работам: Հախըրյան, Ա. *Մովսես Կաղանկատվացու «Աղվանից պատմութիւն» ձեռագրերը*, էջ 110—144; Գ. Խ. Տարկեսյան. «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Ереван, 1986).

всей полученной территории видит сложившийся этнос—албанцев, единственного, по ее воле, предка азербайджанского народа. В разделах по исторической географии пропущена такая «мелочь», как состав и границы областей Албании, и все внимание сосредоточено на кардинальной (по идее автора) проблеме—на западных пределах страны, а на картах не показаны даже те изменения этих пределов, о которых имеются случайные обмолвки в тексте. Ф. Мамедова повторяет «концепцию» З. Буниятова, согласно которой армянский католикосат в начале VIII в. уничтожил автокефальность Албанской церкви, заодно—литературу на албанском языке, и «григорианизировал» албанцев. Это при том, что в специальных работах своевременно были показаны ненаучность и неисторичность этой «концепции», подменяющей сугубо конфессиональный конфликт VIII в. этнической рознью и способной только породить негативные чувства по отношению к армянскому народу⁶⁸.

Нельзя, конечно, не заметить, что все это в первую очередь затуманивает реальный процесс образования азербайджанского этноса, представляемый в академической науке как результат консолидации (начиная с XI—XIII вв., на конфессиональной базе и на территории Восточного Закавказья и Атропатены) пришлого тюркского мусульманского этнического массива, мусульман-иранцев и мусульманизированных армян, грузин и собственно албанцев (частично уже иранизированных, арменизированных и картвелизированных), которые вносили в складываемую азербайджанскую цивилизацию многие элементы своей культуры. С другой же стороны, умозрительная концепция о моноэтническом целом—«Албании-Азербайджане» фактически пренебрегает вековой этнической истори-

⁶⁸ См.: Мнацаканян А., Севак П. По поводу книги З. Буниятова «Азербайджан в VII—IX вв.». — Историко-филологический журнал, 1967, № 1, с. 177—190; Мелик-Оганджанян К. А. Историко-литературная концепция З. Буниятова. — Вестник архивов Армении, 1968, № 2, с. 169—190.

ей и культурой полумиллионной территориальной группы армянского народа, проживающей ныне в Нагорно-Карабахской автономной области и до 1988 г. в других районах Азербайджанской ССР. И с досадой приходится констатировать, что именно на все это сознательно рассчитывает Ф. Мамедова, которая с непоколебимой верой в практическое значение своей концепции всецело пытается внушить читателю идею о необходимости защиты «Албании, исторического Азербайджана» (с. 4) или же «албанских-азербайджанских земель» (с. 128) от посягательств армянских и грузинских исследователей, первым из которых она приписывает абсурдное утверждение о том, будто «территория Азербайджана в древности располагалась севернее р. Куры, только на левом берегу Куры» (с. 88). Отсюда и болезненное восприятие ею работ тех ученых, по мнению которых собственно албанская цивилизация в каких-то параметрах уступала соседним армянской и грузинской.

Наука о древности не оперирует подобными мотивами. Она восстанавливает историю на основании объективного изучения первоисточников и восстанавливает ее такой, какой она была в действительности. С другой стороны, преподносимое учеными научное знание объясняет многие важнейшие моменты современной реальности, в том числе—истoki и историчность этнической смешанности в том или ином регионе. Для каждого народа важно знание не только своей истории, но и истории соседних этносов. Поэтому волюнтаризм в изучении древности, фальсификация самого понятия историзма, будучи уже результатом нездоровых тенденций, не могут быть охарактеризованы иначе, как попытка обмануть собственный народ, внушить ему недостойные идеи, настроить на неверные решения. Истинная наука—основа интернационализма, отступление же от нее сродни идеологии, радикально противоположной той, которую исповедуют народы на-

шей многонациональной страны. Простительно ли такое отступление для советского историка?⁶⁹

⁶⁹ В № 4 «Известий» АН Азербайджанской ССР за 1986 г. (серия истории, философии и права, с. 111—114) напечатана рецензия директора Института истории АН Азербайджанской ССР, члена-корр. АН АзербССР И. Алиева, который «с чувством большого удовлетворения» присоединяется «ко всем основным выводам» монографии Ф. Мамедовой. Более того, он объявляет эти выводы последним словом отечественного албановедения и всего кавказоведения, благодаря которому не остается «камня на камне от гигантской лжеконцепции» армянских историков, «получивших от Ф. Мамедовой по заслугам». В свете проделанного выше анализа основных идей книги понятно, что выступление И. Алиева является не компетентной оценкой *аргументации* «открытий» Ф. Мамедовой, а их голословным превознесением и целенаправленным выгораживанием. Вместе с тем, эта рецензия «глубиной» освещения проблем, характерным принципом аргументации (точнее, отсутствием такового), концептуальным подходом автора и самим стилем изложения представляет собой иллюстрацию той научной среды, в которой возможно порождение по характеру дилетантских, по сути модернизаторских, по целям не имеющих ничего общего с наукой работ, подобных монографии Ф. Мамедовой.

О ПОДЛИННОЙ И МНИМОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Если исходить из реальных компонентов, совокупность которых позволяет говорить о существовании той или иной литературы, то о литературе албанской мы вправе рассуждать лишь условно и предположительно. И в самом деле, язык этой литературы практически неизвестен; из лексики албанского языка, по авторитетному заключению академика А. Г. Шанидзе, ныне достоверно известно три слова—собственно албанское название одиннадцатого месяца *Ehpaу* (от *eh*—жатва), заимствованные из персидского *Nawsard-up* (Новогодний) и греческого *κρησθη* (воскресенье)¹. Судя по ареалу употребления (Иран, Азербайджан, Дагестан), можно было бы высказать предположение, что в албанском имелось слово *pehge* (маслобойка), но трудно сказать—этимологически оно восходит к цахурскому и рутульскому *peh* (масло), аварскому *peh*, лакскому *pañ* (масло), удинскому *pak/a* (сыворотка), цахурскому и лакскому *pek/pak* (молоко)², т. е. к кавказскому субстрату или индоевропейскому корню, от которого в армянском имеем *ննիս* (*ննիսել*, *ննիսած*—гниль, тля, плесень), в персидском же—*بورد* (бурдюк для сбивания масла). К тому же нет абсолютной уве-

¹ Шанидзе А. Г. Язык и письмо кавказских албанцев. — «Вестник отделения общественных наук» АН Груз. ССР, 1960, № 1, с. 188—189.

² Нариманов И. Г. Арханческие керамические маслобойки и этимология азербайджанского слова «нехре» (маслобойка). — «Кавказ и Восточная Европа в древности», М., 1973, с. 62—64).

ренности, что это слово присутствовало в самом албанском языке.

Не лучше обстоит дело и с грамматикой. Сводным изучением албанских названий месяцев А. Г. Шанидзе определил окончание родительного падежа—*ин* и *пау*³. Следовательно, наши рассуждения по албанской литературе не могут базироваться на знании самого албанского языка. Однако это не значит, что мы должны отказаться от употребления термина «албанская литература». Открытием албанского алфавита в армянской рукописи XV века подтвердились сообщения армянских же историков Корюна и Хоренского относительно создания собственно албанских письмен. Раскопки в Мингечауре убедили кавказоведов в фактическом существовании албанской письменности. К сожалению, фрагментарность выявленных эпиграфических памятников, отсутствие билингв, искаженность начертаний отдельных графем в рукописном алфавите, отсутствие уверенности в фонетическом облике и, наконец, полная неосведомленность в албанском литературном языке лишили и продолжают лишать специалистов возможности научно аргументированной дешифровки имеющихся образцов албанских лапидарных текстов. Предполагается, что, говоря словами А. Г. Шанидзе, «удинский язык—это один из новоалбанских диалектов, или, что то же, албанский—это есть литературный язык древних удин, т. е. древнеудинский»⁴. Специалисты при попытке дешифровки, как правило, исходят из лексических и грамматических реалий удинского языка⁵, но при этом не учитываются три обстоятельства:

1. Описывая общественный строй и племенной союз албанов, Страбон, как известно (кн. XI, гл. 4, 6),

³ Шанидзе А. Г. Указ. соч., с. 184—185.

⁴ Шанидзе А. Г. Указ. соч., с. 189.

⁵ Последняя и наиболее суммирующая работа в этом направлении проделана Муравьевым С. Н. (Муравьев С. Н. Три этюда о кавказско-албанской письменности. — «Ежегодник иберийско-кавказского языкознания», т. VIII, 1981 г., с. 222—325).

исходит из факта существования «особых языков» (էնչօստի լեզուօտի), по которым и определяет количество царей, «языков же у них двадцать шесть». Само это определение уже настораживает исследователя, ибо он вынужден отказаться от этнической, географической, и, что важнее, лингвистической идентификации одного из этих племен с другим. Следовательно, вне зависимости от того, предками современных удин считать только утиев—удов—удин Страбона, Плиния Старшего или утиев Геродота, либо обитателей той страны утиев, в которой, по Страбону, имеется город Эннане⁵, —мы не вправе ставить знак равенства ни между языком древних удин и языками других албанских племен, ни, разумеется, между современным удинским и его же лингвистическим обликом в древности.

2. В пассаже, рассказывающем об обстоятельствах создания Маштоцем алфавита для албанцев с помощью албанского иерея по имени Беннамин, Корюн не уточняет, какой именно из 26 племенных языков он подразумевает под определением «варварских слов албанского языка» (բննիւ զարրարիւ զրիւն յղուանիւրէն լեզուին)⁶, хотя ясно, что это был язык относительно многочисленной народности, на котором стали совершать богослужение и который был понятен как царскому двору, так и проповедникам христианства и большинству новообращенной паствы. Моисей Хоренский, а затем и пользующийся его сообщением Моисей Каланкатуйский существенно конкретизируют сведения Корюна, ставшим письменным языком называя гаргарский или гаргарейский⁷. Изучение фонетики дошедшего до нас албанского алфавита привело А. Г. Шанидзе к заключению, что «верно определение Моисея Хоренского (и Моисея Каланкатуйского—П. М.),

⁵ Обзор источников и литературы см. Акопян А. А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках, Ереван, 1987, с. 74—84.

⁶ Մոսէսի. Վարր Մաշտոցի, երկան, 1981, էջ 116, 211:

⁷ М. Хор., кн. III, 54; Мовсэс Каланкатуаци, кн. II, гл. III.

что гаргарский язык (т. е., по-моему, диалект албанского языка у границ Армении) богат был гортанными звуками»⁸, а это значит, что верно не только само сообщение о том, что «[Месроп] создал письмена для изобилующего гортанными, грубейшими, варварскими и труднопроизносимыми звуками языка гаргарийцев»⁹, но и то, что письменным языком стал именно гаргарейский, а не удинский.

3. В отличие от остальных албанских племен, в том числе и гаргарейцев, удины дошли до наших дней, сохранив свой удинский язык, и если бы под гаргарейским подразумевался удинский, или хотя бы албанский алфавит применялся и для удинского, то этот алфавит, как и существующая албанская литература, не могли и не должны были быть забыты. В отсутствии этнического самосознания удин нельзя упрекать, ибо даже в начале XVIII века, жалуясь Петру I на притеснения турок, они заявляли: «Мы албанцы и по нации—утиццы»¹⁰.

Следовательно, условность, точнее, невозможность дешифровки албанских надписей на основе удинского языка предрешена.

Относительно существования албанской христианской литературы в древнеармянских источниках сохранились два конкретных свидетельства:

1. По словам Корюна, после создания письмен для албанцев «блаженный епископ Иеремия немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых празднобродящие и диких нравов люди страны Алуанк вскоре узнали пророков, апостолов, унаследовали Евангелия, были осведомлены о всех божественных преданиях»¹¹.

2. После двинского собора 506 г. в «Письме армян в Персию, к православным» говорится: «У нас та-

⁸ Шанидзе А. Г. Указ. соч., с. 174.

⁹ Мовсес Каланкатуаци, кн. II, гл. III.

¹⁰ Арутюнян П. Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х гг. XVIII века за присоединение к России. — «Уч. зап. Института востоковедения АН СССР», т. III, 1951, с. 138.

¹¹ Корюн. Житие Маштоца, Ереван, 1981, с. 212.

кая вера, о чем мы писали вам раньше, в согласии с грузинами и албанами, письмом каждой страны, а теперь повторяем то же самое»¹².

В специальной литературе эти свидетельства интерпретировались далеко не однозначно. Н. Акинян, Ас. Мнацаканян, Б. Улубабян и Ш. Смбатян полагают, что в пассаже о деяниях епископа Еремии речь идет не о переводе библейских книг на местный язык, а о получении из рук Маштоца армянских переводов и их популяризации¹³. При всей логичности постановки вопроса, на мой взгляд, согласиться с такой интерпретацией едва ли возможно. В самом деле, о переводе библейских книг говорится именно в связи с созданием алфавита в стольном городе Албанского царства. Очень возможно, что и царь Арсвал (т. е. Есвален), и епископ страны Еремия владели армянским языком, но ведь нельзя полагать, что им могло владеть все разноязычное население Албанского царства. Тогда не было бы необходимости и в создании албанского алфавита! К тому же, возвращение к гетероэпическому (т. е. иноречевому) чтению и произношению при наличии собственной письменности означало бы отказ от действенного способа христианской проповеди¹⁴. На это не указывают и различные в армянском тексте выражения «ի ձեռն անեալ» и «ի գործ անկանէր», Термин *Թարգմանել* в тексте Корюна прежде всего значит переводить: *Գարձեալ լիտ աշխարհի անեալ հանդերձ Ծղնակա զյառաջագոյն զյանկարծագիւտ զփութանակի զԹարգմանութիւնս հաստատէր ճշմարիտ օրինակօր բերնորովր: Եւ շատ ևս մեկնութիւն գրոց Թարգմանէին*—«После чего он (т. е. Саак—П. М.) вместе с Езнаком взял прежние-

¹² Գիրք Բղթոց, Թիֆլիս, 1901, էջ 51:

¹³ Ն. Ալիկյան, *Ս. Մաշտոց Վարդապետ, Վրենա, 1949, էջ 317: Мнацаканян, А. Ш. О литературе Кавказской Албании, Ереван, 1969, с. 69—70; Смбатян Ш. В. Примечания [к тексту Корюна], см. Корюн. Житие Маштоца, с. 350: Բ. Ա. Նվարարյան, *Գրվագրեր հայոց Արևելից կողմանց պատմության, Երևան, 1981, էջ 97—98.**

¹⁴ Об этом способе см.: Саркисян Г. Х. К предьстории армянской письменности, КнВ, 2, Ереван, 1980, с. 15—20.

поспешно сделанные переводы, проверил и уточнил их по вновь переведенным экземплярам. Они перевели также множество толкований писаний»¹⁵. У нас нет основания сомневаться в реальности перевода библейских книг на албанский язык, если мы не отрицаем христианизацию страны Алуанк.

Относительно толкования второго свидетельства в том разрезе, что речь идет о послании от имени каждой страны, а не о языке и письменах этих стран¹⁶, то едва ли можно с ним согласиться. Выражение *իրիւր թիւիւր աշխարհի գրով* «письмом каждой страны» одновременно означает как «послание каждой страны», так и «на языке каждой страны», иначе непонятно, при чем тут «каждая страна», если объяснение было отправлено только на армянском и персидском языках. И кроме того, что удивительного в том, что спустя столет после создания письменности трех народов, духовные предводители могли написать послания на собственном языке. Обнаруженные в Мингечауре албанские надписи совершенно достоверно свидетельствуют, что в VI—VII веках на албанском языке писали лапидарные тексты, которые, должно быть, и читались аборигенами.

Настаивая на тезисе о существовании и функционировании албанской письменности, я несколько не склонен отрицать межнациональную, точнее, межцерковную функцию армянского языка, обусловленную самим положением армянской церкви—*primus inter pares*. Нельзя считать случайным, что наряду с надписями на местных языках храмы в Мичета и Мингечауре снабжены и армянскими надписями¹⁷. Можно сомневаться в их окончательной дешифровке, в достоверности восстановления их лакун, но бесспорно, что они присутствуют и, должно быть, присутствуют не

¹⁵ Корюн. Указ. соч., с. 124, 214, ср. с. 102.

¹⁶ См. Минацаканян А. Ш. Указ. соч., с. 10; *Ստեփանյան Բ.*, указ. соч., с. 104.

¹⁷ Мурадян П. Армянская эпиграфика Грузии: Картли и Кахети, Ер., 1985, с. 37.

случайно. Моисей Каланкатуйский или его продолжатель заимствует у архимандрита Анастаса список албанских монастырей в Иерусалиме¹⁸ и снабжает их своими комментариями¹⁹. Говоря о монастыре Панда, он уточняет: «Находится к востоку от Елеонской горы. Построил его некий Панон—пустынный из Алуанка. Теперь же там [служителем является] священник Петрос из Алуанка». Здесь в 70-е годы прошлого века были обнаружены надгробия, снабженные исключительно армянскими надписями. Одну из них, как известно, можно отнести даже к царю Албании первых десятилетий Есвалдну, хотя Г. Овсепяном она датируется VI—VII веками²⁰. Судя по связям с Иерусалимом стран Закавказья и имевшимся здесь армянским и грузинским древностям, наличие исконно албанских культовых сооружений не должно быть поставлено под сомнение, но вот отсутствие образцов албанской эпиграфики, точнее, наличие вместо них армянских может служить доказательством широкого функционирования армянского языка и письменности в албанской среде²¹.

Таким образом, оправданной представляется точка зрения К. Тревер²², А. Шанидзе²³, Г. Климова²⁴ и многих других, согласно которой в раннем средневековье существовала литература на албанском языке. Собственно албанская церковь не могла обходиться без богослужебных книг—евангелия, апостола, псалтыря. У Корюна говорится и о переводе книг проро-

¹⁸ Սեպեաթաւոյ վարդապետի՝ Վանի վանքի մէջ հայտնաբերուած, см. Գ. Ալիբашեան, Հայտնագործութիւններ, Վենետիկ, 1901, с. 227.

¹⁹ *Моисей Каланкатуйский*. Указ. соч., с. 143—144.

²⁰ «Շողակաթ» Վարդապետի, 1913, с. 171.

²¹ Ср. *Моисей Каланкатуйский*. Указ. соч., с. 225—226.

²² *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.—Л., 1959, с. 309.

²³ *Шанидзе А. Г.* Указ. соч., с. 169.

²⁴ *Климов Г. А.* К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности. — «Вопросы языкознания», М., 1967, № 3, с. 68.

ков, т. е. хотя бы части Ветхого завета. Но придерживающиеся противоположной точки зрения не без основания спрашивают—разве могли они, эти книги, бесследно исчезнуть—если действительно имелись?! Думаю, что при подобной постановке вопроса плохо учитываются хронологические рамки и ареал функционирования албанской литературы.

* * *

Исходя из факта наличия памятников эпиграфики из Мингечаура, мы вправе утверждать, что созданная в начале V века албанская письменность на одном из языков албанских племен, должно быть, гяргарейском, продолжала функционировать до VII века включительно. В этих рамках, разумеется, резонно говорить о существовании албанской литературы хотя бы богослужебного характера. Имеющиеся в специальной литературе рассуждения относительно существования местной оригинальной литературы—памятников агнографии, исторических хроник, церковных и светских канонов—умозрительны²⁵, ибо не подкреплены литературными фактами на албанском языке. Сочинение Моисея Каланкатуйского (Дасхуранского) не может считаться албанским до тех пор, пока не будет доказано текстуально, что оно переведено с албанского. Приводимые армянами аргументы в пользу оригинальности «Истории страны Алуанк» (прежде всего адекватность пассажей, заимствованных из сочинений армянских историков, акростих по количеству графем армянского алфавита, полное отсутствие следов албанского оригинала—лексических албанизмов и ряд других обстоятельств) достаточно основательны и одними заявлениями или настоятельными капризами их нельзя обойти. В самом деле, если определять этнокультурную принадлежность литературного памятника по заглавию или географическому ареалу описы-

²⁵ *Фарида Мамедова*. Политическая история и историческая география Кавказской Албании, Баку, 1986, с. 7.

ваемых событий, армянского историка VII в. Себеоса можно считать греческим автором («История Ираклия»), Хачатура Джугаецн—персидским («История Персии»), а Руставели придется оставить без определенной атрибуции.

Исследователи истории и культуры Кавказской Албании периодом дестнизации албанского населения и исламизации основной его массы считают, и, кажется, вполне правомерно, эпоху арабского владычества. Следовательно, упразднение общеалбанских политических, этнических, культурных и конфессиональных институтов, служивших подспорьем функционирования албанской литературы, привело к тому, что албанская письменность лишилась общества, которому она служила и которым она поддерживалась. Исламизированная часть населения при служении культу, несомненно, пользовалась арабским языком, на попроще литературы и культуры—видимо, персидским. Албане-христиане, смотря по сфере влияния, культурно и конфессионально слились либо с армянами, либо с грузинами. Языки внутривременного общения, должно быть, сохранились, как это можно заключить на примере удинского языка, но ограниченность их сферы употребления и уровень отхождения от литературного языка, в частности, от гаргарейского, лишили их способности нести общеалбанскую литературно-культурную нагрузку. Собственно, самого этого понятия «общеалбанский язык» уже не стало. В условиях, когда нет албанского единого этноса, албаноязычного богослужения, самого албанского общества, то о существовании или функционировании «албанской литературы» говорить не приходится, ибо албанской может именоваться лишь та литература, которая создавалась на местном языке и отражала жизнь местного общества.

В кавказоведении, как было отмечено выше, дискутируется проблема судьбы албанской литературы периода Албанского царства и марзпанства, т. е. V—VII веков и в последующие века. Одни полагают, что она не сохранилась, ибо практически не получила развития, не стала общеалбанским явлением и перестала функционировать еще в период своего становления

(Н. Акинян, Ас. Мнацаканян, Б. Улубабян, Ш. Смбатян). Другая точка зрения представлена заявлением З. Буниятова о том, что «уничтожая литературные памятники Арана, григорянские церковники предварительно переводили их на грар. Это было проделано, в частности, с «Историей Агван» Моисея Каганкатваци, как, впрочем, и со многими литературными произведениями албанов»²⁶.

Выражая свое несогласие со сторонниками первого заключения, выше мы привели свои аргументы. Много ли мы могли знать об армянской и грузинской литературе, если бы наши знания ограничивались памятниками, дошедшими до нас в исполнении V—VII веков. Конечно, нет! А если учитывать разницу между этнокультурной ситуацией в Албании, с одной стороны, и Армении и Грузии, с другой, то вполне объяснимо, почему столь ограничены наши представления об албанских памятниках. Что же касается положения о «предварительном переводе» и затем «уничтожении» оригиналов албанских памятников, то в нем сквозит алогизм: если уничтожают, чтобы лишить албанов памяти о собственной литературе и письменности, то с какой стати их переводили, сознавая при этом, что армянские переводы не только спасали их, но и значительно расширяли ареал их жизнедеятельности. Тут, видимо, превратно истолковано сведение Каланкатуйского о том, что католикос Албании Симэон «все книги гнусного Нерсеса, полные ереси, собрав в сундуки, [велел] бросить в реку Трту»²⁷. Во-первых, мы не знаем, на каком языке были эти книги—на албанском, армянском или греческом. Во-вторых, их не потому бросили в реку, что они были написаны на том или другом языке, а потому, что это были книги, «полные ереси», а их автор или владетель, католикос Албании Нерсес, «договорился с императором ромеев, в молитвах своих поминает его и принуждает всех стать единоверными с ними»²⁸. Следовательно, спор

²⁶ Буниятов З. Азербайджан в VII—IX вв., Баку, 1965, с. 97.

²⁷ Мсвсэс Каланкатуаци. Указ. соч., с. 150.

²⁸ Там же, с. 149.

шел между приверженцами халкидонитства и монофизитства, а не армянами и албанами, между людьми разной политико-конфессиональной ориентации. Такие же дебаты имели место и в армянском обществе как в годы патриаршества католикоса Елии (703—717), так и до и после него. Неслучайно, что на грузинском языке мы не располагаем монофизитской литературой, на армянском же не сохранились многие переводы и оригинальные сочинения халкедонитов-армян. Словом, положение об уничтожении албанских литературных памятников «григориянами» сочинено его автором либо из-за незнания реального положения вещей, либо с каким-то умыслом. Естественно полагать, что как в период арабского владычества, так и после него культурно-литературная деятельность в границах бывшего Албанского марзпанства не прекратилась, но протекала уже в иных обстоятельствах, отражая новую этнополитическую и вероисповедную ситуацию. Столетиями создававшиеся здесь памятники литературы на персидском языке считались персидскими, арабские — арабскими, а армянские — армянскими. Этот традиционный способ определения памятников литературы подвергся существенному пересмотру в тридцатые годы нашего столетия. Исходя из факта образования республики Азербайджан на территории, которая раньше никогда так не именовалась и таковой не являлась, а также учитывая общность религии основной массы республики и приверженцев ислама в средние века на этой территории, азербайджанскими были объявлены памятники литературы, созданные на персидском языке — творения Абуль-Ала Гянджеви (1080/90—1159), Мухаммеда Фелеки Ширвани (1108—1146), Мехсети Гянджеви (XII в.), Хагани (1120—1190), Низами Гянджеви (1141—1209) и многих других. Кем они были по реальному этническому происхождению — потомками албан, арабов, персов или тюрок, трудно сказать, но совершенно ясно, что азербайджанцами не могли быть, ибо сам этот этноним возник не раньше первых десятилетий нашего столетия. Однако достоверно известно, что являлись они приверженцами ислама и творили на литературных языках эпохи — на персидском

и частично арабском. Нужно констатировать, что советская литературная общественность в основном благосклонно отнеслась к их литературной азербайджанизации, вполне резонно полагая, что потомки представляемых ими этнических групп также вошли в состав новообразованного азербайджанского народа²⁹.

В шестидесятые годы, когда судьба персоязычной литературы Арана и Ширвана была уже предрешена, вооружившись испытанным методом, за решение проблем армянской литературы, в какой-то степени имеющих отношение к тому же Арану, взялся З. Бунятов: «Судебник Гоша, Историю Гандзакеци, как и много других средневековых источников по истории Арана, в значительной мере следует считать памятниками албанской литературы, написанными на граре. И только отсутствие в Азербайджане исследователей христианского периода истории Арана (Албании) дало возможность считать эту литературу армянской, хотя для этого никаких оснований, кроме языка, нет»³⁰. По форме тезис З. Бунятова вполне логичен: если язык сочинения является преодолемым препятствием, и персоязычные писатели оказались в стане азербайджанских, то почему же нельзя хотя бы албанскими считать армянских деятелей средневековья, тем более выходцев из того же Арана, в частности гандзакецев—Дави-

²⁹ Нашлись и иные, так называемые классовые аргументации. В беседе с писателем М. Бажаном Сталин «гениальным размахом своей мысли и эрудиции охватывая все выдающееся, что создано историей человечества, говорил об азербайджанском поэте Низами, цитировал его произведения, чтобы словами поэта разбить безосновательность того утверждения, что, дескать, этого великого поэта братского азербайджанского народа нужно отдать иранской литературе только потому, что он, мол, большинство своих поэм написал на иранском языке. Низами в своих поэмах сам утверждает, что он вынужден был прибегнуть к иранскому языку, ибо ему не разрешают обращаться к своему народу на родном языке» (цитата по книге: Е. Бертельс. Низами. М., 1947, с. 59; ср. «Правда», 1939 г., 3 апреля, № 92).

³⁰ Бунятов З. Ук. соч., с. 99.

да сына Алавика, Мх. Гоша, Киракоса Гандзакеци и многих других. Тезис азербайджанского ученого остается неизменным по сей день. Он его повторил и в самой последней работе, опубликованной в газете «Адабият вә инчасанат» (15 января 1988 г.) и в журнале АН Азерб. ССР «Известия» (серия истории, философии, права, 1987, № 4, с. 133—136). Разница лишь в формах реализации идеи. 24 года тому назад он говорил с осторожностью—«в значительной мере следует считать памятниками албанской литературы», а теперь он в доказательстве не нуждается: «Надо быть просто несведущим, чтобы утверждать... что Мхитар Гош, Давид и Киракос Гандзакеци не являются албанскими историками». Серьезных научных аргументов у автора этих слов не было ни тогда, ни теперь, но зато в Азербайджане появились исследователи «христианского периода истории Арана», а именно—Ф. Мамедова, Р. Геюшев, Д. Ахундов и другие, которые не только поддержали первопроходца-Бунятова, но и значительно расширили ареал применения его теории.

Задачу аргументировать албанство Гоша и Гандзакеци, как и их учителей и учеников, взяла на себя Ф. Мамедова³¹. Относительно Гоша эти аргументы сводятся к следующему:

1. Гош—уроженец г. Гандзака-Гянджи.
2. Рожденный в 1130 г. Гош «переехал из Гянджи в Хачен и поселился в монастыре Гетик, где пребывал до землетрясения 1131 г., разрушившего монастырь» (с. 21—22).
3. «С помощью хаченского князя Вахтаंगा и его приближенных Мхитар Гош основал монастырь Нор Гетик (Новый Гетик), где и умер в 1213 г.» (с. 22).
4. Составил «Албанскую хронику»—«Список патриархов албан, рукоположенных после владыки Елише, который прибыл из Иерусалима» (с. 22 ср. с. 26).
5. «Судебник» озаглавлен без слова «хайоц»-армян, армянский (там же).
6. «Судебник» написан по «настоятельной прось-

³¹ Мамедова Ф. Ук. соч., с. 8, 21—32.

бе благородного главы церковей албанского дома католикоса Албании Степаноса III» (там же).

7. Албанские церковные каноны также служат источником «Судебника» (с. 22—23).

8. Какая была необходимость создания «Судебника» для армян при наличии «Книги канонов» Одрзници (VIII в.)? Если «Судебник» — Гоша памятник армянской юриспруденции, то какая была необходимость создания «Судебника» Смбата Спарапета для киликийских армян? (с. 24).

9. «Судебник» Гоша снабжен синхронными датами, «в том числе и Малой армянской эрой, получившей распространение в Арцахе, как это отмечено И. А. Орбели» (с. 24—25).

10. Говоря о «безвластии в царстве нашем», Гош упоминает хаченского князя Асана и его сына Вахтанга, «который является главой других князей». Албанию он называет «страной нашей» (с. 25).

11. Гош не упоминает ни Захарию, ни Иванэ, «представителей сильнейшего из армянских родов того времени» (наблюдение И. Орбели, с. 25).

12. «Из введения к «Судебнику», а также из данных Киракоса Гандзакского о Мхитаре Гоше явствует, что Гош был албанским христианином-вардапетом (учителем) албанской церкви» (с. 26).

13. Гош написал «Житие Гандзакского», опять же — житие албанского христианина (там же).

14. В статье «Судебника» 113 «О девяти чинах» Гош, «следуя албанской историко-правовой традиции и пользуясь «Историей Албан» Моисея Каланкатуйского, толкует о необходимости наличия в церковной иерархии девяти чинов, согласно которым албанская церковь была патриаршей, т. е. автокефальной» (с. 27).

Мы привели все те аргументы, точнее, соображения, на основании которых Ф. Мамедова доказывает «албанское происхождение, творения для албан» Мхитара Гоша и упрекает армянских исследователей, «беспочвенно считавших Гоша армянским автором» (речь об И. А. Орбели) и зачисливших Гоша и его «Судебник» «в актив истории армянского народа» (речь об А. Ш. Мнацаканяне). Как ни досадно для азербай-

джанского исследователя, правыми оказываются те, ко-го Ф. Мамедова усердно критикует. Обратимся к фактам:

1. Христианская община Гандзака, откуда и родом Гош, состояла если не исключительно, то в основном из армян³². К этому вопросу мы еще вернемся.

2. Годовалый Гош не мог перебраться в Хачен и поселиться в монастыре Гетик. Христианский монастырь не детский сад, к тому же Гетик находится не в Хачене, а в вотчине Курда Арцруни, в области Каненской³³. В Хачен Гош отправился после учебы на Черной горе, дважды получивший сан архимандрита, притесняемый мусульманами.

3. Нор Гетик построен не только с помощью Вахтанга и его приближенных, но и владельца края князя Курда, с которым у Гоша наладились хорошие отношения еще в бытность его в Карине³⁴, и двух его сыновей—Давида и Садуна, их сестры Арзухатун—жены Вахтанга³⁵.

4. Составление так называемой «Албанской хроники» никак не может служить доказательством «албанства» Гоша, ибо Албанию/Аран/ он часто называет не страной, а областью, т. е. областью Армении, датирует события системой армянского летосчисления, главенствующими на соборе албанской церкви считает армянских духовников, подробно говорит о событиях в Двине и Ани, с похвалой отзываясь об армянских царях из династии Кюрикидов, о роде Васака,

³² В сочинении автора XIII в. Смбата Спарапета Гандзак назван «армянским городом» (см. *Смбат Спарапет*, *Летопись. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания Галстяна А. А.* Ереван, 1974, с. 82), автор же первой половины XII в. Матфей Эдесский армянским называет и г. Партав, а саму Албанию/Адуанк— *աշխարհ իսորին շայոց* («Внутренней армянской страной») см. *Մատթէոս Եմեհայեցի. Ժամանակագրութիւն, Վաղարշ աւան, 1898*, с. 230.

³³ *Գրեալու Գանձակեցի. Պատմութիւն շայոց, Երևան, 1961*, с. 209.

³⁴ Там же, с. 208.

³⁵ Там же, с. 215.

хвалит грузинского царя Давида за благонамеренность по отношению к князям Армении и т. д. Но важно не все это, а то, что Гош знает тюрков, персов, арабов, грузин, армян, но не знает этнически албана, которым он должен оказаться по воле азербайджанского исследователя³⁶.

5. От того, что в заглавии «Судебника» Гоша нет слова «армянский» (хайоц), не меняется ни его содержание, ни язык, ни источники и ни назначение. От того, что византийский «Земледельческий закон» в заглавии не сопровождается словом «Византии» /*Nomos Georgicos*/, разве он перестает быть именно византийским?!

6. Говоря о заказчике «Судебника» католикосе Степаносе III, следовало обратить внимание на самую титулатуру его—*գլուխ էկեղեցեաց սրբոց տանն Աղուանից* («Глава святых церквей сего дома Албанского»). Академиком К. А. Мелик-Оганджяном давно установлено, что в патриаршей титулатуре термин *տանն* /дом/ употребляется в том случае, если он является предводителем епархии, диоцеза, области, подчиненному католикосу всех армян, поэтому имеем *կաթողիկոս տանն Կիլիկիոյ* (католикос диоцеза /=*престола*/ Киликии), *կաթողիկոս տանն Աղթամարայ* (католикос диоцеза /=*престола*/ Ахтамара)³⁷. Этот факт, к сожалению, совершенно не учтен Ф. Мамедовой, которая тем самым освободилась бы от задачи поиска албан в Албанском католикосате XII—XIII вв.

7. Разве можно ссылаться на использование Гошем албанских церковных канонѳв в качестве доказательства албанства автора, когда мы знаем, что он учитывал даже нормы мусульманских законов, уже не говоря об армянских, византийских и грузинских

³⁶ См. Մոսկւէ Վաղանկատագի, Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի, Երևան, 1983, с. 350—358; Русский перевод см: Мхитар Гош Албанская урочка, Бзку, 1960.

³⁷ Мелик-Оганджян К. А. Еще раз о национальной принадлежности Мхитара Гоша, автора «Судебника». — «Вестник армянской Армении», 1969, № 1, с. 194.

нормах и источниках. К тому же эти так называемые албанские церковные каноны взяты автором «Судебника» не из албанского источника, а из «Армянской книги канонов», либо из армянского же текста сочинения Дасхуранского.

8. Сомнения Ф. Мамедовой относительно необходимости создания «Судебника» при наличии у армян «Книги канонов» и тем более необходимости составления «Судебника» Смбатом Спарпетом при наличии сочинения Гоша относятся к области риторики, а не источниковедения и истории. Государственный строй, административные институты, общественный организм Киликийского армянского государства существенно отличались от таковых в Восточной Армении, следовательно, нужен был судебник, учитывающий эти особенности. Немаловажен и фактор киликийского литературного языка и юридической терминологии. Не учитывать все это и заняться риторикой — не научно, а точнее, антинаучно.

9. Рассуждения И. А. Орбели относительно причин синхронности датирования памятников армянской письменности, времени возникновения и ареала употребления систем летосчислений по «армянской эре» и «Малой армянской эре» оказались преждевременными. В частности, «Малая армянская эра», созданная Иоанном Дьяконом в 1116 г. в Ахпате, применялась прежде всего деятелями местной школы (трактат Иоанна Дьякона «О затмении луны», колофоны Давида Кобайреци, писца из Ахпата Саркиса). Надписи Арцаха и колофоны рукописей теперь изданы, и каждый может удостовериться, что И. А. Орбели не имел оснований говорить «о получившей распространение в Арцахе системе летосчисления». Мамедовой следовало заняться изучением многочисленных первоисточников, опубликованных после тезиса И. А. Орбели, а не повторять его спустя семь десятилетий. Следовало также учесть и то обстоятельство, что события, описываемые в так называемой «Албанской хронике» и «Мученичестве Хосрова Гандзакеси», датируются армянской эрой.

10. Акад. К. Мелик-Оганджян давно и убедительно

тельно показал, что И. А. Орбели неточен в переводе и толковании колофона «Судебника» Гоша. В нем речь идет о безвластии «в царстве нашем», т. е. Армянском, «перед взором автора «Судебника» раскрыта карта расселения не агванского, а армянского народа от Хаченских-Арцахских гор до Киликийского побережья; на противоположных концах этой обширной страны сохранились независимые армянские княжества, а на всей остальной территории Армении издавна царит полное *безвластие*»³⁸. Собственно, это хорошо видно и из «Мученичества Хосрова», в начальных строках которого автор почти дословно повторил свою характеристику политического положения Армении, приведенные в колофоне «Судебника». Здесь мы читаем: «Во времена владычества эламов (*ղեմարացիք*) (т. е. тюрков из Средней Азии?—П. М.) Армянское царство давно уже было окончательно низложено, а остатки ишханов, лишённые всего, расселились, скитались по всей стране, отказывались повиноваться друг другу; особенно те, кто жил в неприступных твердых странах Арцах»³⁹. На следующей же странице он уточняет местожительство Хосрова: «В аранском крае, в пределах великого города Гандзак, в деревне Архашен...»⁴⁰. Мамедовой следовало исходить не из перевода И. А. Орбели, а из самого оригинала «Судебника» и других сочинений того же Мх. Гоша. Относительно средневекового представления об этнополитических границах расселения армян мы располагаем совершенно конкретным свидетельством весьма достоверного первоисточника—сочинения Ст. Орбеляна: полководцы Захария и Иванэ «с великим старанием освободили нашу Армянскую страну от персов—заяли от Арана до внутреннего Басена и от Баркушата

³⁸ Мелик-Оганджян К. А. Указ, соч., с. 193.

³⁹ «Շարք նոր զգաները» (1155—1843), աշխատ. 2. Մանանդյանի և Նր. Աճառյանի, Չաղարշապատ, 1903, с. 24—25; ср.: «Памятники армянской географии», перевод с древнеармянского, вступительные статьи и примечания Тер-Давтян К. С. Ереван, 1973, с. 24.

⁴⁰ Там же, с. 244 (в переводе—«В Армянском крае»).

до Мжнкерта. Взяли Карс, Вагаршакерт, Кагзуан, Сурб-Мари, Ани, Анберд, Бджни и Гарни, стольный город Двин, Гардман, Гандзак, Чарек, Герт, Шамхор, Шаки, Партав, Чараберд. В 660 (=1211 г.) взяли Сюник, Вороти, Боротан, Бхен, Баркушат. И хотя взяли они в разные годы, но эти все были отвоеваны и их сыновьями, и освободили страну нашу от горького служения тачикам»⁴¹.

11. В эпофоне от 1184 г. Захария и Иванэ не могли быть упомянуты, ибо их государственная деятельность начинается после этой даты, никак не раньше событий 11085—11086 гг., когда они впервые упоминаются как участники двинского похода в связи с замужеством Таяр и Георгия Русского⁴².

12. Мхитар Гош никак не мог быть «албанским христианином, вардапетом албанской церкви» по нескольким причинам: в специальном трактате, написанном в 1206/7 г. и адресованном полководцам Захарии и Иванэ, а также грузинским духовным лицам, он неоднократно говорит, что обвинения греков и грузин в адрес армянского вероисповедания неуместны, а повторное крещение грешно, ибо «որ ամբաստանին զմենք, թէ կալաստանեայք միայն ոչ ընդունին զժողովն Քաղկեդոնի, ահա ցուցար, զի բազում ազգ ոչ ընդունին զժողովն Քաղկեդոնի»⁴³ («Нас обвиняют, будто одни только армяне не признают Халкедонский собор, но вот мы показали, что собор Халкедона не признают многие народы»). «Զխտեի իրն ոչ թարցար զմեր ազգիս» (с. 497) («не скрыли и порочные обычаи нашего народа») и перечисляют таковые, упрекая своих соотечественников, в частности, в чрезмерном увлечении водружением крестных камней, в неповиновении своим предводителям: «Իսկ ամբաստանին, թէ զպատկերս սրբոց ոչ ընդունին կայք և կարի առտել ընդունիմք, զի առաջին պարգևս ի Քրիստոսէ իրն տուա պատկեր հայոց թագաւորին Արգարտու»⁴⁴

⁴¹ Ստեփանոս Օրբելյան, Պատմութիւն..., 1910, с. 391—392.

⁴² Յ. Յեքեո, ԵՊՅԵՆԻ ՅՈԼՈՑԵՅՄԵՐԸ..., տ. 1, 1979, թ. 237.

⁴³ «Արարատ» 1900, с. 503.

⁴⁴ «Արարատ» 1901, с. 60.

(«Обвинение же в том, что *армяне* не признают изображения святых, очень даже *признаем*, ибо в качестве первого дара от Христа он дал свое изображение армянскому царю Авгару»).

Таких анкетных свидетельств множество, но главным является даже не это, а именно то, что Гош перечисляет известные ему христианские народы—греков, грузин, армян, эфиопов, индусов-христиан, нубийцев, негров, русских, аланов, казаков, хундзов, чанов, болгар, франков, немцев и т. д. но не знает *албанцев* (с. 504). Странная получается картина: Гоша называют представителем народа, о реальном существовании которого он и не подозревает!

Допустимо, что из-за отсутствия русского перевода этого трактата Гоша приведенные пассажи остались неизвестными для азербайджанских исследователей, но ведь располагают же они русским переводом «Судебника», который они называют памятником албанской литературы, а в нем, самом заглавии первой главы сказано: «*Գլուխ Ա, յորում կայ զամառնային և անգրիկ արք րաբրանին զմեզ, եթէ չկայ զամառնային և շաքր*» («Глава I, в которой содержится ответ тем, которые сплетничают о нас, будто нет Судебника у армян»). Едва ли в средневековом источнике можно найти более аутентичное свидетельство об этнической и культурной принадлежности автора.

13. Видимо, незнанием христианской агнографии можно объяснить суждения Мамедовой о Мученичестве Хосрова Гандзакеци. О том, кем являлся Хосров этнически, Гош не говорит и лишь констатирует, что он христианин, выходец из села Арханашен «в пределах великого города Гандзак», что «в Аранском крае». Если на этом основании самого Хосрова и автора его мученичества можно объявить албанцами, как это делает Мамедова, то как быть с авторами мученичества христиан-персов, христиан-арабов? Иоанна Сабанидзе считать арабом (VII в.), а Давида Алавкаверди, автора мученичества перса Бубакра (Иосифа Двинского) из села Норашена Котайской области—персом?! Кстати, заказчиком Панегирика мученику Иосифу выступает тот же Гош, как же быть—на сей раз

назвать персом Гоша?! К сожалению, такого порядка несуразности и лежат в основе «концепции» об албанской литературе XII—XIII вв.

14. Статья «Судебника» «О церковных и царского дома порядках» (ст. 225) никакого отношения к «албанской историко-правовой традиции» и «автокефальности» албанской церкви не имеет. Гош ссылается на «Историю страны Алуанк» (впрочем, как и на сочинение Егише и «Книгу канонов»), только потому, что в ней представлена история вопроса. При католико-се Аврааме Албатанском, согласно историку, оспаривалось не патриархатство Авраама, а архиепископство Алуанка Кирином—католиком Грузии, которому было отведено третье место—митрополитство⁴⁵.

Кстати, в упомянутой главе имеется пассаж, определяющий позицию историка: Յայնժամ շարժեցան ամենայն մեծամիտքն, և որ աստիճայ էր վախճանեալ զամենեցուն արևոս պատրիարք խոստովանեցին: Անդանոր ասա մեջոյ բերաւ բան ի բերան յեա զվարդ նոցա զնիրոյն: Եւ զշալս փարսիկր և ճոյր բաժանեալ էին. (с.273) (т. е. «Тогда возмнили все честолюбцы, и там, где скончались апостолы—всех признали престолом патриаршим. После установления ими этого порядка и у нас стали поговаривать (о патриаршем престоле), а Армения была разделена между Персией и Грецией...»). Таким образом, об автокефалии албанской церкви нет речи ни у Гоша, ни в его источнике. Мамедова фактически требует от источника и берет из него больше, чем он содержит. Это явное нарушение норм источниковедческой работы.

Таким образом, попытка реализации вымысла З. Бунятова об албанском происхождении Гоша и албанской атрибуции его творений также антинаучна, как и сама постановка вопроса. Ф. Мамедова, видимо, воодушевилась рецензией на ее первую книгу в азербайджанской печати, в которой высказывалось убеждение, что «со временем будут обнаружены и

⁴⁵ См. Մոսկու Մաղանկապատագի. Մ.к. соч., с. 274—276 (кн. II, 48), ср. Мовсес Каланкатуаци, с. 137—139.

другие средневековые памятники письменности местного происхождения. Ручательство тому—установление албанского происхождения сочинения Моисея Каланкатуйского... Другое доказательство—открытие в наше время в рукописном собрании Парижской национальной библиотеки сочинения местного—азербайджанского автора начала XII в. Масуад ибн Намдара, что также убеждает нас в том, что Моисей Каланкатуйский и Масуд ибн Намдар—только первые ласточки: они не были и не могли быть одиноки»⁴⁶.

Ласточка-то ласточкой, но албанской или азербайджанской литературой может называться лишь литература, которая написана на албанском или азербайджанском языке и отражает жизнь местного общества. Культурная экспансия—не лучший путь удревления истории. И в самом деле, Киракос Гандзакский сотни раз говорит: «*աշխարհն Հայոց, աշխարհն մեր, ազգի մեր, Հայաստանի աշխարհն*», Мовсеса Каланкатуйского называет «*Հայոց ազգի աստմազգիք*» (с. 6—7), Армению—«*աշխարհն մեր*» (с. 12), Албанию—страной «*Ենդա*» (с. 30), армян—«*մեր*» (с. 44) и т. д., но оказывается, что по воле современных азербайджанских исследователей мы должны считать его албанским деятелем, поскольку он родился «в стране Гандзакской» (с. 116), а край этот *ныне* входит в состав Азербайджана. Албанизация армянских деятелей средневековья и памятников материальной и духовной культуры—это этап в их последующей азербайджанизации, т. е. к такой их атрибуции, о которой понятия не имели не только в армянской, но и в самой мусульманской среде средневекового Ширвана и Арана.

⁴⁶ Гусейнов Р. А. Новая публикация по албановедению—«Известия» АН Азерб. ССР, серия ист., фил. и права, 1978 № 2, с. 119.

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО 1917 г.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА. В настоящее время Нагорный Карабах в рамках автономной области включает пять районов—Гадрутский, Мардакертский, Мартунинский, Аскеранский (бывший Степанакертский), Шушинский, Территория—4,4 тыс. км², население—188 тыс. чел. (1989 г.), из них 158 тыс. армян.

В разные периоды своей многовековой истории край именовался по-разному: в урартских клинописях он назван *Уртехе-Уртехини*; к этой топонимии восходит армянское традиционное название *Арцах/Арцах*¹.

У античных греческих авторов край выступает под наименованием *Орхистена* (*Ὀρχιστήνη*)² которое отражает армянское название Арцах. Раннесредневековые источники фиксируют и иные названия этого края, связанные с перемещением центра административного образования—*Цавдек*³ (по названию центра Цавдекского княжества) и *Хачен*⁴—по названию крепости *Хачен*⁵, служившей резиденцией армянских князей из

¹ Капанцян Г. А. *Chetto-Armeniaca*. Ереван, 1931, с. 104; ср. Пиотровский Б. Б. Ванское царство, М., 1959, с. 92.

² Страбон. География, XI, XIV, 4.

³ Агафангел. История Армении. Тифлис, 1909, § 795, с. 414 (на арм. яз.), Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913, кн. II, гл. 8, с. 113 (на арм. яз.); «Воинская грамота»: см. в кн.: Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971, с. 251.

⁴ Вардан. География. Париж, 1960, с. 11 (на арм. яз.). Этот автор XIII века четко пишет: «Арцах—[ныне] Хачен».

⁵ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван, 1984, кн. III, гл. 23, с. 170.

рода Араншахигов. В X—XIII вв. наибольшей популярностью пользовалось наименование Хачеан/Хачен (от арм. *хач*—крест); оно фигурирует не только в многочисленных памятниках эпиграфики Карабаха, но и в византийской и персидской номенклатуре⁶. Источники сохранили еще два названия Арцаха—*Малый Сюник*⁷ и *Малая Армения*⁸.

Наименование Карабах в исторических первоисточниках впервые фиксируется в XIV веке в сочинении «Грузинского хронографа»⁹ и у персидского историка Хамдаллаха Казвини¹⁰. Образовалось оно на почве персидской географической номенклатуры: в отличие от равнинной части, где имелась местность, именуемая *Баг-и Сафид* (Белый сад)¹¹, горная часть края стала называться *Баг-и сиах*, что в тюркоязычном осмыслении превратилось в *Карабах* (Черный сад).

Греко-римские и армянские авторы четко указывают на то, что Арцах и соседняя провинция Утик, также расположенная на правом берегу Куры, составляли часть Армении, граница которой с Албанским царством проходила по реке Куре. Вот только некоторые выдержки из сообщений античных авторов:

⁶ *Константин Порфирородный. De serimon. aulae Byzant.*, кн. II, гл. 48; *Миклухо-Маклай Н.* Географическое сочинение XIII в. на персидском языке (Новый источник по исторической географии Азербайджана и Армении). — Ученые записки Института востоковедения, т. IX. М.—Л., 1954, с. 204.

⁷ *Мовсес Хоренаци*, III, с. 260.

⁸ «Армянское войско в XVIII веке. Из истории армяно-русского военного содружества». Ереван, 1968, с. 376, 378.

⁹ См. «Картлис цховреба», т. 2. Тбилиси, 1959, с. 240 (на груз. яз.).

¹⁰ *Hamd-Allah Mustafai of Qazwin, The Geographical Part of the Nuzhal-al-Qulub*. Trans. by G. Le Strange, Leyden, 1919, p. 173—174; *Хамдаллах Мустауфи Казвини*, Зейл-и тарих-и гузида. Баку, 1986, с. 91, 95, 127; ср. *Петрушевский. И. П.* Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья. — «Известия» АН СССР, 1937, № 4, с. 873—920.

¹¹ См. *Миклухо-Маклай Н. Д.* Указ. соч., т. 201.

Страбон: «В самой Армении много гор и плоскогорий... много там и долин... например, равнина Аракса (Ἀραξηνὴ πεδίων), по которой река Аракс течет до границ Албании... За этой равниной идет Сакесена, тоже граничащая с Албанией и с рекой Киром»¹².

Плиний Старший: «Это племя (албанцев), расселившееся по кавказским горам, доходит, как сказано, до реки Кира, составляющей границу Армении и Иверии»¹³.

Клавдий Птолемей: «Великая Армения ограничивается с севера частью Колхиды, Иверией и Албанией по вышеуказанной линии, проходящей через реку Кир»¹⁴.

Плутарх: «Когда зима застигла римское войско в этой земле (в Армении) и римляне справляли праздник Сатурналий, албанцы, собравшись числом не менее сорока тысяч, переправились (διαβάντες) через реку Кирн и напали на них»¹⁵, т. е. перешли на правобережье Куры.

Дион Кассий: «Оройс, царь албанцев, живших выше (ὑπερ) Кирна»¹⁶.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. Урарты, согласно надписи Сардури II (VIII в. до н. э.), сохранившейся в с. Цовк, достигли страны Уртехини (Арцах)¹⁷. В первой половине VI в. до н. э.

¹² *Страбон*, XI, XIV, 4.

¹³ *Плиний*. Естественная история. VI, XV, 39.

¹⁴ *Птолемей*. География, V, XII, I.

¹⁵ *Плутарх*, Сравнительные жизнеописания, т. II, М., 1863 (Помпей, XXXIV).

¹⁶ «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Собрал и издал с русским переводом *Латышев В. В.*, т. I, СПб., 1890, с. 611.

Свод сведений первоисточников по истории Албании-Алуанка и их обстоятельный анализ представлены в монографии *Акопяна А. А.* «Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках». Ереван, 1987.

¹⁷ *Меликашвили Г. А.* Урартские клинописные надписи. М., 1960, с. 310, 446.

Арцах в составе Ервандидской Армении находился в подчинении у Мидии, а с 550 по 331 г. до н. э.—державы Ахеменидов.

С конца IV в. до н. э. Арцах, а также соседние области Утик и Сюник, продолжали оставаться в составе армянского царства Ервандидов¹⁸. О вхождении этого края в состав царства Тиграна II с 95 года до н. э. свидетельствует и факт основания там г. Тигранакерта. Еще один Тигранакерт был основан в области Утик¹⁹. Орхистену (Арцах) называет провинцией Армении и Страбон²⁰, об этом же единодушно свидетельствуют и раннесредневековые армянские первоисточники²¹. Согласно «Ашхарацуйцу» («Армянской географии VII в.»), Арцах являлся десятой провинцией Армении и состоял из двенадцати гаваров (областей): Абанд другой, Вайкуник, Берда-дзор, Мец-Аранк, Мец-Куанк, Харчланк, Муханк, Пианк, Парсаканк, Кусти, Фарнес, Колт²². После раздела Армении между Византийской империей и Ираном в 387 г. Арцах продолжал оставаться в составе Армении до упразднения Армянского царства в 428 г. Затем он был присоединен персами к Албанскому царству, располагавшемуся на левобережье Куры, о чем свидетельствует автор «Ашхарацуйца», сообщающий также о том, что собственно (т. е. левобережная) Албания находится севернее реки Куры, которая издревле служила границей между нею и Арменией²³. После упразднения Ал-

¹⁸ Мовсес Хоренаци. История Армении, кн. II, гл. 44—45, с. 169—170.

¹⁹ Себеос. История..., Ереван, 1979, с. 125, (на арм. яз.).

²⁰ Страбон, XI, XIV, 4.

²¹ Агафангел. История Армении; Мовсес Хоренаци. История Армении; Егише. О Вардане и войне Армянской; «Зоранамак» («Воинская грамота»).

²² См. Еремян С. Т. Армения по «Ашхарацуйцу» («Армянской географии VII в.»). Ереван, 1963, с. 105 (на арм. яз.).

²³ См. Еремян С. Т. Указ. соч., с. 105; ср. Новосельцев А. П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период — «Кавказ и Византия», вып. I, Ере-

банского царства (в 469 г.) Арцах остался в составе образованного на территории этого царства и соседних областей персидского марзпанства, которое получило название «Албания» (Аран). Спустя столетие, в конце VI—начале VII вв. Албанское марзпанство на севере раздробилось на отдельные мелкие княжества, которые, выступая под названиями живших там племен или правивших княжеских домов, утратили ставшие для них лишними название «Албания» и собирательное наименование «албанды». На юге же Утик и Арцах образовали отдельное армянское княжество Араншахи́ков (конец V в.), которых затем сменили представители рода Михранидов, имевшего персидское происхождение (VII в.). Последние унаследовали для своих владений административное название *Алуанк* (Албания), но оно, фактически переместившись с севера на юг, приобрело чисто географическое содержание, напоминая о существовавшем когда-то марзпанстве, но не имея отношения к «собственно Албании». Название «Албания» в применении к Утику-Арцаху становится синонимом применяемых в трудах древних армянских историков названий «Восточный край Армении», «Северо-восточный край», «Алуанский (т. е. Албанский) край», «Армения Глубинная» и т. д.²⁴ Историк XI—XII вв. Маттэос Урхаеци, говоря о «Стране Албанской», поясняет, что это страна, «которую ныне называют Глубинной Арменией»²⁵. История политической и культурной жизни именно этих областей и составляет основное содержание труда армянского историка X в. Мовсеса Дасхуранци «Ис-

---

ван, 1979, с. 10—18. Автор статьи основывается на данных античных историков Страбона, Плутарха, Птолемея, Диона Кассия, армянского историка V в. Фавстоса Бузанда и др.; Ср. *Смбатян Ш. В.* Еще раз о южной границе Кавказской Албании. — «Лрабер», 1989, № 10, с. 3—17.

²⁴ Обзор первоисточников см.: *Мнацаканян А. Ш.* О литературе Кавказской Албании, Ереван, 1969, с. 62—64.

²⁵ *Маттэос Урхаеци.* Хроника. Вагаршапат, 1898, с. 230 (на арм. яз.).

тория Албании» (или «История страны Алуанк», как традиционно переводят это заглавие).

Хорошо осведомленный об административно-политических переменах, происходящих в сопредельных с империей странах Закавказья, византийский двор знал, что Хаченское княжество находится в Армении, почему император Константин Порфирородный (913—959 гг.) и адресует письмо на имя князя Хачена «в Армению» (*εις τῶν ἄρχόντων τῆς Χατταύνης, Ἀρμενία*)²⁶.

История этого края в эпоху княжения Асан-Джалала, сына сестры Закарэ и Иванэ Долгоруких, и его преемников (XIII в.), обстоятельно представлена в многочисленных надписях монастыря Гандзасар и других памятников армянского зодчества, у армянских историков Киракоса Гандзакеци, Вардана Великого, Степаноса Орбеляна, в колофонах (памятных записях) рукописей и т. д. В надписи от 1240 г. из Гандзасара внук упомянутого Асана Джалала, также носивший имя Асан-Джалал, представляется следующим образом: «Я, смиренный раб божий Джалал Давла Асан, сын Вахтанга, внук великого Асана, природный самодержавный царь высокой и великой страны Арцахской и имеющей обширные пределы области Хаченской»²⁷.

Если в титулатуре этих князей или записях иногда встречается термин Албания-Алуанк, то, говоря словами И. А. Орбели, «лишь пережиточно, в составе потерявших реальное значение титулов»²⁸.

Кстати, процесс этнокультурной консолидации 26

²⁵ „De certimon. aulae Byzant.“ кн. II, гл. 48.

²⁷ Орбели И. Избранные труды, Ереван, 1963, с. 158. Монографическое исследование истории края см.: Улубабян Б. А. Княжество Хачен в X—XVI веках, Ереван, 1975 (на арм. яз.); ср. Анасян А. С. Малые сочинения. Лос-Анджелес, 1987, с. 419—428 (на арм. яз.).

²⁸ Орбели И. Указ. соч., с. 347. Генеалогию армянских правителей в эпоху средневековья можно найти в исследовании Туманова К. С. *Toumanoff, Manuel de généalogie...*, etc. Rome, 1976, p. 236—240).

кавказских племен, выступающих под условным и собирательным названием *албаны-албанцы-аранцы*, был прерван еще в период марзпанства, в эпоху же арабского владычества, в силу инфильтрации в собственно Албанию новых этнических групп и масс (персы, арабы, армяне...), деэтнизация исконно албанского общества интенсифицировалась и стала реально свершившимся фактом. Поэтому неслучайно, что сохранившиеся из 26 племен этнические единицы выступают в источниках под собственным племенным названием (удины, лпины, чилбы, гаргары и т. д.). Естественно, проникавшие с XI века в Закавказье тюркские племена, участвовавшие в сельджукских нашествиях, как и появившиеся позже кипчаки и татары-монголы, *албанов* как таковых не застали, а их осевшая исламизированная часть в культурном отношении подвергалась либо пранизации, либо арабизации, но основная масса тюркоязычных пришельцев продолжала кочевой образ жизни до самого начала XIX века. Таковыми их застали наследник персидского трона Аббас-Мирза и русский дипломат А. С. Грибоедов²⁹.

В отличие от центральных областей Армении, подпавших под владычество Турции и Ирана, хаченские мелики и в позднем средневековье сохранили свою отнесенную самостоятельность, что нашло отражение и в указах персидских шахов—Джахан-шаха, Кара-коюнлу (1437—1467 гг.) и Шах-Аббаса I (1587—1623). В эпоху «пяти армянских меликств» (Варанда²⁹, Хачен, Дизак, Джраберд, Гюлистан), когда страна превратилась в средоточие армянского освобо-

²⁹ Грибоедов А. С. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1971, с. 288.

²⁹ Мелики Варанды имели даже свой герб, который, согласно родовому преданию, привлек внимание Петра I и Наполеона (изображение по отisku из печати см. «Пайкар» («Борьба»), Бостон, 1960, титульный лист и стр. 332—334). На гербе имеются армянские монограммы Ճ (Ճաշուտաշն—Армения), Մ (Մելիք—Мелик), Շ—Ն (Շահ—Նազար—Шах—Назар). Над головой орла изображен купол церкви с крестом.

дительного движения, и выработалась русская ориентация. По документальным и нарративным источникам хорошо известна активность меликов в организации борьбы армян против шахского Ирана и султанской Турции. С Хаченом (Карабахом) связаны миссии Исраела Ори, архимандрита Минаса, Иосифа Эмина, направленные на реализацию русской ориентации, и вооруженная борьба знаменитого армянского полководца XVIII в. Давид-бека и Авана Юзбаша.

Восставшие против мусульманской тирании армяне Карабаха неоднократно обращались к Петру I, ожидая от него вооруженной помощи. В письме католика Нерсеса Петру I от 1723 г. говорится: «...Со всем нашим народом просим, что мы ныне в руках неверных, яко пленные обретаемся, которые нас денно и ночью жестоко изгоняют, грабят и убивают до смерти и берут в полон, и сколько есть остальных и те, убегая в горы и под горы, кроючись нужно живем без хлеба и без воды, однако в начале на бога и потом на ваше величество имеем надежду, а на иного кроме вашего величества нам надеятца не на кого, того ради просим от такой нашей болезни нас высвободить и защитить яко великий пророк Моисей освободил из рук фараоновых тако ж и нас да освободите из рук варварских...»³⁰.

Лишь с начала XVIII в. на политическую ситуацию нагорной части Карабаха стали оказывать влияние неармянские этнические массивы, перебравшиеся из Средней и Малой Азии и Курдистана и поселившиеся в прилегающих равнинных районах еще в начале XVI в.

По свидетельству Шараф-хана Битлиси (XVI в.), «...Двадцать четыре курдских рода проживают в Арранском Карабаге и известны под общим названием игирмидорт (тюрк. «двадцать четыре»)³¹. Эти курд-

³⁰ См. «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века», т. II, ч. II, Ереван, 1967, с. 27—28.

³¹ *Шараф-хан ибн Шамсаддин Битлиси*. Шараф-намэ. Перевод, предисловие, примечание и приложение Е. И. Васильевой, т. I. М., 1967, с. 370.

ские роды, как и племенной союз «отузики» (тюрк. «тридцать два») занимали район Мильской равнины (Карабахская низменность). В состав отуз-ики входили также и мелкие тюркские племена. В этом конгломерате выделялось племя джеваншир, глава которого считался главой всего отуз-ики. В 1722 г. племя джеваншир выступило против восстания армян под предводительством Давид-бека и было разгромлено восставшими. Позже Надир-шах переселил племена джеваншир, отуз-ики в Иран, а именно—в Хорасан, в местность Сарахс³², однако после смерти Надира (1747 г.) им удалось опять вернуться в Равнинный Карабах, где к ним присоединились мелкие племена демурчи-гасанлы, джинлы из Грузии, часть кенгерлу из Нахичевана, шахсеваны из Мугана³³. Из Равнинного Карабаха предводители племени джеваншир вторглись сначала в предгорные районы, а затем, воспользовавшись предательством сына мелика Варанды Егана Шахназара, узурпировавшего меликства, пришелец Панах стал владельцем крепости Шош (ныне г. Шуша) и утвердился там в качестве местного правителя (хана)³⁴. Смерть Надир-шаха и междоусобные войны

³² *Мирза-Адигезал-Бек*. Карабах-намэ. Баку, 1950, с. 47; *Мирза Джамаль Джеваншир*, История Карабага, Баку, 1959, с. 118—119.

³³ *Мирза-Адигезал-Бек*. Указ. соч., с. 56; Архив внешней политики России (АВПР), ф. СРП, 1758, д. 2, л. 9.

³⁴ Подробно см.: *Мирза-Адигезал-Бек*, указ. соч., с. 53—60; *Мирза-Джамаль Джеваншир*, указ. соч., с. 65—70, 120—126; *Бакыханов А.* Гюлистан-Ирам, Баку, 1926, с. 127—128; «Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией» (АКАК), т. I, Тифлис, 1866, с. 120—124; генеалогическая таблица карабахских ханов из племени джеваншир (см.: АКАК, т. I, с. 695).

В приложениях рапортов А. В. Суворова князю Г. А. Потемкину неоднократно говорится о политической и социальной ситуации в Карабахе. В частности, в одном из них, составленном в 1780 г. на основании сообщений И. Аргутинского (Аргутяна), читаем: «4-е. Мелик Шах-Назар может собрать войска близ 1000 человек; сей предатель своего отечества призвал Панахана, бывшего прежде начальником не знатной части кочующих магоме-

за доминирующее положение в Иране создали в Восточном Закавказье новую политическую обстановку. Здесь возникло несколько независимых и полунезависимых ханств—Шекинское, Карабахское, Кубинское, Шемахинское, Бакинское, Нахичеванское, Гянджинское, которые не имели ни общей этнической, ни экономической, ни культурной базы. Существенной помехой для объединения этих образований служило отсутствие единого этнического самосознания тюрко-татарских племен, ведущих по преимуществу кочевой образ жизни. Приверженность к исламу разноплеменных ханов и части их подданных не сломила стремления аборигенного населения к политической и экономической независимости.

Положение меликов и армянского населения Арцах-Карабаха существенно усугубилось в годы правления Ибрагим-хана (1762—1806), и многие из них переселились либо в Ширван, либо в Грузию. Ибрагим-хан вел коварную и двойственную политику. Высказывая склонность к русскому подданству, в действительности, говоря словами Ираклия II, «...начал переписываться с Портою Отоманскою, с арзрумским Патал пашой и с ахалцихским Солейман пашою, возбуждая их, чтобы и они нам злодействовали. Двоекратно от турецкого султана получил награждение и прочие милостивые обещания...»³⁵. Внутренняя его политика отличалась жестокостью и усердием в исламизации армянского населения Карабаха.

Однако карабахским ханам не удалось окончательно сломить сопротивление оставшихся здесь меликов. Схватки между ними продолжались до самого 1813 г., когда, согласно Гюлистанскому договору между Ираном и Россией, Карабах перешел к России, а спустя девять лет ханство было окончательно

тан близ границ карабагских, отдал ему в руки свой крепкий замок Шушикала и учинился ему с его сигналам покорным» (см. Нерсисян М. Г. А. В. Суворов и русско-армянские отношения. Ереван, 1981, с. 136, ср. с. 107—108, 131).

³⁵ См. «Советский Карабах», 23 июля 1989 г.

упразднено³⁶. Вековое стремление армянских меликов Карабаха к русскому протекторату завершилось присоединением края к России³⁷.

По Гюлистанскому договору 1813 г., завершившему русско-персидскую войну 1804—1813 гг., вместе с другими северо-восточными провинциями Восточной Армении (Лори-Памбакским, Шамшадинским, Зангезурским, Кафанским и Шорагельским уездами) к России перешли также Гянджинское и Карабахское ханства³⁸. Гянджинское и Бакинское ханства, как административные единицы, были упразднены в 1804—1813 годах. В 1819 г. были упразднены Шакинское, в 1820 г. Ширванское, в 1822 г.—Карабахское, а в 1826 г.—Талишское ханства. Все они стали русскими провинциями³⁹. По Туркменчайскому договору (февраль 1828 г.), завершившему вторую русско-персидскую войну (1826—1828 гг.), к России перешли Ереванское и Нахичеванское ханства и Ордубадский уезд. Тем самым было завершено окончательное присоединение всех восточноармянских земель к России.

По рескрипту Николая I от 20 марта 1828 г., сразу же после заключения Туркменчайского договора,

³⁶ Об истории Карабахского ханства см.: *Адигезал-Бек*, указ. соч.; *Мирза-Джамаль-Джеванишир*, указ. соч.; *Раффи*. Меликства Хамсы, Вена, 1906, (на арм. яз.); *Мирза Пусуф Нерсесов Карабаги*, Тарих-и Сафи, — см.: Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГрузССР. фонд персидских рукописей, № 195, Баку, Архив Института истории АН АзССР, № 3935; *Ахмедбек Джаванишир*. О политическом существовании Карабахского ханства (с. 1747 по 1805 гг.), Баку, 1961.

³⁷ *Ноаннисян А. Р.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия; Ереван, 1947; *его же*: Иосиф Эмин. Ереван, 1945; *его же*: Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия, Ереван, 1958; «Присоединение Восточной Армении к России». Сборник документов, т. I (1801—1813), Ереван, 1972, т. II (1814—1830), Ереван, 1978.

³⁸ «Договоры России с Востоком, политические и торговые». Собрал и издал Т. Юзефович. СПб., 1869, с. 208—214.

³⁹ «История Азербайджана», т. II, Баку, 1960, с. 20.

из присоединенных к России Нахичеванского и Ереванского ханств была образована Армянская область. В область входили Ереванский и Нахичеванский уезды и Ордубадская область⁴⁰. По законопроекту 1840 г. в Закавказье было проведено новое административное деление: создана Грузино-Имеретинская губерния с центром в Тифлисе и Каспийская область с центром в Шемахе. Большая часть восточно-армянских территорий вошла в качестве уездов в указанную губернию, а некоторые, в том числе Карабах—в Каспийскую область⁴¹. Во второй половине 40-х годов XIX в., в силу новых административных изменений, в Закавказье были созданы губернии: Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская, а также Дербендская (располагавшаяся частично в Закавказье). Восточно-армянские территории в статусе отдельных уездов вошли в состав первых трех губерний⁴².

По новому положению от 9 декабря 1867 г. Закавказье было разделено на пять губерний: Кутаисскую, Тифлисскую, Ереванскую, Елизаветпольскую и Бакинскую. В Тифлисскую и Бакинскую губернии вошло по шесть уездов, а в Ереванскую, Елизаветпольскую и Кутаисскую губернии—по пять уездов⁴³. Часть территории Восточной Армении вошла в состав Ереванской губернии, другая часть—в Елизаветпольскую и Тифлисскую губернии. В Ереванскую губернию вошел и Нахичеванский уезд⁴⁴. Нагорный Карабах в основном вошел в Елизаветпольскую губернию.

Такое административно-территориальное деление, с незначительными изменениями, сохранялось до 1917 г.

⁴⁰ «Собрание актов, относящихся к истории образования армянского народа», т. I, М., 1833, с. 278.

⁴¹ «История армянского народа», т. V. Ереван, 1974, с. 209.

⁴² «Кавказский календарь на 1849 г.» Тифлис, 1848, с. 37—40.

⁴³ «Отчет по главному управлению наместника кавказского...», Тифлис, 1873, с. 49—50.

⁴⁴ «История армянского народа», т. VI. Ереван, 1981, с. 15—16 (на арм. яз.).

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ АРЦАХА-ХАЧЕНА (КАРАБАХА) В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД. Античные источники констатируют, что во времена армянских царей Арташеса и Зареха (II в. до н. э.), во всяком случае—во время Страбона (I в. до н. э.)⁴⁵ население Армении было одноязычным, т. е. армяноязычным; естественно, это относилось и к Арцаху/Орхистене (см. выше, прим. 12—15). В VIII в. н. э. Арцах был не только этнически армянской провинцией, но и имел свой окраинный арцахский диалект армянского языка, о чем свидетельствует один из толкователей Дионисия Фракийского Стефан Сюнеци⁴⁶. Следующее свидетельство принадлежит персидскому анонимному географу первых десятилетий XIII в., согласно которому население Хачена (т. е. Арцаха) «есть армянское («армани анд»)⁴⁷ (в существующем русском переводе отрывка допущена неточность—«там есть армяне»⁴⁸), грузины же «их царя называют тагавором» («тагавор» по-армянски—«царь»). Осведомленность грузин в этнополитической обстановке Хачена иллюстрируется сообщениями, содержащимися в «Истории и восхвалении венценосцев»⁴⁹. Побывавший в начале XV в. в Карабахе немец Ганс Шильтбергер отмечает, что область «лежит в Армении», а «армянские селения принуждены платить дань язычникам», т. е. мусульманским поработителям⁵⁰ (в новом издании отрывок о Карабахе изъят из текста)⁵¹. Учитывая

⁴⁵ *Страбон*, XI, XIV, 5.

⁴⁶ См. *Н. Адонц*. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Пг., 1915, с. 187.

⁴⁷ См.: ЛО ИВ АН СССР, рукопись А—253, л. 202 б.

⁴⁸ *Миклухо-Маклай Н. Д.* Указ. соч., с. 104—205.

⁴⁹ «Картлис Цховреба», т. II, с. 60—69, 77 (на груз. яз.).

⁵⁰ «Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг.». Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун, Одесса, 1866, с. 110.

⁵¹ *Иоган Шильтбергер*. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г., перевод со старонемецкого Ф. К. Бруна. Издание, редакция и примечания акад. АН Азерб. ССР З. М. Буниятова. Баку, 1984, с. 67.

этнополитическую и конфессиональную ситуации в Карабахе, ильханские правители признавали духовного предводителя армян Агванка (т. е. гандзасарского католикоса) и рекомендацию киликийских армянских царей, требуя, «чтобы гандзасарские армяне вилайета Агванк (Ագուան) признали его своим предводителем и главой и не выходили в отношении их религии за пределы его речей и поучений»⁵².

Этнический состав Карабаха не претерпел существенных изменений в последующие века. Чтобы представить тягости, выпавшие на долю армян Карабаха, достаточно обратиться к первоисточникам, констатирующим реальную цифру населения края к концу первой четверти XVIII века. По свидетельству католикоса Гандзасара Есаи Хасан-Джалалаянца (1702—1728 гг.), в области Кабала страны Ширванской обитал «армянский народ в большом числе, превышающем даже местное население, пришедший сюда из страны Карабахской»⁵³, однако и при такой интенсивности миграции Карабах оставался густонаселенным армянским краем. Поддерживая согласованные с Петром Великим военные действия Вахтанга VI, в 1722 г. сам католикос и мелики Карабаха, «собрав до 10000 отборных и вооруженных мужей, а с ними сонм священников и служителей наших, с великой пышностью и торжеством, считая армянское государство вновь восстановленным, мы двинулись и через три дня остановились близ города Гянджи в местности Чолак»⁵⁴.

В заявлении представителей армянского воинства в государственной Коллегии иностранных дел Рос-

⁵² «Персидские документы Матенадарана», I. Указы, вып. первый (XV—XVI вв.). Составил Папазян А. Д. Ереван, 1956, док. № 3, с. 248—249.

⁵³ Есаи Хасан-Джалалаян Краткая история страны Албанской (1702—1722 гг.). Баку, 1989, с. 24—25.

⁵⁴ Там же. с. 35. В русском переводе, подготовленном к печати З. М. Бунятовым, этот пассаж преднамеренно искажен, а именно: «зишханутюн хайоц» (государство армянское) заменено «албанским государством». Об этом см. ниже.

сни от 5 ноября 1724 г. говорится: «...По разглашении его императорского величества грамоты собралось из той же Карабахской провинции войска армянского всего до 40000 человек, из которых 30000 конницы и 10000 пехоты... А их всего армянского народу, военного и прочего, одной Карабахской провинции, которые желают притти под протекцию его императорского величества, будет со сто тысяч дворов, кроме другой армянской провинции, зовомой Капан»⁵⁵. О плотности армянского населения свидетельствует также послание карабахских меликов и католикоса Екатерине I от 1725 г., согласно которому в каждом из шести магалов (округов) Карабаха насчитывается 30, 40, 50 селений, в каждом селении—600, 500, 400, 200, 100 дворов⁵⁶. Это подтверждается и турецкими официальными источниками, в которых говорится, что население горных селений Карабаха—«из племени армян»⁵⁷. В записке Ираклия II от 1769 г. сказано: «Хамс (т. е. Карабах, имеюся в виду «пять меликов») составляет владение, и бо оных семь воеводских правлений, народ весь армянского закона, в том владении находится армянский патриарх»⁵⁸. Спустя несколько лет (1783) Г. А. Потемкин в своем рапорте Екатерине II сообщает: «Не имея еще повеления в. и в., я дал резолюцию ген.-пор. Потемкину об Ибрагим-хане Шущинском, сближающую его к повиновению. Тут предложит рассмотрению, чтобы при удобном случае область его, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному и чрез то возобновить в Азии христианское государство, сходственное

⁵⁵ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в., т. II, ч. II, Ереван, 1967, с. 204—205.

⁵⁶ Там же, док. № 315, с. 249.

⁵⁷ «Османские законы Западной Армении» (свод законов XVI—XVII вв.). Ереван, 1964, с. 120 (на арм. яз.).

⁵⁸ «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии», т. I, с. 1768 по 1774 гг., под ред. А. А. Цагарели. СПб., 1891, док. 198, с. 434.

высочайшим в. и. в. обещаниям, данным через меня армянским меликам»⁵⁹.

В указе Павла I от 1797 г. обозначена численность армянского населения двух меликств области— 11 тысяч семей⁶⁰. Спустя семь лет, в рапорте своему императору от 30 декабря 1804 г., кн. Цицианов констатировал, что «сей старец 80-летний, т. е. Ибрагим-хан, имел до той эпохи до 60.000 домов одних карабахских армян, управляемых пятью знатнейшими меликами, из коих иные, как думаю, по глупости ведут свои начала от царей древней Армении; теперь же не более 4 т. домов, прочие у Шемахинского и Шекинского ханов, также и в Грузии»⁶¹. Это значит, что во второй половине XVIII в. в Карабахе проживало свыше 300.000 «одних карабахских армян», т. е. почти в два раза больше, чем ныне.

Итак, за восемь десятилетий, вследствие турецко-иранских войн и особенно антихристианской политики Ибрагим-хана, количество коренного армянского населения Карабаха сократилось в 10 раз. Поэтому в камеральном описании 1823 г. Карабаха оно насчитывало 5.107 дворов⁶². Разница же между числами дворов в рапорте Цицианова и камерального описания вызвана фактом возвращения отдельных меликов и их подданных из Грузии в Карабах после убийства Ибрагим-хана в 1806 г. Мы располагаем текстами писем и прошений меликов, выражающих их готовность вернуться в родные края⁶³. Что же касается существа

⁵⁹ ЦГВИА, ф. 52, оп. 2, д. 32, л. 1, об. Подлинник.

⁶⁰ «Полное собр. законов Российской империи», т. XXIV, с. 761, № 18189.

⁶¹ «Акты», т. 2, с. 623.

⁶² «Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г. действительным статским советником Могилевским и полковником Ермоловым 2-ым». Тифлис, 1866 (без пагинации).

⁶³ Подборку документальных первоисточников по указанному вопросу см. в статье А. Д. Ерицова «Карабахские мелики в Грузии с 1800 по 1807 год». — Кавказская старина, Тифлис, 1872, № 2, с. 34—45.

причин их вынужденной миграции, то оно довольно точно описано в письме Ираклия II Потемкину П. С. от 2 ноября 1786 г. и в письме Иосифа Аргутинского Зубову П. А. от 1793 г. В первом из них мы читаем: «...приехал хемсинский армянин из России, тож самой армянин привозил к хемсинским меликам письма... О сем уведомляя Ибрагим хан крайне был разсержен и отнял меликство у мелика Апова, после сего и на нас негодовать, а по сим причинам и от российского правительства»⁶⁴. Характеристику, данную Ираклием, продолжает И. Аргутинский: «...Мелики и народ карабагский по открытии сношения их с российским начальником, подпали жесточайшему мщению, смерть и изгнание из отечества и вечная неволя были легкими наказаниями. Оставшиеся мелики и все карабагские жители, претерпевая поныне разорения и прежестокные гонения, поставляют однако долгом верность е. и. в. и, посвятя свою жизнь, молят единогласно о высокомонаршем заступлении и через меня яко в делах их духовного посредственника, всеподданнейше просят исполнить последнее желание их»⁶⁵.

И, наконец, материальным подтверждением сказанного является наличие на этой территории свыше 1000 армянских надписей и сотен христианских культовых сооружений. В области нет ни одного мусульманского средневекового культового сооружения, ни одной древней и средневековой надписи на неармянском языке. Лишь со второй половины XVIII в., при Панах-хане и Ибрагим-хане в Шуше поселилось большое количество мусульман-кочевников⁶⁶. Не слу-

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 4, л. 253; см.: «Советский Карабах», 23 июля 1989 г., с. 4.

⁶⁵ АВПР, ф. СРА, д. 464; ср. «Советский Карабах», 23 июля 1989 г., с. 4.

⁶⁶ В XI—XIII вв. в Передней Азии и Восточном Закавказье стали появляться тюркоязычные племена. В дальнейшем в Восточном Закавказье и северо-западных районах Ирана произошло формирование нового этноса, народности, впоследствии (с начала XX века) названной азербайджанской. См. акад. Бартольд В. В. Сочинения, т. II, ч. I. Москва, 1963, с. 703; Худадов В.

чайно, что даже при высокой рождаемости среди мусульман к началу нашего столетия они составляли не более 5% населения края.

Таким образом, край вошел в состав России фактически лишенным значительной части своего населения. Это побуждало русских правителей Кавказа заботиться о «заселении лежащих впусте на границе нашей земель народом покорным, трудолюбивым и преданным нам по вере». Такая возможность представилась по окончании русско-персидской войны 1827—1828 гг. В инструкции ген. Паскевича от 26 февраля 1828 г. на имя Л. Лазарева (№ 275) указывалось: «13. Вообще соглашать христиан, дабы они следовали в Нахичеванскую и Эриванскую области, где предлагается увеличить, сколько можно, народонаселение христианами. Впрочем, жителям деревни Узумчи и 3-х близ ее находящихся армянских селений позволить следовать в Карабах, так как сия провинция к ним ближе»⁶⁷. Об этом же говорилось в повелении генерала от 24 апреля того же года (№ 826)⁶⁸.

В рапортах проп. Туманова от 24 и 25 августа 1828 г. на имя исполняющего должности карабахского коменданта Калачевского указывается на крайне тяжелое состояние переселенцев в Карабах: «При сем имею честь доложить вашему благородию, что переселенцы находятся в таком положении, что умерших тела совершенно некому зарыть в земли, кажди день умирают по двадцети»⁶⁹.

Согласно 17-му пункту инструкции Паскевича, попечение над переселенцами в Карабах возлагалось

Современный Азербайджан. — Новый Восток, № 3, М., 1923, с. 167 и прод.; Алекперов А. К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. Баку, 1960, с. 71—77; ср. Саркисян Г. Х., Мурадян П. М. «Буниятовщина» не видно конца. — «Вестник общественных наук АН АрмССР», 1988, № 5, с. 43—44.

⁶⁷ Глинка С. Описание переселения..., с. 103.

⁶⁸ Там же, с. 127.

⁶⁹ «Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в.», ч. I, М.—Л., 1936, с. 201. (Правописание оригинала сохранено).

на военно-окружного начальника—князя Абхазова⁷⁰, соображения князя, однако, расходились с предписаниями, что привело в результате к массовой гибели переселенцев. В «Записке» неизвестного автора о Карабахе, составленной между 1829 и 1831 гг., читаем: «10. В начале 1828 г. разновременно по воле г. главнокомандующего прибыло в Карабахскую провинцию 750 семей армян и греков, вышедших из Персии на основании трактата, заключенного в Туркменчае.

Кн. Абхазов мнением положил и по оному сих людей поселил на развалинах древнего столичного города Армении, известной по летописям по именем Барда. Для прописания переселенцев вместо хорошей пшеницы велел отпускать им из ах-огланских провинтских запасов испорченную ржаную муку, от приемки которой по совершенной ее негодности отказались все войска. Между переселенцами скоро появилась поветренная или особая какая-то болезнь, от коей они ужаснейшим образом умирали, а к ним не только не были посланы медики даже для освидетельствования и узнания рода болезни, но даже о повальном мору их не было донесено, как о происшествии чрезвычайном, вышнему начальству. Из числа несчастных переселенцев ныне стало не с большим 100 семейств; однако ж, как совершенно известно, всех переселенцев без всякого исключения по ведомостям майор Калачевский показывал с сентября месяца 1828 г. всех наличностью, без всякой убыли, и что им производилась в выдачу податная пшеница с Карабагской провинции и денежные пособия на великую сумму. Тела умерших переселенцев погребали по 20 и более одну яму, но если, паче чаяния, между ними была чума, то как тела погребены без извести, вскоре зараза опять может открыться и распространяться по всему здешнему краю»⁷¹.

Достоверность этого сообщения подтверждается «Запиской Зубарева о Карабахской провинции» (пред-

⁷⁰ Глинка С. Описание переселения..., с. 106.

⁷¹ «Колониальная политика...». с. 204.

ставлена гр. Паскевичу при рапорте от 20-го апреля 1830 г.): «...В доказательство бедственного положения переселенцев в Карабаге, приведу следующее: марагинские армяне, по распоряжению местного начальства, водворены были сначала в старинном, ныне разрушенном, городе Берда. Место сие, находясь на равнине, близ берега Куры летом подвержено сильному зною солнечному, а водящиеся в лесах разные ядовитые насекомые делают сие место жилищем смерти. Марагинцы, приобывшие к холодному, здоровому климату, не могли сносить палящего зноя солнечного и подвергались болезням. Тщетно старшина селения умолял военно-окружного начальника дозволить им переселиться в горы, мольбы его оставались без последствий. Не имея воды, ни же пищи, живя под открытым небом и подвергаясь палящему зною, злополучные армяне сдывались добычею смерти. В течение трех месяцев погибло из числа их 1.012 душ обоого пола. К довершению их бедствия окрестных кочевьев татары, пользуясь их болезнью, ограбили все их имущество и рогатый скот. Тщетно армяне зывали к правосудию, их удовлетворяли одними побоями»⁷².

В 1914 г. Карабахская епархия армянской церкви имела 222 действующие церкви, 188 священнослужителей, 206768 прихожан, 224 армянских селения⁷³.

⁷² «Акты», т. VII, с. 461. Разглагольствующий о торжественном установлении мраморного обелиска в честь 150-летия переселения «первых двухсот армянских семей из Мараги», автор статьи «Почему Сумгаит?» З. М. Бунятов либо не знает о существовании приводимых документов, либо преднамеренно обходит их молчанием. В пользу «концептуальности» этого молчания свидетельствует неоднократное повторение тезиса в разных публикациях названного автора (ср. *Есан Хасан-Джалалян*, Краткая история страны Албанской», Баку, 1989, с. 3).

О переселении армян из Ирана см. *Дарбинян Г.* Переселение персидских армян и их поселение (1828—1829 гг.). — ВОН АН АрмССР, 1973, № 8, с. 12—22 (на арм. яз.); *Мелик-Саркисян Р. А.* Переселение армян из Персии в Восточную Армению в 1828—1829 гг. — Вестник ЕГУ, 1979, № 3, с. 42—45.

⁷³ Журн. «Арагат», 1914, с. 637.

Если учесть неоднократные нашествия и истребленные армяны персами, тюрками, упоминаемую персидским источником «всеобщую резню» населения Хачена при атабеке Узбеке, переселение карабахских армян в Ширван, Лори, Шамшадин и Кахети (Телави), резню 1905/6 гг. в городе Шуше и окрестных селах⁷³, то станет понятным, какие невзгоды вынес этот край и что приверженность карабахских армян к родной земле незыблема.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАГОРНОГО КАРАБАХА. На территории области в 4,4 тыс. км² имеется свыше 1600 памятников истории и архитектуры—крепостей, монастырских комплексов, церквей и часовен, мостов и каравансараев, поселений и дворцов (амаратов), древних кладбищ, мемориалов, хачкаров (крестных камней) и т. д.⁷⁴. Основная масса

⁷³ События 1905—1906 гг. достаточно обстоятельно описаны Андраником Челепчином (см. «Гракан терт», 9 февраля 1990 г.). Следует отметить, что в способах организации погромов и резни удивительно много общего между событиями начала века и 1989—1990 гг., с той лишь разницей, что в 1905—1906 гг. государственными учреждениями не составлялись и не передавались в руки погромщиков списки проживавших в городах Азербайджана армян. По свидетельству русской женщины, учительницы-беженки из Баку, «экстремисты прекрасно организованы, чего не скажешь о местных властях. В конце прошлого года (т. е. 1989-го —П. М.) жилищные конторы по всему городу потребовали всех заполнить анкеты, якобы для получения талонов на продукты. В анкетах нужно было указать и национальность. Когда начались погромы, в руках экстремистов оказались точные адреса: где живут армяне, где русские, где смешанные семьи и т. д. Это была продуманная националистическая акция» (см. «Учительская газета» № 5, январь 1990 г.; ср. «Коммунист», 8 февраля 1990 г., с. 4).

⁷⁴ Их описание см. *Мкртчян Ш. М.* Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван 1988; *Дадян Х.* Краткое описание монастырей Арцахской (Карабахской) епархии — Арабат, 1896, с. 43—45, 233—234 (на арм. яз.); ср. *Плузга*

памятников—христианские культовые сооружения, созданные многими поколениями жителей края. Хронологически они представляют все этапы средневековой истории, охватывая период от принятия христианства в IV в. до XIX в.

К началу V в. монастырь Амарас стал не только духовным центром Арцаха—епископской кафедрой епархии, но и одной из первых армянских школ, основанной самим создателем армянской письменности Месропом Маштоцем. Функционировавшие в рамках епархии монастыри и пустыни (Амарас, Гандзасар, Хорека, Мец-Аранц, Ериц Манканц, Ктиша, св. Аствацацин, Аменапркич, св. Григорий Просветитель, св. Иакова, Кусанац, Егиша, Кошик, Шахках и т. д.) со временем превратились в крупные очаги армянской книжности, скриптории и хранилища рукописей. В ереванском Матенадаране и в других армянских собраниях (Венеция, Вена, Н. Джуга) хранится несколько сот рукописей, созданных или скопированных в арцахских скрипториях. В лапидарной армянской надписи Хатраванка от 1204 г. говорится о сооружении специального помещения для библиотеки-матенадарана. В истории армянского искусства арцахская школа средневековой миниатюры и стенной живописи занимает одно из ведущих мест⁷⁴.

Этнокультурная принадлежность памятников материальной культуры определяется не только самим этническим составом края в древности и ныне, но и по сообщениям повествовательных первоисточников. М. Область Джраберд края Арцахского. — Арагат, 1871, с. 43; 435; Арутюнян В. Облицованная... история. — газ. «Советакан Айастан»; 31 мая 1988 г (на арм яз.); Documenti di architettura Armena. 19. Garabach, Milano, 1988; Patri h Donatedian, Claude Mutaftal. Le Karabagh, Paris, 1989.

⁷⁴ а О собраниях рукописей арцахских монастырей см. М. Смбалянц. Описание Шемахинской епархии, Тифл., 1902; ср. «Эчмиадзин», 1970, № 1, с. 35—48, № 12, с. 52—53, 1971, № 9, с. 54—55; Воскян А. Монастыри Арцаха, Вена, 1949; О. С. Еганян. Собрание армянских рукописей Гандзасара, «Эчмиадзин», 1971, № 4, с. 59—62; Гравард Акопян. Миниатюра Арцаха-Утика XIII—XIV вв., Ереван, 1989.

колофонов составленных или переписанных в местных скрипториях рукописей, по сотням надписей. На стенах одного только Гандзасарского монастыря сохранились 182 надписи исключительно на армянском языке⁷⁵. Памятники христианской культовой архитектуры, в частности такие, как Гандзасар, Амарас, Дадиванк, Акобаванк, Гтчаванк, церкви Казанчеоц, Вачагани, Охтадрин и др. представляют особую арцахскую школу армянской архитектуры и являются памятниками всесоюзного значения. Как ни странно, из 1600 памятников до последнего времени официальной регистрации статуса охраняемых государством удостоились лишь 64, остальные же, в том числе и монастырь Амарас (IV в.), были брошены на произвол судьбы, чем, кстати, и пользовались некоторые археологи, кладовискатели и ревнители мусульманской старины, беспринципно разрушавшие, а порой «исследовавшие» посредством взрывчатки. В путеводителях и туристических картах в основном указываются памятники конца XVIII—XIX вв., т. е. того периода, когда в крае впервые появляются мечети и дворцы ханов (Шуша). Пропаганда вековых армянских памятников, их компетентная реставрация мало занимают республиканские партийные и государственные органы. Поэтому за последние десятилетия уничтожены десятки древних поселений, кладбищ, мемориалов, хачкаров, надписей и т. д.⁷⁶. Зачастую они превращены в место до-

⁷⁵ Документированное издание памятников эпиграфики см. «Свод армянских надписей», вып. V, Арцах. Составил Бархударян С. Г. Ереван, 1982.

⁷⁶ В 1970-е гг. близ райцентра Физули было обнаружено примечательное культовое сооружение (армянская церковь), которое впоследствии «исчезло», как исчезла и выявленная в нем церковная утварь (см. Роберт Атаян. «Хоронили... церковь», газ. «Советакан Айастан», 14 июня 1988 г.). Одной из наиболее традиционных форм уничтожения армянских памятников материальной культуры в азербайджанской среде является вторичное использование камней культовых сооружений в качестве строительного материала. Так поступили, в частности, с хачкарами Джугинского армянского кладбища и при строительстве цокольного эта-

бычи камня для индивидуальных домов, клубов, магазинов в азербайджанских селах. Барельефы церкви Казанчеоц служили мишенями для любителей стрельбы. Разрушена трехнефная базиличная церковь Агулеоц, церковь Мегреоц наполовину разобрана и превращена в летний кинотеатр, а церковь «Каначжам» подвергнута грубой перестройке и обращена в галерею и т. д.⁷⁷

Совершенно справедлива характеристика народного депутата из Нагорного Карабаха Б. В. Дадамя-

жа Дома правительства в Баку (см. Грета Кахраманова, «Семь дней в Баку». — «Советский Карабах», 26 декабря 1989 г., № 295). Однако даже после этого в Джугинском армянском кладбище сохранилось около 3000 хачкаров, в большинстве снабженных датами и поминальными надписями (см. С. Сагумян. В. Арутюнян, Надписи из Старой Джульфы. — «Вестник общ. наук», 1983, № 12, с. 42—61). Их уничтожением занялись в декабре 1989 г. и январе 1990 г. Вот свидетельство спец. корреспондента «Огонька» М. Корчагина: «Когда я был на Джульфинском кладбище, то видел армянские и русские могилы, оскверненные в день ломки системы (государственной границы—П. М.). Какое отношение к движению (Народного фронта Азербайджана—П. М.) «Граница» имел и этот прах усопших? Кто эти люди?» («Огонек», 1990, № 4, с. 5). В конце 1989 г. в Шуше побывал другой корреспондент того же журнала—Вл. Иванидзе. В его записях читаем: «По дороге (из вертолетной площадки в центр города—П. М.) я попросил их (т. е. летевших вместе с журналистом азербайджанцев—П. М.) показать армянское кладбище, и открылась мрачная картина. Вандалы основательно поработали кувалдами и, кажется, не обошли стороной ни один памятник. Каменные стелы и кресты (хачкары) беспорядочно валялись рядом с могилами. И такое можно наблюдать не только в Шуше» (там же, с. 27). Ревнителями ислама так исполняется заповедь Корана: *«не тревожь дух усопших...»*

⁷⁷ О плачевном состоянии памятников армянской материнской культуры на территории Азербайджанской ССР писал еще народный художник СССР Мартирос Сарьян, тщетно пытавшийся обратить на них внимание руководства Азербайджана (см. Цент. гос. архив Октябрьской революции и соц. строительства АрмССР, ф. 892, оп. 1, д. 461, л. 53—55).

на, данная на первом Съезде народных депутатов СССР: «История Армении» была изгнана из армянских школ. Уничтожались и осквернялись древнейшие памятники армянской культуры и зодчества—эти каменные свидетельства принадлежности нашей земли нашему народу. Даже древние армянские хачкары—это камни-кресты—объявлялись памятниками предков-азербайджанцев. Дело дошло до того, что армянам стали доказывать, что они вовсе и не армяне, а арменизированные албанцы. Цель подобной историко-идеологической агрессии одна—доказать, что армяне пришлые, чужаки на этой земле»⁷⁸.

Поддерживая и развивая культурную экспансию «албанофилов», правительство Азербайджанской ССР в своем постановлении № 145 от 27 апреля 1988 г. квалифицировало десятки армянских памятников как «албанские», лишив их реальной этно-культурной атрибуции. В этой связи характерна реплика, опубликованная под названием «Безымянные памятники или сошедшие с Марса монастыри и упавшие с неба хачкары»⁷⁹.

Как ни парадоксально, в представлении азербайджанских специалистов это и является «торжеством ленинской национальной политики» в рамках Азербайджанской ССР⁸⁰.

К чему ведет такая тенденция, ясно видно на примере судьбы армянских исторических памятников Нахичеванской АССР, где уже практически нет армянского населения. В период с 1930 по 1978 годы на территории Нахичеванской АССР было разрушено до 30 памятников, в том числе 19 церквей, 3 храма, 2 церковных притвора, колокольня, три старинных кладбища и пр.

⁷⁸ «Известия», 8 июня 1989 г. (№ 159).

⁷⁹ «Советский Карабах», 8 июля 1988 г.

⁸⁰ См. кн. «Советский Нагорный Карабах», под редакцией академика П. А. Азизбековой. Баку, 1983 (на аз. яз).

АРМЯНЕ ПЕРЕД СУДОМ УЧЕНЫХ АЗЕРБАЙДЖАНА

Серия «материалов самиздата», выпускаемая радиостанцией «Свобода» под рубрикой «Архив самиздата», пополнилась новым и на редкость оригинальным исследованием—«подборкой материалов азербайджанских авторов по проблеме Нагорного Карабаха», состоящей из трех частей: 1) *Иггар Алиев*, директор Института истории АН АзССР. «Справка (в связи с событиями в НКАО)», июнь 1988; 2) *Б. М. Вагабзаде*, народный поэт, член-корр. АН АзССР; *С. С. Алияров*, доктор ист. наук. «К «истокам» событий в Карабахе», 1988; 3) *8 азербайджанских профессоров и доцентов*. «Голос истории и разума», июнь 1988 (МС 6285).

Согласно аннотации сотрудников Архива самиздата (далее—АС), в полученной для издания копии трактата «Голос истории и разума» имелись факсимильные подписи авторов—проф. проф. Халафов М. С., Алескеров М. Н, Гусейнов Ф. Г., Гусейнов О. Э., Мамедли А. Д., Кулиев Р. И., преп. Мовсумов М. А. Редакция предполагает, что перечисленные авторы «являются сотрудниками юрид. факультета Азербайджанского гос. университета, часть из них подписала АС № 6277».

Авторы-юристы, видимо, уверены, что в период гласности и демократизации нет криминала обогатить АС радиостанции «Свобода» коллективным сочинением, но вот как они слышат «Голос истории и разума» и как его преподносят читателям и слушателям—это их не занимает, ибо «цель оправдывает средства».

Трактат посвящен характеристике армян в этническом, этнополитическом, этнокультурном, этно-

географическом, психологическом, моральном и историческом плане. Коллектив авторов и немалое количество их безымянных сотрудников из круга единомышленников просмотрели, прочитали и перечитали, проштудировали множество источников и литературы на разных доступных и недоступных языках и, выписав огромное число оторванных от подлинного контекста цитат и изречений, составили компедиум отрицательной характеристики армян. С помощью собственных комментариев и специфических толкований они заключили, что «люди, ради общего блага на земле, должны иметь ясное представление, знать и запомнить навсегда, что им (т. е. армянам) не ведомо чувство дружбы, что жить по соседству с ними просто невозможно, они неблагородны и неблагодарны: сделавших им хорошее наверняка настигнет нож в спину. Вот они какие!» (с. 1). Армяне, эти недруги азербайджанцев, оказывается, «остались такими же, но стали более коварными» (там же). «Вообще, характерных черт у армян хоть отбавляй: значительная склонность к торговле, ростовщичеству и вообще, ненасытному стяжательству, заносчивость, жестокость по отношению к слабейшим и рабское низкопоклонство перед сильным, наконец, удивительная феноменальная способность к саморекламе и ненасытное тщеславие» (с. 7). «Их происхождение сомнительно и мало выяснено», «с антропологической точки зрения армяне в большинстве крайние брахидцефалы, т. е. короткоголовые», они сходны «с горскими евреями и сирохалдеями-айсорами», «с евреями допалестинского периода» (с. 2), часть из них—«чистокровные курды», часть происходит «от горских и тюркских племен». «Персы, азербайджанцы, турки, грузины и горцы, очевидно, не церемонились с армянками, не имевшими способов гордой самозащиты» (с. 3). Да какая самозащита, когда еще «Ф. Энгельс подчеркивал, что женщины «гнеродулы в Армении... были первыми проститутками. При таких условиях ясно, что в жилах у армян течет всякая кровь» (с. 3—4). Армяне—трусы, и если оказываются среди них храбрые люди, то «ясно, что в них говорит кровь других народов» (с. 4).

«Притворство, хитрость, торгашество, измена—свойства армян» (там же), а вот иное дело турецкая народная масса, в лице которой К. Маркс видит «безусловно одного из наиболее дельных и нравственных представителей крестьянства в Европе» (с. 6—7). Армяне Закавказья—«пришельцы, полудикие беженцы, незванные гости» (с. 3), чувства чести, порядочности и родины им не понятны. На творчество они не способны, поэтому «у армян нет и не было за все время их существования сколько-нибудь сильного поэтического произведения» (с. 24). Известные в истории или истории культуры армяне—самозванцы и разбойники (царь Арташес и Тигран), кровожадные злодеи (Андраник), люди с низкими моральными качествами (А. Микоян), недобитые дашнаки (З. Балаян), матерые националисты (С. Капутикян), озверевшие, подлые провокаторы и т. д. (с. 1).

Добропорядочный и наивный читатель может спросить: «А не встречали ли авторы-хулители со званием профессора и доцента каких-либо положительных, если не сказать восхищенных, отзывов об армянском народе в доступной им литературе»? Конечно, встречали, но они не то искали, а главное—«по заслугам» досталось и тем неармянам, которые на армян, их историю и культуру смотрели не с азербайджанской точки зрения—они были «наемниками армян» (с. 23). Так, академик Н. Я. Марр, как выясняется, «не упускал случая урвать что-нибудь от грузин в пользу армян... По мнению Н. Марра, если существуют какие-либо зачатки культуры в Грузии, то чуть ли не по милости армян» (с. 24). Однако, «как ни старались более усердные, но менее даровитые литературные птенцы, вроде Юрия Веселовского, дальше лепета они не идут, потому что как ни усердствуй, а из ничего только и получится ничего» (там же). Надо радоваться, что почтенные служители Азуниверситета не знали о существовании В. Брюсова, А. Барбюса, И. Лепснуса, И. Маркварта, Ф. Нансена, И. Стржиговского, Ив. Джавахишвили, К. Кекелидзе и многих-многих других и их наследия, иначе и они стали бы «литературными птенцами», притом «менее даро-

витыми». Оригинален не только принцип отбора свидетелей, но и выбор авторитетов. Общеизвестный черносотенец и отъявленный монархист В. Л. Величко, редактор газеты «Кавказ» в конце прошлого столетия, в трактате азербайджанских ученых цитируется *шесть раз* (с. 2, 3, 5, 7, 22, 23), причем квалифицируется как «известный русский дореволюционный исследователь, большой знаток Кавказа» (с. 2). А вот характеристика Величко, данная его современниками: в журнале «Лума» он назван «хулиганом» (1905 г., № 4, с. 101—103), «ненавидящим армянский народ», «потерявшим свою совесть», человеком «печальной памяти» (1905, № 2, с. 158), «арменофобом, поносящим армянский народ» (1907, № 1—2, с. 72, 76—78). По оценке А. Амфитеатрова, «В. Л. Величко—пресловутый публицист-арменофоб», проливающий «крокодиловые слезы», дабы спровоцировать «племя на племя, расы на расу», но армяне и грузины этому не поддались. «Гораздо более данных к тому представила народность низшей культуры—и, к тому же, мусульманская,—татары...» (А. Амфитеатров, Армянский вопрос, с. 24—25). Мотивы ненависти В. Величко к армянам определены и освидетельствованы грузинским поэтом и общественным деятелем И. Чавчавадзе (авторы трактата его знают) и академиком Е. С. Такайшвили, посетившими Величко в его квартире. По их заключению, пока армянская буржуазия давала этому журналисту деньги взаймы, он хвалил их, а как только отказала ему, стал хулить армян (см. Е. Такайшвили, Избранные труды, т. I. Тбилиси, 1968, с. 271). Так вот, цитаты из сочинений этого шовиниста служат рефреном для характеристики армян в рассматриваемом трактате (кстати, полный свод антиармянских выступлений Величко можно найти в азербайджанском Академическом журнале «Хабарлар», 1988, № 3). Такова мораль авторов трактата «Голос истории и разума», если, конечно, какая-то мораль тут присутствует. Не лиха беда, что ученые из Баку попали под влияние монархиста и оказались пленцами журналиста-армянофоба, однако больно сознавать, что методы исследований журналиста прошлого века и профессоров-

доцентов наших дней оказались совершенно идентичными. Речь прежде всего идет о способе выбора доказательств. Вот несколько примеров, говоря словами С.—С. Орбелиани, «мудрости вымысла»:

1. Говоря о гетеризме как пережитке группового брака в эпоху моногамной семьи, Ф. Энгельс отмечает, что «отдаваться за деньги было первоначально религиозным актом; это происходило в храме богини любви, и деньги шли в первое время в сокровищницу храма. Гиеродулы Анаитис в Армении, Афродиты в Коринфе, а также состоящие при храмах религиозные танцовщицы Индии, так называемые баядерки (...), были первыми проститутками. Отдаваться посторонним мужчинам—первоначально обязанность каждой женщины—стало впоследствии уделом только этих жриц, как бы замещавших всех остальных. У других народов гетеризм ведет свое происхождение от представлявшейся девушкам до брака половой свободы и, следовательно, также является пережитком группового брака, только дошедшим до нас другим путем» (Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980, с. 74). Представителям образовавшегося в XX веке народа, тогда же получившем свое этническое название, видимо, непонятен процесс сложения моногамной семьи, т. е. процесс сложения общечеловеческой цивилизации. Суть определения Ф. Энгельса заключается в том, что в культах древнейших народов (армян, греков, индусов) прослеживаются этапы развития семьи; эти народы намного раньше других вышли из стадии группового брака и вступили на путь моногамного развития. Следовательно, если армян можно в чем-то упрекать, то в том, что они этот переход совершили еще в эпоху Анаитис и Афродиты. Видимо, авторы азербайджанского трактата не постигли, либо сознательно исказили идею Ф. Энгельса, дабы иметь возможность обосновать свою теорию о проституции высказыванием классика марксизма ... Не исключено, что восемь ученых не смогли разобраться в одном древнегреческом термине «гиеродулы»—рабы и рабыни, принадлежащие храмам. Кстати, культ Анаитис (Анаит, Анахита)

почитался не только в Армении, но и в Малой Азии, Персии, Греции и т. д. Таким образом, рассуждения профессоров и доцентов Бакгосуниверситета о «всякой крови в жилах армян» и об «отсутствии гордой самозащиты армянок» являются результатом элементарного невежества в общечеловеческой истории.

2. В поисках отрицательных характеристик армян авторы «Голоса истории и разума» добрались до Тацита и цитируют его: «Этот искони двуличный народ, как по характеру, так и по положению, т. е. беспрестанно разрывается ненавистью к римлянам и завистью к парфянам» (Анналы, II, 56). Мало-мальски приобщенный к исторической науке исследователь стал бы интересоваться побуждениями историка при характеристике, его мировоззрением. Тацит является апологетом римской экспансии и «относится более или менее дружелюбно к тем покоренным народам, верхушка которых охотно романизируется. Население восточной половины империи, где господствовала греческая или иные культуры, не пользуются симпатиями Тацита. Даже о греках, цивилизаторское значение которых он не может отрицать, он высказывается неохотно и преимущественно в отрицательном плане» (см. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах, т. II, Л., 1970, с. 231—232). Греки для него «ленивы и распущенны» (История, III, 47), арабы—недисциплинированы (Анналы, XII, 14), египтяне—суеверны (История, IV, 81), иудеи—«держатся на нечисти», «ко всем прочим людям относятся враждебно и с ненавистью» (История, V, 5) и т. д. Естественно было заключить, что историк хулит армян I и II столетия н. э. именно потому, что они не поддаются романизации, отстаивают свою политическую независимость. Достаточно было проявить минимальную добропорядочность при цитировании слов историка, и все было бы понятно, авторы же трактата взяли да и выкинули из текста целое предложение. Вот подлинные слова Тацита (вычеркнутый из текста отрывок подчеркнут): «Этот народ испокон века был ненадежен и вследствие своего душевного склада, и вследствие занимаемого им положения, так как земли его, гранича на большом

протяжении с нашими провинциями, глубоко вклиниваются во владения мидян; находясь между могущественными державами, армяне по этой причине часто вступают с ними в раздоры, ненавидя римлян и завидуя парфянам» (Анналы, II, 56). Если будет дозволено так безжалостно манипулировать первоисточником, то можно делать какие угодно заключения.

3. Неосведомленность в проблемах истории, географии и культуры Древнего и средневекового мира позволяет авторам «Голоса» делать ряд весьма оригинальных наблюдений, особенно из истории Кавказской Албании. До сих пор мы все наивно верили в сообщения греческих, латинских, армянских и иных летописцев (Страбон, Клавдий Птолемей, Плутарх, Дион Кассий, Хоренаци, Бузанд, Ширакаци...), согласно которым албанские племена жили на левобережье Куры, состояли из 26 племен, говорили на родственных кавказских языках и наречиях. Теперь, после публикации «Архива самиздата», выясняется, что албаны были «тюркскими племенами» (с. 17) и жили они на всей территории Закавказья, поэтому «Армяне, проживающие в Азербайджане, как и в Закавказье в целом, частью являются аборигенами, *потомками древних албан, сохранивших христианскую веру*, в значительной части—беженцами из Турции и Ирана» (с. 13). То, что прародина тюркских народов из Орхоно-Енисея перемещается в Закавказье, можем отнести в разряд плохого знания школьной географии, то, что одно из албанских племен—удины, сохранились (Нидж, Варташен) и их язык родственен языкам Дагестана, сочтем за подробность, которой профессора и доценты не стали интересоваться, но как быть с городами-столицами Восточной Армении—Армавиром, Арташатом, Ани, Двином и другими? Считать их албанскими?! Куда деть многотысячные армянские памятники материальной культуры, в большинстве снабженные армянскими же надписями? Как нам быть, если не с живым народом, то хотя бы со сведениями персидских, арабских, сирийских, греческих, латинских, грузинских, славянских, турецких источников? Быть может, их теперь нужно аннулировать, но

авторы-юристы, должно быть, знают, что закон не имеет обратной силы! О государственной мощи и географии ареала албанов-турок ученые из Баку судят по двум веским фактам. Со ссылкой на монографию акад. Г. А. Меликишвили они утверждают, что «в I—III вв. Албания во всех отношениях была мощнее своих соседей» (с. 18—19), и тут же указываются страницы работы грузинского ученого (Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, с. 341, 353). Открываєте указанные страницы и оказываетесь перед невероятным фактом—там говорится совершенно обратное. Вот эти пассажи: «Все это делает несомненным предположение, что Албания в эту эпоху (т. е. в I в. н. э.—П. М.) находилась под политическим влиянием соседней Иберии, если не в прямой зависимости от нее» (ук. соч., с. 341). На второй указанной в АС странице Албания вообще не упоминается, относительно же Грузии сказано следующее: «В первой половине II в., очевидно, происходит дальнейшее укрепление Картлийского царства. Судя по ее внешнеполитическим успехам, это есть период наивысшего могущества раннерабовладельческой Картли. Особенно могущественной кажется Картли при Фармане II (30—50-ые годы II в.)». Как выясняется, ученые из Баку не только фантазируют, но и сознательно вводят в заблуждение своих азиатских и европейских читателей. Не менее любопытен второй аргумент: обличая руководство Армянской ССР «в ловком обмане общественности страны» фактом празднования 2750-летия основания Еревана, авторы «Голоса» поведали, что первым на территории будущего Еревана в 1407/8 г. поселился «любимец Тимура купец Ходжахан Лехичани... Позже, в 915 по хиджре (1509/10 гг.) азербайджанский государь шах Исмаил Хатаи приказал своему визирю Реван-хану построить в этом месте крепость. Тот за семь лет воздвиг на восточном берегу реки Занги крепость и назвал ее своим именем—Реван, т. е. городом она стала в XVI веке, при шахе Исмаиле» (с. 25). Достоверностью всего этого служит ссылка на VII том сочинений академика В. В. Бартольда (М., 1971, с. 212—213). В обзорной статье ака-

демик В. В. Бартольд действительно говорит о возникновении селения при Тимуре и превращении его в город при шахе Исмаиле, издатели же тома его сочинений Е. В. Зеймаль и В. А. Лившиц, добросовестно воспроизводя текст ученого, снабжают эту страницу примечанием, в котором приводятся литература и источники, указывающие основание города-крепости в урартский период. Вполне допустимо, что авторы «Голоса» не знали о существовании в отличной сохранности строительной надписи урартского царя Аргишти, рассказывающей об основании Эребуни-Еревана (издана и переведена неоднократно), не знали также об упоминании Ревана в манихейском тексте III века н. э., как и не знали о присутствии названия этого поселения у автора VII в. Себеоса, в надписи из Севана IX в. и т. д., но разве допустимо полагать, что они не знали о существовании литературы по предмету на той же странице работы В. В. Бартольда, на которую сами авторы ссылаются?! Следовательно, опять-таки налицо преднамеренная и злостная фальсификация. В этом нетрудно убедиться, выискивая подлинный источник, откуда авторы берут разного рода подробности о мусульманском основании крепости Еревана, коих нет в работе Бартольда. Выясняется, что все сказанное об этом армянском городе *дословно* взято из «Путевых очерков» Х. Ф. Линча (Тифлис, 1910, т. I, с. 273—274), на которого они не дают ссылку. Секрет в том, что на одной и той же странице путешественник дважды констатирует, что «магометанское производство имени Эривань от Реван-Куль... не может быть согласовано с тем фактом, что Эривань несомненно уже существовала в XI и, вероятно, даже в VII веке» (с. 273—274). В примечании же добавляет: «Иоани Католикос, писавший в XI столетии (должно быть, в X.—П. М.), упоминает об Эривани как о значительном городе VII столетия». Как видно, соблазн мусульманской этимологизации наименования армянского города довел восьмерых служителей науки из Баку до плагиата и жонглерства.

4. Общеизвестно, что преданные сыны Родины нередко упрекают собственный народ, даже отзывают-

ся о нем нелестно, находя его в отягощенном положении и считая достойным лучшей жизни. «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ», — писал великий русский патриот, но ни один здравомыслящий читатель не может отсюда заключить, что в России не умывались, русские же были доморощенными рабами! Между тем авторы «Голоса» именно так и поступают. Они цитируют проф. К. Патканяна в той части его высказывания, где говорится о том, что «Армяне всегда были плохими хозяевами земли, но они умело прислуживали сильным соседям», что «Армения никогда не играла особой роли в истории человечества» и т. д. (с. 7). Для непосвященного читателя, несомненно, звучит сильно, но вот в каком контексте все это сказано: «Почему же жители Армении не могли сами образовать сильного политического тела? Вместо того мы видим их в вечной зависимости от сильных соседей и в подчинении чужестранцам. Хотя решение этого вопроса и не относится к нашей статье, скажем однако, что не недостаток мужества, храбрости и патриотизма в жителях ее препятствовал ей явиться грозною для соседей и цветущею внутри, а совершенное у них отсутствие политического смысла и тех принципов, которые создают крепкие царства. Прошло двадцать четыре с лишним века с тех пор, как армяне под своим именем появились в истории; от целого народа остались даже на родине разбросанные клочки древнего населения, но армяне остались тем же, чем были и тогда: худыми хозяевами своей родной земли, хорошими слугами чужого народа» (К. Патканов. Ванские надписи и значение их для истории Передней Азии. СПб., 1881, с. 35).

Относительно же роли Армении в истории человечества К. Патканян писал: «Как бы то ни было, несомненно то, что Армения была населена с незапамятных времен и, находясь в центре цивилизованных народов древнего мира, была в то же время местом, где происходили до позднейшего времени все столкновения запада и востока. Несмотря на это, Армения как государство не играла особенно важной роли в истории человечества.» (там же, с. 34). С объяснением

К. Патканяна можно согласиться или нет, но обыкновенная порядочность требует, чтобы мнение цитируемого автора было представлено без искажения и полностью, бакинские же ученые не считаются с контекстом и приводят то, что их устраивает. И так поступают повсеместно. Путешествующий по азиатской Турции француз де Шоле встречается представителей населяющих эту страну народов и отзывается о них то хорошо, то плохо. Профессора и доценты из Баку с чьей-то помощью в книге путешественника нашли искомую цитату с отрицательной характеристикой армян-поселенцев и привели ее в качестве этнической атрибуции. Они обошли социальную ситуацию, описываемую де Шоле, которая и порождает констатируемые им черты характера. Вот свидетельство путешественника: «Однако, их положение, о котором у меня будет возможность сказать позже, иногда является невыносимым, и я никогда не мог бы представить, что нищета в отдельных районах их страны могла достигнуть такого уровня. Мусульманское иго более и более тяжко на них, и я не мог без волнения быть свидетелем тех бесчисленных гонений, которым они подвергаются, и тех несправедливостей, которые совершаются в ущерб их. И все-таки, несмотря на мое громадное сострадание, которое порождает во мне их нищета и страдания, я не смог привязаться к ним...» (*Le C-te de Cholet. Arménie, Kurdistan et Mésopotamie. Voyage en Turquie d'Asie, Paris, 1892, p. 83*). Но авторов «Голоса» интересовали не «бесчисленные гонения», не «тяжкое мусульманское иго», не «нищета и несправедливость», а только то, что армяне плохие люди... В другом пассаже путешественник восхищается способностью и восприимчивостью 14—15-летних армянских учеников и не без боли констатирует, что затем, т. е. вступив в общественную жизнь в пределах Османской империи, «эти чудные существа превращаются только в обыкновенных людей...» (с. 62—63).

Цитирующим Маркса и Энгельса авторам следовало бы хоть чуточку уважать марксизм и заняться

исследованием социального положения армян в мусульманской среде, а не злопыхательством.

5. В азербайджанской исторической литературе наших дней выработан тезис, согласно которому проживающие в Азербайджанской ССР армяне, в частности армянское население Нагорного Карабаха, являются переселенцами из Ирана и Турции. Популяризации этого тезиса существенную услугу оказала официальная пропаганда республиканских властей через Азеринформ (см., к примеру, «Советский Карабах», 10 авг., 1989). За подкрепление официальной версии данными науки взялись многие ученые (Бунятов, Кулиев, Исмаилов и т. д.). Конечно же, эту идею подхватили и попытались ее обосновать и авторы рассматриваемого «Голоса». «В продолжение двух лет, с 1828 по 1830 годы, в Закавказье были переселены свыше 40 тысяч персидских и 84 тыс. турецких армян, значительная часть которых была поселена на лучших плодородных землях Нагорного Карабаха», — пишут они (с. 14). «Исторически неоспоримым фактом является то, — продолжают авторы, — что до того периода, как северный Азербайджан вошел в состав Российской империи, а южный остался под властью Ирана, на территории нынешней Азербайджанской ССР не проживало ни армянское, ни русское, ни немецкое население, они были лишь переселенцами — пришельцами» (с. 17). Странная получается картина — до вхождения в состав России в Азербайджане не было инородного населения, а история до конца XIX века не знает народа, именуемого азербайджанским! И все это говорится только к тому, чтобы армян Карабаха объявить «переселенцами-пришельцами», но ведь помимо всего прочего существует наука, называемая этнической статистикой. Не будем приводить свидетельства Ст. Сюнеци (VIII в.) о существовании арцахского диалекта армянского языка, Константина Порфирородного (X в.) о письме к хаченским вельможам в Армении, персидского анонима (XII—XIII вв.) об армянах, населяющих Хачен, немца Ганса Шильтбергера (XIV—XV вв.) о Карабахе в составе Армении и его армянском населении и ряд других раз-

ноязычных первоисточников, а обратимся лишь к статистике относительно близкого нам времени: в заявлении представителей армянского воинства в государственной Коллегии иностранных дел России от 5 ноября 1724 г. говорится: «...по разглашении его императорского величества грамоты *собралось из той же Карабахской провинции войска армянского всего до 40000 человек, из которых 30000 конницы и 10000 пехоты*, над которыми всеми главные управители помянутый патриарх Исай и 2 юзбаши—Аван и Мирза... *А их всего, армянского народу, военного и прочего, одной Карабахской провинции, которые желают притти под протекцию его императорского величества, будет со сто тысяч дворов*, кроме другой армянской провинции, зовомой Капан...» («Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в.», т. II, ч. II, с. 204—205). В 1769 г. грузинский царь Ираклий II в Россию отправил «Описание городов и мест, ближним Грузии, в котором о Карабахе (Хамс) сказано: «б. Хамс составляет владение и во оных семь воеводских правлений, народ весь армянского закона... Армяне имеют большую крепость, лесные, а при том поля плодovитые. *Жаванширского народу* (т. е. приверженцев ислама.—М. П.) *выступить на войну две тысячи пять сот человек, а армян—четыре тысячи пять сот*» (А. Цагарели, Грамоты..., т. I, СПб., 1891, с. 434—435). В указе Павла I от 1797 г. обозначена численность армянского населения Карабаха—*11 тыс. семей* («Полное собрание законов Российской империи», т. XXIV, с. 761). В рапорте кн. Цицианова от 30 декабря 1804 года на имя императора сказано: «Ибрагим хан имел до *60000 домов одних карабахских армян*» («Акты, т. 2, с. 623). В самом же начале XIX в., вследствие вынужденного переселения части армян и их меликов в Грузию и Ширван, (см. «Кавказская старина», Тифлис, 1872, № 2, с. 34—45), количество проживающих в Карабахе армянских семей сократилось до 5107 дворов («Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 г., ... Могилевским и Ермоловым 2-ым», Тифлис, 1866, без пагинации).

Итак, за одно столетие (1724—1823 гг.) число ко-

ренного армянского населения Карабаха регулярно сокращалось—100 т. семей (1724 г.), 60 т. семей (вторая половина XVIII в.), 11 т. семей (1797 г.), 5107 семей (1823 г.). И все это было результатом полувекового правления краем Ибрагим-хана, которого ученые из Баку постоянно называют азербайджанцем, хотя он и понятия не имел о существовании такой этнической единицы. Если семья состояла из пяти членов, то соответственно мы имели 500000 (1724 г.), 300000 (II половина XVIII в.), 55000 (1797) и 25535 (1823) армян, т. е. за сто лет их число в Карабахе сократилось почти в десять раз, но они присутствовали, были коренными, следовательно, авторы «Голоса» не ошибаются или заблуждаются, когда говорят об армянах-переселенцах-пришельцах, а просто врут.

Теперь несколько слов о переселенцах. Паскевич дважды указывал на необходимость отправления переселенцев в Карабах. 26 февраля 1828 г. он писал: «Впрочем, жителям деревни Узумчи и 3-х близ ее находящихся армянских селений позволить следовать в Карабах, так как сия провинция к ним ближе» (см. *С. Глинка*, Описание переселения..., с. 103; ср. с. 116). В распоряжении от 24 апреля того же года говорится «О склонении большей части переселенцев, особенно беднейших, идти в Карабах, где они могут быть во всем обеспечены» (там же, с. 127)*. Однако в Кара-

---

* Спустя 16 дней после подписания Договора генерал Паскевич настоятельно требовал от полковника Л. Е. Лазарева, специально прикомандированного царским правительством для организации переселения армян, «вообще соглашать христиан, дабы они следовали в Нахичеванскую и Эриванскую области, где предлагается увеличить, сколько можно, народонаселение христианами» (см. *С. Глинка*, Описание переселенца армян, М., 1831, с. 103). Современники, очевидцы и организаторы переселения с восхищением отзывались об этой акции Русского правительства.

Сам полковник Лазарев пророчески докладывал генералу: «Вместо же пустынь, покрывающих теперь поля древней Великой Армении, возникнут богатые селения, а, может быть, и го-

бахе было поселено не *большинство* армян из Турции и Ирана, и даже не «большая часть» выходцев из Ирана, а всего лишь 750 семей, т. е. около 3750 человек, что не составляет 3 процента их общего количества (из Турции 84 тыс. и 40 тыс. из Ирана=124 тыс.). К тому же выходцы из села Узумчи были греками, а 300 семей армян из Карабаха вернулось обратно (3750—1500), на месте осталось всего 2250 человек, т. е. 1,7% (ср. «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX в.», ч. I, М.—Л., 1936, с. 201, 204). А что происходило с оставшимися в Карабахе переселенцами-армянами, обстоятельно говорится в «Записке Зубарева о Карабахской провинции», представленной гр. Паскевичу 20-го апреля 1830 г. Вот отрывок из нее: «К числу бессмертных подвигов минувшей войны с Персией бесспорно принадлежит переселение из Персии армян в наши провинции. Армяне—народ, самый приверженнейший в здешнем крае к нашему правительству и, можно сказать, самый честнейший, по крайней мере между простолюдинами. Вышедшие из Персии армяне отличаются примерным трудолюбием и большая часть из них ремесленники, весьма полезные и весьма редкие за Кавказом. К сожалению, сей полезный народ через меру угнетается в Карабахе. Не говоря о старожилых армянах, кои все поработочены татарскими беками, упомяну о переселенцах. Местное в Карабахе начальство, имея какое-то предубеждение против армян, утесняет их весьма непростительным образом: до сего времени они еще не имеют себе постоянных жилищ; земли для водворения их отведены весьма невыгодные, а в Мигри-Гюнейском магале и земли дано им весьма недостаточно; покупка для них рогатого скота произведена местным начальством слишком небрежно; рабочий скот куплен у кочевых наро-

рода, населенные жителями трудолюбивыми и преданными государю» (см. С. Глинка, ук. соч., с. 133). Кажется бы, ни один историк, от каких бы методов и соображений он не отталкивался, не может не признать значение этого факта как для России, так и, тем более, для Армении.

дов весьма дорогою ценою, причем неприученный к работе, старый, испорченный и вовсе к употреблению негодный. В этом можно удостовериться через нарочно посланного чиновника. В доказательство бедственного положения переселенцев в Карабахе приведу следующее: марагинские армяне, по распоряжению местного начальства, водворены были сначала в старинном, ныне разрушенном городе Берда. Место сие, находясь на равнине, близ берега Куры, летом подвержено сильному зною солнечному, а водящиеся в лесах разные ядовитые насекомые делают сие место жилищем смерти. Марагинцы, приобывшие к холодному, здоровому климату, не могли сносить палящего зноя солнечного и подвергались болезням. Тщетно старшина селения умолял военно-окружного начальника дозволить им переселиться в горы, мольбы его оставались без последствий. Не имея воды, ни же пищи, живя под открытым небом, и подвергаясь палящему зною, злополучные армяне соделывались добычею смерти. В течение трех месяцев погибло из числа их 1.012 душ обоюго пола. К довершению их бедствия окрестных кочевьев татары, пользуясь их болезнию, ограбили все их имущество и рогатый скот. Тщетно армяне взывали к правосудию, их удовлетворяли одними побоями («Акты», т. VII, с. 461). Об их дальнейшей судьбе мы узнаем из записки, составленной до 1831 г., где сказано: «Из числа несчастных переселенцев ныне осталось не с большим 100 семейств» (см. «Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане», в 20—60-х гг. XIX в., часть I. Феодалные отношения и колониальный режим. 1827—1843 гг., М.—Л., д., 1936, с. 204).

Теперь, как нам представляется, сочинение мифа о неаборигенности армян-карабахцев, так часто повторяемого в азербайджанской партийной и академической печати, всецело лежит на совести недобросовестных ученых и журналистов из Баку.

Авторы «Голоса» приводят и некоторые статистические данные, но и тут не обошлись без манипуляций. «В 1832 г. население г. Нахичевани насчитывало 5470 человек: 3641—азербайджанцев и 1110—армян,

переселившихся сюда после Туркменчайского договора из Ирана» (с. 21). Открываете указанную авторами работу И. Шопена («Исторический памятник состояния Армянской области..., СПб., 1852) и на 599—602 страницах читаете: «*Магомедане*: число семейств—909, число душ—3641; *армяне*: коренных—число семейств 156, число душ—719, переселенцы—число семейств—265, число душ—1110». Бакинская восьмерка внесла два важных корректива в работу Шопена—всех *магомедан* перекрестила *азербайджанцами*, хотя отлично знала, что ими являются также проживающие в Нахичевани персы, курды и турки, коренных же армян (719 человек) вообще исключила из таблицы. Таким универсальным методом, или методологией можно доказать все, что угодно, однако при чем тут наука и ученые степени...

Для определения соотношения этнических единиц *Нагорного Карабаха* авторы «Голоса» обращаются к данным «Кавказского календаря» на 1896 год (отд. V, с. 54—55). Они вычисляют, что армяне составляли 53%, азербайджанцы—42%. Оказывается, без «корректива» не обойтись и здесь: по «Календарю» в Шушинском уезде проживало 126269 человек, из коих армяне—73081, татары—52887, русские—299, евреи—2, следовательно, армяне составляли не 53%, как они утверждают (с. 20), а 57,9%. Но это еще не все, помимо сомнительного права считать всех татар азербайджанцами, они в состав населения *Нагорного Карабаха* включили два участка уезда (Агдамский и Агджабединский), фактически не входящие в него и абсолютно не имеющие армянского населения, т. е. для изменения реального соотношения этнических единиц число татар увеличено—31893 человека (17663+14230). Без этого хитроумия мы бы в действительности имели 20994 человека татар, что составляет 24,8% общего населения *Нагорного Карабаха*. Если не историческую науку, то хоть простую арифметику следует уважать!*

* Вообще у азербайджанских ученых и государственных деятелей весьма своеобразное отношение к статистике. На II Съез-

6. Концептуальна применяемая в трудах азербайджанских ученых, в том числе и нашей восьмерки, географическая терминология. Территорию нынешней Азербайджанской ССР они последовательно называют «Северным Азербайджаном», или просто Азербайджаном, во все эпохи истории края—в древнюю, античную, средневековую, новую (с .14, 16, 19, 22 и т. д.). Время от времени в эту этногеографическую номенклатуру включают и территорию Армянской ССР: «Древние памятники азербайджанского народа, находящиеся на территории Армянской ССР и относящиеся к временам огцепоклонства, албанского христианства и ислама, из-за отсутствия заботы почти полностью исчезли с лица земли» (с. 25). Неважно, что прежде чем «исчезнуть с лица земли», надо, чтобы они существовали, важно сказать об этом! Но суть нашего разговора в другом: ни в одном источнике ни на каком языке до XIX, века включительно в рамках Закавказья (т. е. севернее Аракса) не упоминается о существовании Азербайджана, следовательно, термин

де народных депутатов председатель Совета Министров Азербайджана заявил, что в республике имеется 206 тысяч беженцев из Армении. Эта цифра фигурирует во всех выступлениях по проблеме и газетных публикациях, однако достоверно известно, что по переписи населения 1979 г. в Армении проживало 160,8 тысяч азербайджанцев. Если даже полагать, что выехали все, опять-таки налицо преувеличение на 40 тысяч. К тому же азербайджанцы в Армении оставили 27,6 тыс. квартир или домов, армяне же—беженцы из Азербайджана—72 тыс. квартир и домов. Средняя величина армянской семьи в Азербайджане была 4,3 человека, азербайджанских же семей в Армении—5,8 человека. Следовательно, как констатирует проф. Г. Авакян, «каждая семья беженцев в Азербайджане может располагать 2—3 квартирами или домами, оставленными армянами» (см. «Коммунист», 18 декабря 1989 г., с. 3). Теперь же, после очередного геноцида армян в Баку в январе 1990 г., эта возможность заметно увеличилась. Однако все чаще и чаще звучат обращения к центральному правительству о выделении средств для строительства домов для беженцев из Армении.

«северный» — неологизм, применяемый по отношению к древней и новой истории весьма некстати. Вот свидетельство в этой связи академика В. В. Бартольда, приводимое им в Баку в 1924 году: «...если бы нужно было бы придумать термины для всех областей, которые объединяет сейчас Азербайджанская республика, то скорее можно было бы принять название Арран, но термин Азербайджан избран потому, что, когда устанавливалась Азербайджанская республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое, так как по составу населения они имеют очень большое сходство. На этом основании было принято название Азербайджан, но, конечно, теперь, когда слово Азербайджан употребляется в двух смыслах — в качестве персидского Азербайджана и особой республики, приходится путаться и спрашивать, какой Азербайджан имеется в виду, Азербайджан персидский или этот Азербайджан; общие судьбы их сложились в средние века, в частности в то время, когда пришли монголы и когда Азербайджан персидский и этот находились под одной и той же турецкой властью» («Сочинения», т. II, ч. I, с. 703). В. В. Бартольд не мог предполагать, что спустя пару десятилетий будет найден оригинальный путь решения этой путаницы, а именно: Арран будет объявлен Азербайджаном во все предыдущие века как географически, так и этнически и культурно. Он не полагал также, что албаны окажутся «тюрокскими племенами», их царство — «Азербайджанским государством Кавказской Албании» (с. 17—18). И не только албаны, теперь тюрками-азербайджанцами объявлены шумеры и скифы (см. «Коммунист Азербайджана», 1989, № 3, с. 56—65), азербайджанскую этимологию получили топонимы *Арцах* (= «Арсак — земля саков»), Сакасана («ты — сак, земля саков») и т. д. (там же, с. 61). Словом, произошла сплошная национализация истории и культуры, и прежде всего чужой истории и культуры. Это новая и «перспективная» тенденция развития исторической науки, и ее придерживаются не только ученые из Азербайджана. Недавно в интервью с представителем прессы из Баку профессор из США, сове-

толог Тадеуш Святиховский заявил, что «армяне, проживающие в настоящее время в Закавказье, включая и Азербайджан, являются пришлым, а не коренным народом», что «все армяне Нагорного Карабаха являются внуками и правнуками эмигрировавших сюда армян», и все это называется «докладом с позиций Баку» («Бакинский рабочий», 1989, № 179; «Вышка», 1989, 3 августа). Случайно ли, что эта позиция так полюбилась как советологам из США, так и сотрудникам радиостанции «Свобода», издавшим три выпуска «Архива самиздата» по Нагорному Карабаху. Нет, не случайно! Н. Марр подобные «исследования» называл легкомысленною коллекциею курьезов» и заключал: «За последние годы на наших глазах прошла целая серия газетных и журнальных заметок об армянской литературе, истории, языке и народности, поучительных разве только в том смысле, что отсутствие здравого смысла и элементарных знаний по истории Армении выдавались за последнее слово науки» («Братская помощь...», второе издание, с. 560). Пожалуй, точнее не скажешь!

КАК ИЗДАВАЛИСЬ «ПУТЕШЕСТВИЯ»

В поисках причин событий, как принято говорить, «в Нагорном Карабахе и вокруг него» в одной из публикаций содержался упрек: «В спор ввязались ученые обеих республик. Они «нырjali» в глубину веков, отыскивая там, кому из народов с самого начала принадлежала эта земля. К сожалению, корректностью и объективностью ученые батальни не отличались, ясности в этот вопрос они не внесли, а еще больше запутали его. И сегодня, если историком Азербайджана и Армении усадить за стол дискуссии, то у каждой стороны один и тот же факт будет объясняться диаметрально противоположным образом. Тем не менее эти люди защищали кандидатские и докторские диссертации, становились академиками, а цитатами из их противоречивых трудов размахивают, как мечами, в обеих республиках» («Правда», 21 марта 1988 г., № 81, с. 3).

Упрек по существу суровый, но я бы не стал утверждать, что отечественное кавказоведение свободно от подобных грехов. А вот как эти «диаметрально противоположные объяснения» возникают, какую цель они преследуют или как реализуются—об этом авторы упрека могут и не знать. Рабочая лаборатория историков, как, впрочем, любая другая научная лаборатория, сложна, многоступенчата и не всегда доступна читателю. Историческая наука пытается реконструировать модель прошлого, оперирует же она не только логикой событий и выявленными закономерностями, но и, прежде всего, данными разнородных первоисточников, сводя и анализируя их. Научная критика первоисточника и исключительная добросовест-

ность при его издании или интерпретации—первейший и важнейший долг историка-исследователя. Любое неаргументированное вмещательство в первоисточник, любая вольность, допущенная издателем или исследователем, граничит с подлогом, а следовательно—преступна. Что это значит на деле, я хочу проиллюстрировать на примере нового издания русского перевода «Путешествия по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год» Иоганна Шильтбергера (издательство «Элм», Баку, 1984, АН Азерб. ССР, Институт востоковедения, серия «Источники по истории Азербайджана»). Участник крестового похода 1396 г. баварец Иоганн (Ганс) Шильтбергер оказался в плену у «язычников»—турок и, сопровождая своих пленителей-хозяев, более тридцати лет скитался по странам и континентам, описывал события, страны и народы, которые он «имел случай видеть». Важность и достоверность сообщений Шильтбергера хорошо известны в специальной литературе по кавказоведению, цитировались неоднократно. Доказательством сказанного может служить и само образцовое издание русского перевода, осуществленное Ф. Бруном (Одесса, 1866 г.). Новое издание (на титульном листе значится: «Издание, редакция и примечания академика АН Азерб. ССР З. М. Бунятова») повторяет перевод Ф. Бруна, в отдельных случаях внося в текст уточнения стилистического характера, «Готовя к изданию перевод Ф. К. Бруна,—сказано в предисловии,—я сократил те части его «Путешествия», где превалируют бесконечные суждения схоластического порядка, много славословий в адрес католической церкви, которые в свою очередь снабжены такими же многоречивыми комментариями Ф. К. Бруна, почти вдвое увеличившего объем своего издания» (стр. 5).

Не верить словам издателя-академика, конечно же, нельзя. От того, что сокращены «бесконечные суждения схоластического порядка» или «славословия в адрес католической церкви», в принципе первоисточник не должен сильно страдать, ибо не они составляют суть сообщений Шильтбергера. Однако издатель должен согласиться, что не все 6000 его читателей

(это по количеству тиража книги) впервые берут в руки это сочинение; кое-кто из них этот памятник может знать и по немецкому оригиналу или хотя бы по предыдущему русскому изданию и вправе усомниться в правильном выборе подлежащих сокращению пассажей. К числу таковых, в частности, принадлежу и я. Не найдя в новом издании известных мне сведений по средневековой истории Армении, я занялся сверкой всего текста. И вот что выяснилось: под «схоласстикой» и «славословием» наш редактор подразумевает все то, что по какой-либо причине ему не нравится, или то, чего ему не хотелось бы прочитать в сочинении немецкого автора. Вопреки элементарным нормам текстологии, он делает это без надлежащих примечаний, даже без простейших условных обозначений, как будто сокращаемых слов и выражений, целых отрывков вообще и не было в оригинале. Для представления лаборатории ученого ниже привожу несколько примеров, сокращенные слова и выражения выделяя курсивом:

«Король послал также пленных в подарок королям вавилонскому, персидскому, в Белую Татарию, в Великую Армению и в другие страны» (Брун, с. 8; Бун., с. 13).

«Есть еще город Кютайя, лежащий на высокой горе, в плодородной области, именуемой Керман, и город Ангора в земле ему соименной. В этом городе много христиан, *придерживающихся армянского вероисповедания*. В церкви их хранится крест, который блестит день и ночь и привлекает даже язычников, которые этот крест называют сияющим камнем» (Брун, с. 41; Бун., с. 38).

«Есть город Антиохия, в которой стены красного цвета *от христианской крови*» (Брун, с. 50; Бун., с. 41).

«Среди рая есть источник, дающий начало четырем рекам, которые орошают различные страны... Третья река, именуемая Тигр, орошает Азию и Великую Армению. Четвертая, Евфрат, течет через Персию и Малую Армению. Из числа этих четырех рек я видел три: Нил, Тигр и Евфрат и провел много лет в орошаемых ими странах» (Брун, с. 85—87; Бун., с. 52).

«Говоря о Константинополе, греки употребляют выражение *eusten polin*, почему и город назван турками Стамбул. Против него лежит город Пера, называемый Галата греками и язычниками и принадлежащий *генуэзцам*» (Брун, с. 102—103; Бун., с. 65).

«Если же оказывается, что невеста уже не была девою, то жених извещает об этом свою мать... Для родителей невесты это большой срам и они должны взять обратно свою дочь... Тогда священники и другие почетные лица заступаются и убеждают родителей жениха спросить своего сына,—хочет ли он, чтобы она осталась его женою... В противном случае их разводят, и он возвращает жене ее приданое, подобно тому, как и она должна возвратитъ платья и другие подаренные ей вещи, после чего обе стороны могут вступить в новый брак. *Этот обычай существует также в Армении*. Грузинцы называются у язычников *гурджи*, ясы же— *ас*» (Брун, 110; Бун., 67).

Ни один из шести приведенных примеров не содержит ни «бесконечных суждений схоластического порядка», ни «славословий в адрес католической церкви». Это несомненно важные для науки и достоверные исторические свидетельства, находящие подтверждения в разноязычных синхронных источниках. Так что же побудило их сократить? На этот вопрос можно ответить исходя из количественного анализа: издатель не доволен Шильтбергером, так часто и так конкретно упоминающем армян и Армению, а то и христиан-генуэзцев и защитников Антиохии. И, как выясняется, этого оказалось достаточно, чтобы они были удалены из текста. Читателю может показаться, что схоластикой выглядит выражение «придерживающийся армянского вероисповедания», но наш издатель отлично знает, что на языке средневекового автора это равнозначно этническому определению. Он явно искажил суть сообщения, лишив армян и их культурные реликвии этнокультурной характеристики. Чтобы не быть заподозренным в тенденциозной интерпретации, уточню, что в остальных пассажах, где речь идет об исповедании «греческой веры» (Бун., с. 40, 45) или «О различных вероисповеданиях язычников», «О рож-

дении Мухаммада и его религии» и т. д. (Тун., с. 56—61), издатель воздерживается от сокращения.

Последовательность З. М. Бунятова очевидна: он только что расправился с «Великой Арменией» и тут же взялся за «Малую», «не заметив», что сливаются воедино два совершенно разных административно-географических понятия, хорошо известные по греко-латино-грузино-русско-армянским источникам, и упустив из виду, что тем самым сливаются две разные реки—Тигр и Евфрат, а Междуречье исчезает. Во всем этом нет не только научной позиции, но нет и нравственной. Боюсь, что меня могут обвинить в предвзятости, поэтому вынужден привести более пространные и рельефные образцы редакторского вмешательства, но на ту же тему. В «Путешествии» Шильтбергера имеется типичный для средневекового рыцарского романа отрывок (гл. XXX—XXXII), в котором рассказывается о находящейся в крепости девице и защищающем ее ястребе (Брун, с. 42—43; Бун., с. 38—39). Наш издатель не считал нужным сокращать текст до тех пор, пока не появился, невесть откуда, нежеланный для академика персонаж. Вот этот *изъятый* из текста отрывок: «Затем явился туда однажды королевский сын из Армении, и также бодрствовал там трое суток; после чего вошел в дворец, где был ястреб, который начал кричать. Девица вышла навстречу и спросила его, чего он желает доброго и честного? Богатств он не требовал, говоря, что будучи сыном могущественного армянского короля, он имел довольно золота, серебра и драгоценных камней, но что, не имея супруги, он желал бы на ней жениться. Она ему ответила: тщеславие твое будет наказано над тобою и твоим могуществом, и прокляла его со всем его родом» (Брун, с. 43).

Беда не в том что вслед за девицей «королевскому сыну» отказал и издатель книги Шильтбергера, а в том, что из-за него пострадал и рыцарь ордена св. Якова. Явись он в крепость раньше «сына могущественного армянского короля», ему наверно нашлось бы, как всем остальным, место в новом издании. Полагаю, что жертвой поклонников из Армении (Брун,

с. 78) стали не только пилигримы из «Сирии и земли священника Иоанна», но и достопримечательности храма господня и другие памятники Иерусалима, так искусно и так обстоятельно описанные очевидцем (Брун, с. 78—81). И в этом отрывке нет ни малейшего намека на «схоластику» или «славословия». Во всяком случае, в нем гораздо больше нужной для медиевистики информации, чем в главе «Почему Мухаммад запретил язычникам вино», приведенной полностью (Бун., с. 62). Справедливости ради следует констатировать, что сохранен конец главы, где приводится наказ пророка, «Чтобы они (т. е. мусульмане—П. М.) постоянно преследовали христиан и всех противников его учения, за исключением армян, которым на основании упомянутого выше обещания Мухаммада предоставлялась полная свобода, с тем только условием, чтобы они платили два пфеннинга в месяц в виде оброка» (Бун., с. 62). Однако такая снисходительность компенсируется сокращением многих других отрывков. Полностью из текста исчезли главы «Об армянском вероисповедании» (Брун, с. 111—114). «О св. Григории» (Брун, с. 114—121), в которых фиксируются множество интересных преданий, этнографических реалий, данные по истории армянского языка и т. д. В силу сказанного из текста Шильтбергера изъяты такие, к примеру, свидетельства или характеристики: «При всей своей храбрости армяне впоследствии потеряли все свои королевства. Не так давно еще король-султан отнял у них королевство, с хорошим городом Сис, резиденцию их патриарха, который впрочем обязан платить большую дань султану. При дворе кипрского короля находится также большое число армянских господ, по причине близости острова» (Брун, с. 114). Вот еще: «Армяне, живущие между язычниками, равно и те, которые обитают среди других христиан, весьма честные люди. Они также весьма искусны и не хуже язычников умеют вышивать разные шелковые и бархатные материи, золотые и пурпурные» (Брун, с. 122).

Должен признаться, я многократно пытался прояснить для себя, какие цели и методы в рамках нау-

ки могли заставить издателя пойти на это. Речь ведь идет не об интерпретации источника, а о его издании. Историю исследуют по первоисточникам, документам, если же будет позволено изымать из них то, что не нравится издателю, то мы дискредитируем саму историческую науку, заменив ее вымыслом. Мои сомнения и поиски прекратились после проверки и разбора специальной главы «Об Армении» в труде Шильтбергера (Брун, с. 110—111; Бун., с. 67). Она небольшая, поэтому считаю возможным привести ее полностью, опять-таки курсивом выделяя сокращенную в новом издании часть: «Я также провел много времени в Армении. По смерти Тамерлана, попал я к сыну его, владевшему двумя королевствами в Армении. Этот сын, по имени Шах-Рох, имел обыкновенные зимовья на большой равнине, именуемой Карабаг и отличающейся хорошими пастбищами. Ее орошает река Кур, называемая Тигр, и возле берегов сей реки собирается самый лучший шелк. *Хотя эта равнина лежит в Армении, тем не менее она принадлежит язычникам, которым армянские селения принуждены платить дань. Армяне всегда обходились со мною хорошо, потому что я был немец, а они вообще очень расположены в пользу немцев (нимиц), как они нас называют. Они обучали меня своему языку и передали мне свой «Патер ностер».*

З. М. Бунятов фактически пересмотрел не только историческую географию Карабаха («эта равнина лежит в Армении»), но и его этнический состав, исключив из текста «армянские селения». Более того, он может лишить родины целый народ и поселить туда одного мусульманского владельца. Так, Шильтбергер несколько раз упоминает «страну Джаник» (гл. VII—VIII), т. е. страну чанов—народа картвельского происхождения, редактор же его книги заменил этот хороним именем Джунайд-бека (Бун., с. 17—18). Теперь читатель вместо «страны Джаник», «лесов Джаника» и «земель Джаника» должен иметь дело с «Джунайд-беком», «владениями Джунайда» и «землей Джунайда». Что это значит, поймет даже неискушенный в исторической науке читатель. Такой поступок я

бы назвал «Сумгантом в истории», а точнее, быть может, историко-литературной подготовкой сумгантской трагедии. Что станет с нашей исторической наукой, если у издателя книги Шильтбергера найдутся последователи?!

Это вовсе не праздный вопрос. В 1971 г. З. М. Бунятов издал в Москве русский перевод сочинения ал-Бакуви, современника Иоганна Шильтбергера. Особенности его текстологической работы проявились и в этом издании. Прочитав сообщение первоисточника о том, что близ города Бакуйа (т. е. Баку) много селений, «Все жители этих селений—христиане» (с. 89—90), он тут же усомнился в достоверности этого сведения и снабдил оригинал вопросительным знаком, а вот в другом пассаже того же источника, где о русских говорится, что «Это большой народ из тюрок» и «Они самые грязные создания Аллаха» (с. 104), у нашего академика никаких сомнений не возникло, поэтому никаким вопросительным, ни восклицательным знаком этот текст он не сопроводил.

Как ни странно, все это не было замечено научной общественностью. Как же быть теперь с книгой Шильтбергера? Быть может, академика З. М. Бунятова объявить соавтором?

КОМУ ВОЗДАТЬ СТОРИЦЕЙ?

Несколько месяцев назад в газете «Книжное обозрение» было помещено сообщение о том, что в Баку вышла в свет книжка под названием «Армянская анонимная хроника 1722—1736 гг.» в переводе с турецкого и примечаниями З. М. Бунятова. К вполне понятному интересу арменоведов примешивалось, однако, во-первых, недоумение—непонятно, что это за «Анонимная хроника» XVIII века и, во-вторых, беспокойство, поскольку издатель текста знатоком армянского не является, но известен по прежним публикациям, искажающим многие вопросы армянской истории и культуры. К тому же памятник переведен в Баку на русский язык с турецкого. Тем более имелся повод опасаться, что неизвестный специалистам армянский оригинал мог быть подвергнут испытаниям дважды (вспомним мытарства, выпавшие на долю «Албанской хроники» Гоша или «Путешествий» Ганса Шильтбергера в руках названного исследователя).

Наука, однако, не терпит предубеждений, и потому следовало дожидаться появления книги в Ереване. Случай представился, и арменоведы ознакомились с этой небольшой книжкой, напечатанной по постановлению Редакционно-издательского совета АН Азербайджанской ССР и представленной Институтом истории Азербайджанской ССР в серии «Источники по истории Азербайджана» (издательство «Элм», Баку, 1988 г.).

В предваряющей текст рекомендации «Вместо предисловия», подписанной переводчиком, сказано, что, находясь в 1984 г. в Стамбуле, З. Бунятов в числе прочих изданий получил в подарок выпущенную

сотрудником кафедры новой истории Стамбульского университета Г. Андреасяном книгу «Два источника по турецко-русско-иранским отношениям», где и была помещена переведенная с армянского на турецкий язык «Анонимная хроника». «В связи с тем, что армянский текст хроники мне недоступен,—пишет З. Бунятов,—я перевел ее с турецкого языка, расширив весьма краткие примечания Гранта Андреасяна» (с. 4). Независимо от того, что оговорка «армянский текст недоступен» расплывчата и не объясняет, нет оригинала под рукой или недоступен язык оригинала (а на самом деле и то и другое), подобные факты, когда перевод выполнен с языка-посредника, нередки.

Переведенный покойным ныне Грантом Андреасяном (точнее—Тер-Андреасяном) текст вышел в свет в 1974 г. в качестве 1900-го выпуска серии литературного факультета Стамбульского университета. Книга содержит два армянских памятника: «Хронологию» Петроса ди Саргиса Гиланенца и интересующую нас «Анонимную хронику» (с. 53—106). В своем кратком предисловии стамбульский издатель текста сообщает, что он, получив от венецианских мхитаристов микрофильм армянской рукописи и убедившись в важности оригинала для истории Турции первой половины XVIII века, издал его в переводе. Он, видимо, не знал ни предыстории названной им Анонимной хроники, ни существующих изданий и литературы. При сравнении турецкого перевода с армянским оригиналом мы убедились, что переводчик по мере возможности оставался верен оригиналу, хотя, конечно, не безупречен. Часть допущенных им искажений и пропусков (это совершенно не исключено) могла быть продиктована намерениями издателей, а не неискusstvenностью исполнителя. Так, например, в турецком тексте отсутствуют фрагменты, перевод которых не представлял трудности для переводчика. На первой же странице армянского оригинала сказано, что Армения испытывала величайшие беды не только из-за действий воюющих друг с другом местных правителей, «но и от набегов соседнего государства агарийцев и нападавших лезгинских татар переносила самый тяжелый,

плен и резню бесчисленных лиц—мужей и женщин, юношей и дев, детей и мальчиков».

Переводчик, казалось бы, не мог не знать, что граничащее в XVIII в. с Арменией «государство агарийцев»—Турция, а не арабы, как он переводит, тем более, что в другом месте он верно понимает «язык агарян» как «турецкий язык». К тому же переводчик сократил конец фразы «мужей и женщин, юношей и дев, детей и мальчиков». На то, что это не случайная ошибка, указывает ряд аналогичных сокращений.

По свидетельству историка, когда войска Абдулла-паши захватили Ереван, персы отступили и укрылись за стенами крепости, оставив армян снаружи в незащищенном месте. «В тот день две тысячи человек из христиан пало от меча»—этого свидетельства также нет в переводе. Собравшиеся у архимандрита Григора в церкви св. Саргиса ереванцы просили о помощи, «дабы им суметь спасти себя и жен, и детей своих от нечестивых». Этот пассаж также изъят, очевидно, чтобы не называть турок «нечестивыми».

В оригинале даты даны в армянском летосчислении, тогда как в турецком оно заменено системой от Рождества Христова. В тексте немало выражений, смысл которых смягчен, а это уже само по себе означает, что издание в какой-то степени тенденциозно. Например, «отступник» почти всегда переведено как «принявший иную веру», «османские разбойники» превращены в просто «османы» и т. д.

В турецком тексте встречаются и неверно понятые выражения. Так, Кули-хан (т. е. Надир-шах), побеждая турок, «дошел до пределов Вана и стал опустошать область, где все селения суть народа армянского, но находятся под властью осман». Переводчик фразу «азгис хайоц» («народа армянского») ошибочно воспринял как «айгис хайоц» («сады армян») — в результате утрачено очень важное сообщение о том, что все села в Ванской области были армянскими. Этот и подобные факты говорят о том, что стамбульское издание «Анонимной хроники» в источниковедческом плане далеко от совершенства и, следовательно, вы-

шедший в Баку русский перевод с турецкого также не может быть безупречным.

Разумеется, осуществленный З. Бунятовым русский перевод повторил все ошибки и искажения турецкого издания, значительно «обогащая» их новыми. Он внес в текст такие «коррективы», что использующий его перевод историк на верные выводы претендовать уже не может. Если Г. Андреасян, следуя оригиналу, называет опустошителями Армении «лезгинских татар», то Бунятов упоминание татар считает лишним, за исключением одного случая, где он снабдил это слово пометой «так» (с. 53), не желая указывать или не понимая реального его значения в этом контексте—«грабитель», «разбойник». В турецком тексте сохранены традиционные формы топонимов армянского оригинала, а в скобках даны турецкие аналоги (Карин—Эрзерум, Шош—Исфахан и т. д.). Бакинский переводчик счел исконные армянские формы излишеством и ограничивается турецкими. Находящееся близ Еревана село Норагюх (так в армянском оригинале) под пером З. Бунятова превратилось в Еникей, квартал Старый Ереван—в Эски Реван (в турецком переводе сохранена форма «Ереван»). Армянин, сын Марнам Антоннос, называется на турецкий манер «Марнамайоглу Андоннос».

Но это еще не предел, есть примеры и похуже. Так, стамбульское издание смирилось с упоминанием в тексте Армении, куда ворвались османы («войска осман напали на Армению», с. 58), бакинский же академик решил стереть название этой страны из оригинала и потому «Армению» превратил в «земли, где обитали армяне» (с. 11). Трудно поверить, что «усердный» ученый забыл название соседней страны. Не потому ли он идентифицирует упоминаемый в «Анонимной хронике» населенный пункт Талыш с Талином и помещает его «близ горы Беюк Бугутлу на левом берегу реки Арпачай» (с. 62). Талыш и Талин—разные населенные пункты. Талыш—это древний и нынешний Аруч, названный Талышем в XVII в. по имени утвердившегося там пришлового племени. И находится он вовсе не на берегу реки Арпачай, и ни близ горы

Беюк Бугутлу (и вообще горы, носящей такое название, нет ни в новой, ни в старой истории Армении), а речь идет о горе Артин. Фигурирующее в комментариях название реки Арпачай вместо Ахурян доказывает в равной мере как туркофильство, так и арменобство академика, хотя эти его качества в новых подтверждениях не нуждались.

Если и возникла необходимость блеснуть познаниями в географии, то З. Бунятову следовало попытаться предотвратить допущенные им вслед за турецким текстом искажения в следующем фрагменте: в оригинале сказано—«Вступив из Талыша в путь, прибыл он в местность, называемую Магара, поблизости от равнины, называемой Арпачай по имени реки Арпачай, которая там имеется». Как видим, Магара—название не равнины, а населенного пункта, а долина называлась «Арпачай по названию реки». У Бунятова же все поставлено с ног на голову: «...добрался до Талыша, а оттуда прибыл в долину Магара, которая находилась близ реки Арпачай» (с. 55). Если бы наш интерпретатор хоть немного ориентировался в арменоведческой литературе, то он нашел бы в работах Г. Алишана, К. Срапяна и других точные сведения об этих географических пунктах.

Однако З. Бунятов испытывает затруднения не только с армянским, но, кажется, и с русским языком, иначе ему было бы известно, что переведенная им «Армянская анонимная хроника 1722—1736 гг.» была переведена на русский язык, снабжена комментариями и издана 50 лет назад (Ереван, 1939 г.), и что это вовсе не «Анонимная хроника», а известное сочинение Абраама Ереванци «История войн 1721—1736 гг.». Сочинение вошло в научный оборот в конце прошлого века. В первом томе «Армянской библиологии» А. Анасяна (Ереван, 1959, с. 106—108) даны самые исчерпывающие сведения о тексте, и там же можно прочитать, что армянский оригинал переведенного в Баку с турецкого на русский текста вышел в свет более пятидесяти лет назад (Ереван, 1938 г., подготовлен к изданию Тад. Авдалбекияном, под редакцией проф. С. Тер-Аветисяна), а через год, как было сказано,

был издан русский перевод с предисловием, примечаниями и указателями Ас. Шахназаряна.

Но и это еще не все: в 1976 г. в качестве второго выпуска серии «Иностранные источники по истории Грузии» «История» Абраама Ереванци выпущена в Тбилиси в переводе, с предисловием и комментариями картвелолога-армениста Лианы Давлинидзе. Согласимся, что акад. З. Бунятов направил свои взоры вдаль, ну, скажем, в Стамбул, и потому изданий, вышедших в Ереване и в Тбилиси, не видит. Но в таком случае, может быть, стоило устремить взгляд еще дальше и тогда бы он увидел издание, осуществленное отцом Сааком Чемчемяном (1977 г., Венеция), однако наши претензии, кажется, непомерны; достаточно было иметь элементарную добросовестность и немного знаний и уже тогда ученый автор нашел множество цитат и ссылок из сочинения Абраама Ереванци в ряде вышедших в последние годы в Баку работ.

Говорят, что один незадачливый редактор выписал писателю Усику Хандамурану гонорар «шестидесят» рублей. Писатель же заметил редактору, что если бы он выписал ему сто рублей, то наверняка избежал бы ошибки. Так же и Зия Бунятов, знай он об изданиях и переводах сочинения Абраама Ереванци, может быть, и воздержался бы от затеи с новым переводом и не подвергал бы работу искажениям и фальсификациям.

Драматизм, а может быть, и комизм ситуации в другом: вышедшая в Баку тиражом 7 тысяч экземпляров «Анонимная хроника», затем переизданная в том же году 30-тысячным тиражом (см. «Книжное обозрение», 17 февраля 1989 г., с. 11), на самом деле является не подлинным авторским текстом, а его пересказом с некоторыми сокращениями и добавлениями. Автограф Абраама Ереванци хранится у мхитаристов в Венеции (рук. № 2717), и десять лет назад был издан С. Чемчемяном. Само собой разумеется, что при наличии автографа ни одна из последующих копий в научном плане ценности не представляет. Следовательно, бесполезен не только русский перевод

З. Бунятова, но и послуживший ему источником турецкий.

В азербайджанской Академии наук, уверен, найдутся ученые, способные уловить разницу между авторским текстом и его позднейшими переработками и редакциями. Для того, чтобы облегчить им задачу в установлении авторства и достоверности сказанного, приведем здесь собственноручную запись Абраама Ереванци: «Закончилось повествование моей истории и больше того (что я рассказал) я не знаю, вот то, что я увидел своими глазами, запомнил и записал. От года 1724 по 1734 ходил среди осман, персов, видел и записывал я, сын ереванца Огана, Абраам, который запомнил эту историю. О, боголюбивый христианин, прочитай эту историю, помяни отца моего Огана, мать мою Марнам, моего брата Константина, брата Харайкоза, брата Атибека, брата Пилума, брата Петроса, брата Паноса. Те, чьи имена упомянул я, погибли как мученики от руки османов, и мать, и отец, и братья. Кто помянет, да воздастся им от Христа, аминь» (см. издание С. Чемчемяна, с. 6, факсимиле с. 41).

Откуда было знать десять лет ходившему среди осман и персов Абрааму, что бакинский академик через 250 лет превратит в мученика его, Абраама, стерт его имя с книги. Кому же воздастся сторицей за это?

ОБНАРУЖЕН ЕЩЕ ОДИН «АЛБАНСКИЙ ИСТОРИК»

Признаться, я не намеревался рецензировать очередной выпуск «Источников по истории Азербайджана», посвященный публикации «Краткой истории страны» в переводе и осуществленный по постановлению Научно-издательского совета Академии наук Азербайджанской ССР (Баку, «Элм», 1989). Т. И. Тер-Григоряна, переводчика этого памятника с древнеармянского оригинала, давно нет в живых, а подготовивший его перевод к изданию и снабдивший предисловием З. М. Буниятов вряд ли изменил принципам и методам своей работы, реализованным в монографиях и предыдущих публикациях этой же серии.

Однако сообщение Азеринформа «Проблема НКАО—на страницах книжных изданий» («Бакинский рабочий», 24 ноября 1989 г.) убедило меня, что издание «Краткой истории...» Хасан-Джалалянца, автора первой четверти XVIII в., предпринято для доказательства тезиса «бизим топраг»—«наша земля». В нем говорится: «Период истории позднесредневековой Албании отражает политическую и военную обстановку в Азербайджане и сопредельных областях в первой четверти XVIII века. Об этом книга «Краткая история страны Албанской (1702—1722 гг.)» албанского католика Есаи Хасан-Джалаляна, которая дает возможность лучше представить проблемы Нагорного Карабаха в историческом аспекте». Суть «исторического аспекта» в азербайджанской интерпретации заключается в том, что край этот был не армянским, а албано-азербайджанским и что армяне-населенники

являются переселенцами начала XIX века, т. е. «Краткая история...» Хасан-Джалальянца отражает историю края доармянского периода. Не случайно новое издание памятника открывается заявлением З. М. Бунятова о том, что «в 1978 г. в селе Марага или Марагашен (ныне Лениван) Мардакертского района НКАО был установлен обелиск в честь 150-летия переселения первых 200 армянских семей из гор. Мараги (Южный Азербайджан) на земли Карабаха. Переселение это началось сразу же после заключения Туркменчайского договора между Россией и Ираном в 1828 г. Никто не мог и представить себе, к каким непредсказуемым событиям приведет в будущем это, на первый взгляд, переселение какого-то незначительного количества армян на земли Карабаха», хотя и были предупреждения «об опасности, которую принесет короне и коренному азербайджанскому населению это непродуманное решение о переселении». Итак, тезис о «бизим топраге» (т. е. «коренном азербайджанском населении НКАО»), по убеждению издателей сочинения Есаи Хасан-Джалальянца, находит подтверждение в сообщениях «албанского историка», как его квалифицируют те же издатели.

Теперь обратимся к подлинным данным, содержащимся в «Краткой истории...». Будучи католиком «албанской церкви» с резиденцией в Гандзасаре, очевидцем, а зачастую и активным участником описываемых событий, Хасан-Джалальянец был отлично информирован не только о политических процессах, происходивших в восточном Закавказье первых трех десятилетий XVIII века, но и об этнической номенклатуре этой части персидского царства. В связи с описанием налоговой системы, описи населения, военных действий и т. д. он неоднократно поименно называет народы и племена, населявшие этот край и в той или иной степени причастные к происходившему. Так, он весьма обстоятельно описывает нашествие горцев на Ширван, Кахетию, Картли, Арцах и другие регионы, именуя их собирательным названием *леки*, «называемых иначе *лезгинами*, а по древним книгам—*хонами*» (с. 22). В другом пассаже он их называет *хазарами*

(с. 29), но чаще всего они фигурируют под этнонимом *лезгины*. Историк сообщает, что в 1702 г. подушному налогу подвергались и кочевники-животноводы: «Одновременно были составлены,—пишет он,—списки по племенам, называемым *тарахьяма*. В эти списки были включены их пастбища, табуны, гурты разного скота. Все это прибавили к прежде составленным спискам» (с. 20). При втором упоминании этого племени в связи с событиями 1722 г. историк вновь уточняет, что речь идет о «проживающих в палатках», которые, будучи скотоводами, «по своей исконной привычке уже поднялись в горы на яйлаги в богатые травой места. К тому же, опасаясь лезгин, они еще находились в бегстве» (с. 32). Достаточно часто упоминаются *персы* и *иверы* (грузины), особенно в связи с военными действиями, участником которых является и сам историк. Примечателен пассаж, в котором перечисляются народы и племена, придерживающиеся ислама. «Как говорят,—пишет он,—магометане бывают двух вероисповеданий: некоторые именуются *шиа*, каковы персы, кызылбашы, а некоторые—*сюнни*, каковы османы, названные горцы (т. е. лезгины—П. М.), афганское племя *Кандагара*, узбеки, бухарцы и арабы, а также большинство во вселенной тех, которые принадлежат к этой вере» (с. 26). В разъяснении нуждается определение «афганское племя *Кандагара*». В армянском оригинале сочинения они называются не *афганцами*, а *албанами* («алуан»). По убеждению Есаи Хасан-Джалалаянца, «в районах Хорасана и Кандагара обитало племя, именуемое *албанами* (в русском переводе—«афганцами»—П. М.). Относительно этого племени говорят, что оно происходит от обитателей Кавказа из страны Аланов, что родом они агваны и что они и до настоящего времени носят прежнее свое наименование. Они были христианами, но завоевавший большую часть света тиран Ланк-Тамур, о котором свидетельствует историк, вывел то племя из места его обитания и поселил его в количестве 25 [тысяч] дымов в той стране. Спустя некоторое время они были обращены в веру Магомета, а потом они размножились и стали ишханами и начальниками в каждой ча-

сти той страны...» (с. 21—22). Итак, оказывается, Хасан-Джалалалици, историк начала XVIII в. и католикос «албанской церкви», в пределах своей паствы не застал живых албан (агван), более того, по его представлению, албаны-христиане когда-то жили на Северном Кавказе, «в стране Аланов», а затем в количестве 25 тысяч дымов (а не 25 дымов, как это сокращено в русском переводе текста) были переселены в Афганистан и обращены в ислам. Тут важно даже не то, что вся эта интерпретация построена на основе ложной этимологии и идентификации этнонимов «албан» и «афган», а то, что мы имеем абсолютно достоверное сведение о том, что «албанский историк» не знает о существовании этнических албан в рамках Закавказья описываемой эпохи. Это примечательно еще и тем, что он, историограф Хасан-Джалалалици, хорошо осведомлен об этнической номенклатуре сопредельных и даже отдаленных стран (знает, например, *белуджей* в Афганистане и Иране, *туркменов* в Иране и т. д.). Не надо быть профессиональным историком, чтобы разобраться в столь простых трансформационных процессах: кавказские албаны и их Албанское царство давно сошли с исторической арены, память о них сохранилась лишь в сочинениях раннесредневековых историографов и в названии христианской церкви Восточного Закавказья в рамках персидского административного образования «Албанское марзпанство». Историк, «католикос албанской церкви», не знает ни одного реального албана, и не мог их знать, ибо денационализация албан, выступающих под этим собирательным наименованием, произошла за несколько столетий до него, а точнее, за целое тысячелетие до XVIII века.

Стремление переводчика и редактора «Краткой истории...» албанизировать край, и прежде всего Нагорный Карабах, привело к беспрецедентному в источниковедении поступку—к преднамеренной фальсификации первоисточника. В самом деле, в оригинале говорится, что сам историк-католикос отправился по поручению грузинского царя Вахтанга VI «в страну Карабахскую, чтобы привести к нему собранное там

войско армянское, находившихся под начальством меликов и четырех молдых начальников—Авана, Шрвана, Шахни и Сурхана, называвшихся *харюрапетами* и юзбашами» (с. 34). Армянский термин «харюрапет» в русском переводе исключен из текста, но главное не это; в продолжении читаем: «По его (Вахтанга) приказу мы пришли к ним (т. е. к меликам Карабаха—П. М.), привели их (т. е. войско армянское—П. М.) в порядок согласно воинским правилам, ибо они не были обучены воинскому делу, и, собрав до 10000 отборных и вооруженных мужей, а с ними сонм священников и церковнослужителей наших, с великой пышностью и торжеством, считая *армянское государство* вновь восстановленным, мы двинулись и через три дня остановились близ города Гянджи в местности по названию Чолак». Издатели-мудрецы из Баку взяли да и заменили «вновь восстановленное армянское государство» оригинала сочинения на «восстановленное албанское государство» (с. 35). Наивный текстолог может подумать, что переводчик или редактор русского текста располагали каким-то другим текстом, в котором имелось разночтение «албанское». Увы, нет. Во всех трех изданиях армянского оригинала «Краткой истории» однозначно читается «армянское государство». На языке юриспруденции такой поступок квалифицируется как уголовное преступление, согласно терминологии ученых академического Института истории АН Азербайджанской ССР, издавших сочинение Хасан-Джалалянца, это называется «исторической наукой». Я готов допустить, что не все азербайджанские историки способны на такие деяния, однако не о согласии ли с академиком-фальсификатором говорит их молчание, тем более, что о подобного рода деятельности З. М. Буниятова говорится не впервые?!

Итак, в этнической номенклатуре «Краткой истории...» Хасан-Джалалянца представлены многие народы, народности и племена, населяющие Восточное Закавказье, но, как выясняется, в их числе нет *азербайджанцев*, которые названы редактором книги «коренным населением Нагорного Карабаха». Если исхо-

дить из научных критериев, то в этом нет ни загадочности, ни исторической неопределенности. Консолидация племен и этнического массива, названного впоследствии азербайджанским, в первой половине XVIII века, т. е. в период составления «Краткой истории...» не была завершена, следовательно, историк мог знать о разных исповедующих ислам племенах, и, как мы убедились выше, он их действительно знает, но хронологически преждевременно искать в его сочинении сведения о «коренных азербайджанцах», поскольку их просто не было. В самом Карабахе, к примеру, первые тюркоязычные племена появились лишь после смерти Надир-Шаха, когда Панах-хан стал владельцем крепости Шуша, т. е. не ранее второй половины того же XVIII века. Об этом свидетельствуют все без исключения нарративные первоисточники, памятники материальной культуры, эпиграфика края и исторические документы. Кроме приведенного выше свидетельства Хасан-Джалальянца об армянском войске и меликах Карабаха, следовательно, и об армянском населении Карабаха, в «Краткой истории...» можно найти множество других доказательств. Так, говоря об области Кабала в стране Ширванской, историк констатирует: «Эта область была плодородна и многолюдна. В ней обитали как армянский народ в большом числе, превышающем даже местное население, пришедший сюда из страны Карабахской, так и коренное население» (с. 24—25). Неважно, что в армянском оригинале нет слова «коренное», а сказано «местное» («зтехаканс»), существенно то, что большая часть населения Ширвана была армянской и что армяне Ширвана — выходцы из Карабаха. Так, если армянами являются и выходцы, и оставшееся в самом Карабахе население, то не аморально ли говорить о переселении «первых 200 армянских семей из гор. Мараги на земли Карабаха» в 1828 г., как это делает редактор «Краткой истории...», притом повторяя этот домысел в самых популярных изданиях. Я не думаю, что азербайджанский народ и его здравомыслящая интеллигенция нуждаются в такой лжи!

Теперь несколько слов о самой «Краткой исто-

рии...», ее авторе и русском переводе. Первая публикация сочинения Есаи Хасан-Джалалянца была осуществлена в Шуше, под наблюдением и по распоряжению архиепископа и рыцаря-митрополита Багдасара Хасан-Джалалянца от 7 июня 1839 г., по всей вероятности, на основании автографа историка—предшественника по кафедре и сородича. В 1869 г. в Иерусалиме армянский оригинал был переиздан, претерпев коррективы лишь орфографического порядка. В 1876 г. в Петербурге акад. М. Броссе опубликовал французский перевод труда Хасан-Джалалянца, а почти сто лет спустя, в 1971 году, грузинский востоковед К. Куция переиздал армянский текст, снабдив его грузинским переводом и комментариями. Таким образом, оригинал издан трижды и трижды же переведен на другие языки (французский, грузинский, русский). К сожалению, в грузинском и русском изданиях не представлена начальная часть «Краткой истории...», а именно авторское «Введение». С точки зрения описания исторических событий «Введение» действительно ничего важного не содержит, но оно представляет несомненный интерес в источниковедческом плане, ибо в нем перечислены источники, служившие предметом подражания для историка, а также памятники армянской историографии, которыми он пользовался. Быть может, в грузинском издании действительно не было необходимости сохранить «Введение», ибо издатель добросовестно излагает сведения об источниках, которыми пользовался историк, его воззрениях, а главное, что все эти вопросы рассматривались в контексте армянской истории и историографии. В бакинском же издании, как уже говорилось, Хасан-Джалалянц объявлен «албанским историком», но если бы издатель сохранил «Введение», то русскоязычный читатель легко бы убедился, что Есаи Хасан-Джалалянц принадлежит к тому же народу и той же историографии, к которым принадлежат Агафангел, Мовсес Хоренаци, Егише, Вардан Великий, Ванакан, Киракос Гандзакечи и другие, ибо называя их, он уточняет—«из нашего армянского народа», или «вышедшие из среды нашего армянского народа». Именно наличие

этих и подобных конкретных указаний этнической и культурной принадлежности автора привело переводчика или редактора бакинского издания к «мысли» сократить «Введение», что должно было облегчить путь к его албанизации. Что это продиктовано концептуальным подходом, можно удостовериться на многих примерах. Историк десятки раз уточняет—«тунс хайоц» (в лето нашего армянского летосчисления), «азгис хайоц (нашего армянского народа), всех, кроме армян, называет «иноплеменниками» (с. 20), а в русском переводе все эти «мелочи» остались «незамеченными» (с. 18, 21, 22... 37, 39). Приведу лишь два примера. Историк сообщает, что «в тот же день он (Вахтанг) призвал меня и приказал раньше его отправиться в страну *нашу* (мер) Карабахскую». Столь конкретное указание принадлежности Карабаха издателям русского перевода показалось чрезмерно прямолинейным, и они убрали слово «нашу» (с. 34). В другом пассаже говорится: «И причиной такой его (Вахтанга) любви к нам является следующее: во-первых, он имел естественную (врожденную—П. М.) любовь к *нашему армянскому народу* ... поэтому он хотел это наше войско, в особенности *наш армянский народ* сделать своим собственным, как тифлисы, во-вторых...» В переводе этого отрывка в первом случае исключено «армянскому», во втором—«наш». т. е. сделано все, чтобы армянский народ не стал «нашим», или наш народ (т. е. народ автора книги) не стал бы «армянским» (с. 35—36). И это называется наукой, притом наукой академической...

Думаю, нет больше необходимости говорить об изъянах, характеризующих издание памятника армянской историографии XVIII века 30-тысячным тиражом, равно как и компрометирующих азербайджанскую историческую науку методом работы с историческим первоисточником. Полагаю, что если не сегодня, так завтра найдутся азербайджанские ученые-историки, которые, защищая профессиональную честь, скажут своё слово. Что же касается армянских историков-источниковедов, то в ближайшее время они должны переиздать подлинный текст сочинения Ха-

сан-Джалалаянца, перевести его на русский язык и обстоятельно прокомментировать. В связи с этим нужно обратить внимание на два обстоятельства: во всех источниках и литературе по предмету наш автор известен как Есан Хасан-Джалалаянц, и никто не вправе корректировать его великокняжескую фамилию, как это делает З. Буннятов, лишая его показателя множественного числа родовой принадлежности (Хасан-Джалалаян!). Кроме того название «Краткая история страны Албанской (или агван)» не является подлинным, а составлено скорее всего редактором иерусалимского издания на основании заглавий отдельных глав, прежде всего первой главы. Не надо забывать, что осуществленное на основе авторской рукописи издание 1839 г. называется «Историей или Памяткой некоторых событий, происшедших в стране Албанской». Быть может, в этом мало принципиально важного, однако долг издателя—оставаться верным подлиннику.

В монографиях Ас. Мнацаканяна и А. Акопяна даны аргументированные объяснения термина «Албания» или «Страна Албанская» в средневековых источниках, но азербайджанские ученые почему-то продолжают вкладывать в него этническое содержание даже тогда, когда албанский этнос и албанское царство давно прекратили свое существование. Разумеется, это делается с целью создать некую видимость этнической и культурной преемственности, хотя даже школьнику ясно, что албаны, подвергшиеся деэтнизации за тысячу лет до описываемых событий, не могли вдруг оказаться предками тюркоязычного этноса, образовавшегося к концу прошлого столетия.

Кстати, с точки зрения соотношения этнонима и хоронима примечателен и такой факт из истории народов Кавказа: в источниках Абхазией именуется не только исконное место расселения абхазов, но и вся Западная Грузия, а иной раз даже вся Грузия (так, в частности, у персидского анонимного географа XII—XIII вв.). Длительное время «абхазским» именовался католикос Западной Грузии. Но долг историков разобраться в фактах подобного порядка, разъяснить

их, а не сочинять историю, опираясь на выработанную «концепцию», пересматривая и переименовывая источники, как это делают издатели «Краткой истории...».

Автор предисловия и редактор текста «Краткой истории...» З. Бунятов опять успел реализовать огромное количество собственных идей и положений. Согласно его заявлению, В. Величко, А. Грибоедов, А. Суворов и другие «предупреждали русское правительство об опасности, которую принесет короне и коренному азербайджанскому населению это непродуманное решение о переселении» (с. 3). Речь идет о переселении 1828 г., между тем армянофоб В. Величко к тому времени еще не успел родиться, а А. Суворова не было в живых уже 28 лет, что же касается А. Грибоедова, то бакинский академик уж который раз вводит в заблуждение своего наивного читателя; давно, еще с 1949 г., И. Ениколоповым документально установлено, что А. Грибоедов не является автором «Записки о переселении армян из Персии в наши области». Прежде чем превращать А. Грибоедова в противника армян и переиздавать «Записку» в редактируемом самим З. Бунятовым «Хабарларе» (1988, № 3), следовало проявить элементарную добросовестность и ознакомиться с существующей литературой. Впрочем, в указанной записке нет ни одного слова о «коренном азербайджанском населении». Но это еще не все: согласно заявлению редактора книги, армяне-переселенцы субсидировались армянским католикосатом, но в действительности же все расходы делались за счет Российского правительства, о чем имеется множество докладов и отчетов. У З. Бунятова, видимо, вообще особые счета с католикосатом и католикосом. Он то игнорирует статус армянских католикосов (еще одним католикосом *всех* армян называет католикоса Дома Киликийского), то клеветает на католикоса Вазгена I, называя его «приятелем Иоанна Антонеску» и инициатором «нагнетания страстей вокруг Нагорного Карабаха». Да что там католикос или католикосат; чтобы разобщить армян на этноконфессиональные группы, он выдумал новую и несуществующую этническую единицу—*армян-иудеев*, армян-

ских цыган переименовал в *армян-цыган*, вводя их в паству католикоса и т. д. Словом, что ни предложение в этом предисловии, то либо обман и клевета, либо фальсификация, продиктованные ненавистью к армянскому народу и его истории. Единственная достоверная информация, казалось бы, заключалась в том, что русский перевод «Краткой истории...» принадлежит Т. И. Тер-Григоряну и сделан в 1940 г. по поручению Института истории АН Азербайджанской ССР. Но и тут возникает сомнение—так ли именовался указанный институт в те годы, существовала ли в 1940 г. самостоятельная Академия наук Аз.ССР, если она основана в 1945 г. на базе филиала. Короче говоря, сомневаться следует во всем, что выходит из-под пера академика З. М. Буниятова.

«БУНИЯТОВЩИНЕ» НЕ ВИДНО КОНЦА*

В издаваемой в Баку на азербайджанском языке еженедельной газете «Адабият ва инчасанат» («Литература и искусство») от 15 января 1987 года была опубликована пространная статья академика АН Аз. ССР Зии Бунятова «Правда бессмертна» — отклик на помещенное в «Гракан терте» («Литературная газета») от 14 августа 1987 года на армянском языке письмо под заголовком «Официальный ответ». Не довольствуясь кругом азербайджаноязычного читателя, З. Бунятов счел нужным опубликовать также русский вариант этой статьи, пересмотрев ее название — «Меценатствующий апологет» («Известия» АН АзССР (история, философия, право), 1987, № 4, с. 133—136). Напомним читателю, что «Гракан терт» напечатала с небольшим вступлением официальный ответ Института истории СССР АН СССР (за подписью зам. директора А. Н. Сахарова) старшему научному сотруднику Института литературы АН АрмССР А. Мушегяну, который своим письмом обращал внимание высших партийных органов и ВАК СССР на то, что в книге Ф. Мамедовой «Политическая история и историческая география Кавказской Албании» (Баку, 1986) антинаучно и предвзято толкуется ряд фактов армянской истории. В ответе, написанном А. Сахаровым, в частности, говорится: «...Автор (имеется в виду Ф. Мамедова—Г. С., П. М.) берется за сюжеты, которые знает весьма поверхностно». Кстати, по поводу этой фальсификации в научных журналах АрмССР вышли две обстоятельные рецензии—Б. А. Арутюняна («Когда отсутствует научная добросовестность» в жур-

* Соавтор: Г. Х. Саркисян.

нале «Вестник общественных наук» АН АрмССР, 1987, № 7, с. 33—56) и А. Акопяна, П. Мурадяна и К. Юзбашяна («К изучению истории Кавказской Албании» в «Историко-филологическом журнале», 1987, № 3, с. 166—189), обе на русском языке. Основной целью статьи З. Бунятова является защита вышеназванной книги и ее автора. При этом он старается показать, что ему неизвестны упомянутые рецензии на книгу Ф. Мамедовой, и это не случайно. Обе статьи написаны с близким к исчерпывающему использованию и упоминанием исторических источников, следовательно, попытка опровергнуть содержащиеся в этих публикациях выводы означала бы неизбежное обращение к первоисточникам, фальсификация которых и является главной чертой книги Ф. Мамедовой.

З. Бунятов возмущен: по какому праву о работе по албанистике высказывает мнение некавказовед А. Н. Сахаров (к этому он сводит всю статью). Ему, очевидно, было трудно догадаться, что в Ереван был послан отзыв Института истории СССР АН СССР, составленный, естественно, специалистами-кавказоведами и подписанный заместителем директора института как официальным лицом. Кстати, для пополнения информации З. Бунятова доводим до его сведения, что аналогичный ответ, «напечатанный на бланке солидного учреждения», являющийся опять-таки ответом на «обращение к высшим партийным органам», получили также, и намного раньше, чем он был напечатан в газете «Гракан терт», академики АН АрмССР Б. Н. Аракелян, Г. Х. Саркисян и член-корр. АН АрмССР С. С. Аревшатян.

Чтобы оградить свою подзащитную от критики, З. Бунятов подтасовывает факты. Он пишет: «...Исследования Ф. Мамедовой давно известны в науке. Ее первая книга (1971 г.) (должно быть 1977—авторы), где она впервые доказала, что в Албании в период раннего средневековья был не первобытно-общинный строй, а феодальный, а также ее исследования в области источниковедения, политического строя, идеологии, исторической географии получили высокую оценку крупных специалистов—академиков С. Т. Ере-

мяна, Г. Х. Саркисяна, членов-корреспондентов АН СССР К. В. Тревер, А. П. Новосельцева, докторов наук А. Р. Шихсаидова, К. Н. Юзбашяна, З. Н. Алексидзе, В. Г. Луконина, многих ученых Азербайджана». Оставим пока мнение докторов наук А. Шихсаидова и З. Алексидзе (они были оппонентами докторской диссертации Ф. Мамедовой, и их неопубликованные отзывы нам неизвестны). Что же касается С. Т. Еремяна, А. П. Новосельцева и К. Н. Юзбашяна, то они высказывали свое положительное мнение (устно или письменно) лишь о первой книге Ф. Мамедовой («История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании», Баку, 1977), представленной в качестве кандидатской диссертации в 1974 г. в Баку. Но З. Буниятов объявляет, что положительной оценки известных специалистов удостоились также ее *историко-географические* исследования, т. е. те, которые нашли место во *второй*, а не в первой книге Ф. Мамедовой, в книге, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук. Между тем во время защиты этой диссертации в присутствии самого З. Буниятова был оглашен отрицательный отзыв пяти ученых, в числе которых были С. Т. Еремян и Г. Х. Саркисян.

Вот следующий пример фальсификации. З. Буниятов пишет: «До публикации ее последней монографии («Политическая история и историческая география Кавказской Албании») ни у кого не вызывало сомнения существование Албании как политического образования, наличие албанского народа и албанской культуры, о чем еще задолго до Ф. Мамедовой писали... корифеи науки...» Читая эти строки, неосведомленный читатель с горечью и негодованием подумает, что есть ученые (по утверждению З. Буниятова, это «некоторые армянские ученые и те, кто соперничает с ними»), которые просто отвергают существование «политического строя Албании» (!), «албанской культуры» (!) и самого населения, выступающего в источниках под названием «албанцы» (!). Никто не отвергает ни того, ни другого, ни третьего. Речь в спе-

циальной литературе идет о том, что не существовало *единого этноса* албанцев, почему и термин «албанцы» оставался собирательным наименованием для тех многочисленных племен и народностей, которые населяли страну «Албания» (более обстоятельное изложение этого вопроса читатель может найти в книге А. Акопяна «Албания-Алунк в греко-латинских и древнеармянских источниках», Ереван, 1987, на русск. яз.). Такова современная научная точка зрения, и при этом перечисленные З. Буниятовым классики науки ничего противоречащего этому заключению не писали и тем более не доказывали. Специалисту (не дилетанту) следует знать, что процессы политической, языковой, конфессиональной, культурной консолидации могут и не завершаться образованием из племен единого этноса, народности, они могут остановиться на этапе метаэтнической общности. Отметим, что на основе всестороннего исследования исторических источников доказано, что население Албанского царства (функционировало на левобережье Куры с начала I в. до н. э. до V в. н. э.), известное из иноязычных источников под названием «албанцы» и состоявшее, согласно Страбону, из 26 племен, в процессе своей этноконсолидации остановилось именно на этапе метаэтноса, не превратилось в единую народность со своим единым самоназванием и самоназванием; потому собирательное иноназвание «албанцы» осталось политонимом и не превратилось в этноним (в современном научном значении последнего термина, принятом в этнографии).

З. Буниятов же (так же, как и Ф. Мамедова) пытается воспользоваться сложностью вопроса, особенно разнообразием в употреблении терминов в средневековых источниках и в научной литературе до самого последнего времени (о подобном рода разнообразии подробно пишет акад. Ю. В. Бромлей: «Очерки теории этноса». М., 1983, с. 7—22) для того, чтобы объявить все население Албании сформировавшимся этносом — народностью (народом в просторечии).

Почему именно так важно для науки выяснение степени этнической консолидации албанцев? С этим фактом связаны уточнение дальнейшей судьбы самих

албанских племен и многочисленные вопросы этнической истории соседних этносов.

Сасаниды, захватившие Закавказье, в 428 г. н. э. упразднили царство Восточной Армении и создали в регионе марзпанства (провинции). В албанское марзпанство они включили не только территорию собственно Албании, расположенной на левобережье Куры, но также и две области Армянского царства—Утик и Арцах, находившиеся на правом берегу Куры. Название *Албания*, относившееся до того только к левобережью Куры, с административно-политическим усилением марзпанства распространилось также и на правобережные армянские районы, и этот термин получил новое, административное содержание. До середины VI в. административный и религиозный центры марзпанства находились на собственно албанском левобережье, а после переместились на армянское правобережье—в город Партав. В результате процесса этнической интеграции между этническими компонентами страны армянское население правобережья не только не потеряло своего этнического облика, но и, наоборот, в определенной мере распространило свой язык и культуру среди собственно албанских племен левобережья. Таким образом, создание марзпанства привело, с одной стороны, к частичной арменизации собственно албанского левобережья, а с другой—к распространению самого названия «Албания» (по-армянски—«Алуанк») на этнически армянское правобережье Куры. Описанную двусмысленность термина «Алуанк» (собственно, т. е. левобережная Албания и Албанское марзпанство, охватывавшее также правобережье Куры, т. е. часть Армении) и обыгрывает Ф. Мамедова под аккомпанемент З. Буниятова.

После VII в. среди собственно албанских племен началось распространение ислама, и составные части албанского метаэтноса стали развиваться в сфере новых этнических процессов. Обобщая, скажем, что ныне их прямыми потомками являются большие и малые народности Северного Азербайджана и Южного Дагестана, говорящие на языках лезгинской подгруп-

пы—удины, лезгины, табасаранцы, цахуры, крызы, будуги, хиналугцы и др.

В XI—XIII вв., когда в Передней Азии стали появляться тюркоязычные племена, описанные этнические процессы были фактически завершены. Начиная с XV—XVI вв. их язык начал распространяться также в среде мусульманского, не тюркского по происхождению, населения региона (как следствие этнической интеграции на конфессиональной почве). На двух этих основах—конфессиональной и языковой, в Восточном Закавказье и северо-западных районах Ирана произошло формирование нового этноса, народности, впоследствии названной азербайджанской. Таким образом, в состав азербайджанского этноса вошли не только ведущий его компонент—тюркоязычные племена, но и представители иранских мусульманских этносов и этнических групп (персов, курдов, татов, талышей), а также мусульманизированные армяне, грузины, собственно албанцы, которые вносили в складываемую азербайджанскую цивилизацию многие элементы культуры своих бывших этносов.

В качестве напоминания обо всем этом в официальном ответе Института истории СССР говорится: «В книге трех известных советских историков (А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, *Путь развития феодализма*, М., 1972, см. с. 56—58—*авторы*) отмечено, что проникновение тюркского этнического элемента в Закавказье до XI в. было незначительным». В этой связи З. Бунятов в очередной раз становится в позу и недоумевает: «Причем здесь этот вопрос? Ведь в книге Ф. Мамедовой проблема тюркского этноса предметом исследования не была...». На самом деле З. Бунятов просто пытается скрыть основную идею Ф. Мамедовой (а также свою), согласно которой формирование азербайджанского народа означает просто превращение в тюркоязычный и переименование вполне сформировавшегося албанского этноса, следовательно, Азербайджану в древности просто соответствует Албания. Последняя в книге называется просто «историческим Азербайджаном», и автор доказывает, что «албанские-азербайджанские зем,

ли» необходимо защитить от посягательств субъективных армянских и грузинских ученых.

З. Бунятов претендует на доказательство албанской во всех смыслах принадлежности Утика и Арцаха (у него—Нагорного Карабаха). Но доказательство академика АН АзССР строятся вовсе не на новом источниковедческом материале или на новом прочтении данных известных греко-римских, армянских, византийских и т. д. первоисточников. З. Бунятов просто прибегает к известному антинаучному методу, к ссылкам на авторитеты. В ответ на высказывание Института истории СССР о том, что «население правобережья было арменизировано по крайней мере в V веке», он ссылается на две статьи И. А. Орбели, написанные в 30-х гг. К сведению З. Бунятова, И. Орбели также настаивал на многоплеменности албанцев и вовсе не пытался доказать их присутствие в XII в. на правобережье Куры. Если бы З. Бунятов проявил добросовестность, то он бы прочитал между цитируемыми им абзацами: «Политическую самостоятельность Албания потеряла задолго до того, и если это ее древнее название в той или иной форме еще упоминается в эту эпоху, то лишь пережиточно, в составе потерявших значение титулов» (см. И. А. Орбели, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 347). Мнение И. Орбели о проживании в раннем средневековье албанских племен южнее Куры было лишь порождением устаревших ныне научных знаний и высказывалось к тому же в чрезвычайно общей форме. Поэтому пытаться «опровергнуть» нынешние обоснованные научные выводы при помощи действительно огромного авторитета И. Орбели некорректно и нечестно.

Так блестяще «доказав» принадлежность Арцаха и Утика Албании, З. Бунятов восклицает: «Надо быть просто несведущим, чтобы утверждать, подобно А. Н. Сахарову, что Мхитар Гош, Давид и Киракос Гандзакечи не являются албанскими историками. Надо только ознакомиться с трудами И. А. Орбели, Т. И. Тер-Григоряна и др., а что касается труда Киракоса Гандзакечи, то он им самим назван просто «История» («Патмутивн») и точка. Это и есть та са-

мая албанская культура, существование которой отрицает А. Н. Сахаров». С каких пор Т. И. Тер-Григорян попал в число серьезных исследователей, известно, очевидно, только З. Буниятову, но нужно быть поистине «несведущим», чтобы считать употребление термина «Албания», упоминающегося, по словам И. Орбели, лишь «пережиточно», доказательством существования в XII в. этноса албанцев и их этнической культуры. Для нас остается загадкой, по какому же все-таки признаку З. Буниятов и его коллеги определяют этнокультурную принадлежность средневековых деятелей. Низамц, употребляющего этноним «тюрк» в пейоративном смысле, писавшего исключительно на персидском языке и рожденного матерью-курдянкой, или Хагани, воспевавшего свою мать сирийку на персидском языке, они считают азербайджанскими поэтами без всяких оговорок и одновременно отказываются считать армянами Гоша, Гандзакеци и других, хотя они не только писали исключительно на армянском языке, но и десятки раз сообщают о том, что они — армяне, и их родина — Армения. Вряд ли культурная экспансия может быть допустимым приемом для обогащения прошлого.

Кстати, даже в этой статье З. Буниятов не удержится от прямой фальсификации источников. «Забыв» свидетельство Мовсеса Каланкатуаци о неудачной попытке отравления русских воинов («рузиков») в городе Партаве, который они завоевали в 943—944 гг. у мусульманских правителей, З. Буниятов незаметно отводит этот факт от Партава и пишет: «Никто русов в Барде не травил (тем более женщины), а просто они объелись зелеными фруктами, после чего напильсь сырой воды, как результат — кровавый понос и поголовная смерть». Уж кому-кому, а арабисту З. Буниятову следовало бы знать, что согласно сведениям ибн Мискавайха (X—XI вв.) и ибн ал-Аспира (XIII в.), упоминающих об эпизоде с фруктами, это произошло с русским отрядом во время его похода на Марагу и в окрестностях Мараги, а не в Партаве. Советуем академику, прежде чем проявлять свои познания в медицине, еще раз перечитать хотя бы

обобщающую статью Н. Ю. Полового «О дате второго похода Игоря на греков и похода русских на Берда'а» («Византийский временник», т. XIV, 1958, с. 138—147).

Вообще примечательно отношение З. Буниятова к русской истории. В одном из последних пассажей статьи он самоуверенно и кичливо советует А. Н. Сахарову «углубить свои познания даже в том, в чем он считает себя специалистом», при этом указывая на ряд тенденциозно «оформленных», вырванных из контекста фактов (к примеру, «опечатку» в слове «русс»)¹.

Понятно, что на объективное рассмотрение З. Буниятовым истории армянского народа уже нечего рассчитывать. Фальсификация первоисточников и специальной литературы тут попросту милый грешок. В специальной статье, помещенной во втором выпуске «Переднеазиатского сборника», А. Перихаян доказывает, что даже если бы мы не располагали свидетельством Корюна о создании Маштоцем трех закавказских алфавитов, то их исследование все равно привело бы нас к тому же, о чем повествует Корюн. З. Буниятов переворачивает с ног на голову это заключение и преподносит своему читателю совершенно противоположное, а именно, что будто бы А. Перихаян доказывает непричастность Маштоца к грузинскому и албанскому алфавитам.

Во вступлении «Гракан терта», предваряющем отзыв Института истории СССР АН СССР, приводились слова из письма А. Мушегяна, где он совершенно справедливо отмечает, что помещенные в книге Ф. Мамедовой 6 карт не имеют никакой исторической основы и скопированы с карты «Объединенного Азербайджана», охватывающего территорию Советской Армении вплоть до середины бассейна оз. Севан, которая помещена во втором томе «Энциклопедии исла-

¹ Интересно, «углубив свои знания» в русской топонимике, что бы предложил акад. З. Буниятов вместо названия русского города «Старая Русса», в котором провел последние годы своей жизни Ф. Достоевский?!

ма», выпущенного в 1944 г. в Стамбуле, то есть в Турции, бывшей в то время союзницей гитлеровской Германии. З. Бунятов безоговорочно берет под защиту все карты Ф. Мамедовой и объявляет, что они вошли в книгу после апробации на совещании Института истории АН СССР (4—8 мая 1983 г.), посвященном проблемам исторической географии народов Кавказа. Это утверждение, однако, рассчитано только на неосведомленность читателей, так как в действительности присутствовавшие на отмеченном совещании армянские и грузинские специалисты (С. Еремян, Б. Арутюнян, Д. Мухелишвили, Д. Бердзнишвили) категорически отвергли представленные Ф. Мамедовой карты.

Но З. Бунятов идет дальше. Он объявляет, что карта в турецкой «Энциклопедии ислама» составлена не в 1944 г. (неверно!), а в 1949 г., а Турция с лета 1944 г. перестала оказывать помощь гитлеровской Германии, и, склонившись к союзу с Англией и Францией, 23 февраля 1945 г. разорвала дипломатические отношения с Германией и объявила ей войну. Вот так выясняется, что З. Бунятов выгораживает и карту «Объединенного Азербайджана», включающего в себя примерно половину территории Советской Армении, карту, которая вышла якобы вовсе не в профашистской Турции.

Однако и это еще не все: автор задает еще один вопрос. «Почему же А. Мушегян не удосужился взглянуть в карту Азербайджана в «Энциклопедии ислама», вышедшей на английском языке (т. 1, с. 189), или на французском языке (т. 1, с. 195), где Армения к Кавказу никакого отношения не имеет и расположена далеко южнее реки Аракс и западнее его притока Карачая». Так, вот где, оказывается, территория, где должна помещаться Армения, армянский народ. А если еще точнее? Можно и точнее, потому что чуть ниже автор статьи советует: «И уж если А. Н. Сахаров-специалист «по крещению», то советую ему попросить кого-либо, знающего армянский язык, перевести место, где у Агафангела говорится о крещении армян, где это проходило и в водах какой реки». Армян крестили

в реке Арацани, это нынешняя Мурад-су, находящаяся в Восточной Турции или Западной Армении, где турецкие погромщики не в столь уж и далеком прошлом истребили все армянское население. Вот где, вместо Кавказа, должны пребывать армяне, по мнению академика соседнего народа. Конечно, было бы лучше, если б, прежде чем давать советы, автор статьи сам предпринял бы рекомендуемый шаг и выяснил для себя, где находилась столица армянского царства, откуда ушел и куда возвратился Григорий Провсвитель. Но З. Бунятов не может примириться с существованием не только исторической, но и Советской Армении в современных пределах.

В 1980 г. он издал сочинение ал-Хусайни «Сообщения о сельджукском государстве». В нем, в частности, рассказывается о том, что, овладев Сафид-шахом (=Тетрицихе) и Ахалкалой (=Ахалкалаки), войско Алп-Арслана предприняло захват «еще одной мощной крепости» (гл. 13). Переводчик текста З. Бунятов без колебаний пишет в комментарии, что Сафидшахр «находился в нижнем течении реки Дебед (приток Куры), восточнее озера Чалдыр, по дороге из Карса в Ахалкала» (с. 190, прим. 10). Нетрудно заметить, что, по воле академика, река Дебед изменила свое русло и утекла из Советской Армении. З. Бунятов идет дальше: отождествляя «другую мощную крепость» с Лорийской, он пишет, что она «находится близ современного села Джалал-оглы Борчалинского района Грузинской ССР» (прим. 15). Здесь в каждом слове сквозит не столько невежество, сколько предвзятое отношение. Автору комментария не хочется, чтобы прежнее село Джалал-оглы называлось ныне Степанаваном (в честь Степан Шаумяна) и стало городом (и районным центром), не хочется соглашаться с тем, что нет уже прежнего Борчалинского уезда (от названия тюркского переселенного племени «борчалу»), не хочется, чтобы крепость находилась в Советской Армении. Но тогда да позволено будет спросить, какая разница между академиком З. Бунятовым и теми пантюркистскими специалистами, которые на нынешних турецких картах пишут вместо «Ленинакана»—«Гюм-

ри», вместо «Севана»—«Гёкча»? Мы очень долго считали несерьезными и не придавали значения подобного рода бредням, а З. Бунятов в это время воодушевлялся и расширял экспансию.

Добавим ко всему, что автор статьи, не простивший А. Н. Сахарову «опечатку» в слове «русс», давно и последовательно «трудится» на ниве плагиата. В 1965 г. З. Бунятов перевел статью Р. Хьюсена о хронологической системе труда Мовсеса Каланкатуаци² и напечатал в «Докладах» АН Азербайджанской ССР под своим именем³. Еще до того он присвоил множество примечаний Ч. Доусета к «Албанской хронике» Мхитара Гоша, кстати, часто неверно понимая английский текст⁴. Добавив имя одного из сыновей Давида Строителя, З. Бунятов выбрался в авторы составленной Хади Хасаном «Генеалогической таблицы», так же, как прибрал к рукам текст касида Ширвани⁵.

Прискорбно и не к лицу все изложенное титулованному представителю соседнего народа, однако это факт. Можно ли после этого требовать, чтобы З. Бунятов не оскорблял личность своих оппонентов? Переводчика труда Мовсеса Каланкатуаци, автора предисловия и примечаний к этому изданию, старшего научного сотрудника Матенадарана им. Маштоца Ш. В. Смбацяна он называет «неким клириком»,

² Robert H. Hewsen. On the Chronology of Moses Daskiranaci, BSOAS, XXVII, part. 1, London, 1964, p. 151—153

³ З. М. Бунятов, О хронологическом несоответствии глав «Истории Арван» Моисея Каганкатуаци («Доклады АН Азерб. ССР», 1965, № 4, с. 65—67).

⁴ The Albanian Chronicle of Mxitar Gos, by C. J. F. Dowsett. BSOAS, London, vol. XXI, part. 3, 1958, p. 472—490 Мхитар Гош, Албанская хроника, предисловие, перевод и комментарий З. М. Бунятова, Баку, 1960.

⁵ Hadi Hasan, Researches in Persian Literature, Hyderabad 1958; ср.: З. М. Бунятов, Грузия и Ширван в первой половине XI века («საქართველო რუსთაველის ხანაში», თბ., 1966, გვ. 280—292. О этом факте см. г. Бергаძე, ფელოცი შირვანის უნიკალური კასიდის შესავლის ისტორიიდან. «მაცნე», ენისა და ლიტ. სერია, 1975, № 4, გვ. 168—174).

старшего научного сотрудника Института литературы АН АрмССР А. Мушегяна—«заурядным филологом» и т. д. Не имея элементарной научной подготовки по вопросам арменистики и последовательно фальсифицируя ее историю и исторические первоисточники, З. Бунятов берет на себя смелость разделять профессиональных арменоведов на «здравомыслящих» и, должно быть, «нездравомыслящих».

В качестве послесловия отметим, что у З. Бунятова обнаруживается склонность исказить не только исторические источники и специальную литературу, но даже и сообщения сегодняшней прессы. Его статью завершает постскрипtum, где автор цитирует газету французских коммунистов «Юманите» и пишет: «Возмутительной и злонамеренной, в свете сказанного, являющейся посылка Абея Гезевича Аганбегиана, выступившего в Париже в отеле «Интерконтиненталь» перед дашнакской элитой с попыткой «доказать» правомерность отторжения Карабаха от Азербайджанской Советской Социалистической Республики (см. газета «Юманите» от 18 ноября 1987 г.)». То, что «представителей армянской общины», встретившихся с А. Аганбегианом, З. Бунятов объявляет дашнаками, можно принять, вероятно, за результат его особых политических взглядов. Однако непонятно, как он сумел определить по фотографии партийную принадлежность и по какому праву он приписывает свою оценку органу компартии Франции. Нелишне отметить, что среди этой «дашнакской элиты» находилась член ФКП с довоенным стажем, вдова национального героя Франции, коммуниста Мисака Манушяна Мелине Манушян, приветствовавшая советского академика словами «Армяне вместе с Горбачевым за обновление» («Юманите», 18 ноября, с. 17).

Не пришла ли пора З. Бунятову гласно ответить за все содеянное им?

СОДЕРЖАНИЕ

Упрощенный подход мешает выяснению этнических проблем	5
К изучению истории Кавказской Албании	9
О подлинной и мнимой литературе Кавказской Албании	53
Нагорный Карабах с древних времен до 1917 г.	75
Армяне перед судом ученых Азербайджана	100
Как издавались «Путешествия»	120
Кому воздать сторицей?	128
Обнаружен еще один «албанский историк»	135
«Бунятовщине» не видно конца	146